

Zpracování a vydání publikace (časopisu) bylo umožněno díky finanční podpoře udělené roku 2011 Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR v rámci Rozvojového projektu č. 15/5, programu 1c, Filozofické fakultě Univerzity Palackého v Olomouci: Zlepšení publikačních možností filologických a humanitních oborů Filozofické fakulty Univerzity Palackého.

Adresa, na níž je možno časopis objednat:

Prodejna VUP

Biskupské náměstí 1

771 11 Olomouc

e-mail: prodejna.vup@upol.cz

e-shop: <http://www.e-vup.upol.cz/>

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. L
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 2
Olomouc 2011

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

Татьяна Алексеевна Архангельская: ЮЛЯ КРАСА - ДЛИННАЯ КОСА (Образ белой и пушистой женщины Юлии Тимошенко в зеркале фразеологии)	105
VÍTĚZSLAV VILÍMEK: Lingvistický pohled na taktiky získávání časové rezervy při konsektivním tlumočení	113
Ладислав Воборил: К некоторым приемам образования компьютерного жаргона	121
LADISLAV VOBOŘIL: Výuka v oborech Ruština se zaměřením na hospodářsko-právní a turistickou oblast a Odborná ruština pro hospodářskou praxi: zkušenosti a perspektivy	127
Валентина Герасимчук: Вечная игра с вечностью: проигравших нет, только разочарование (гностический смысл текста В. Набокова «Защита Лужина»)	131
Олександр В. Иваненко: До походження антропоніма *Объчь (етимологічна розвідка) ...	139
Михаил Михайлович Калинин: «Мятежная независимость» мифа в романах «Моби Дик» Г. Мелвилла и «Преступление и наказание» Ф. Достоевского	143
Валерий Михайлович Мокиенко: Интернет-интерпретации истории и этимологии фразеологизмов	151
Алексей Подчиненов, Татьяна Снигирева: Homo revertens в русской литературе	161
Людмила Савенкова: Чего боится человек (ситуации употребления фразеологической единицы <i>Не дай бог</i>)?	171
Людмила Степанова: Фразеологические неологизмы в прошлом и настоящем	175
Петра Фойту: Русские фразеологические неологизмы и их фразеографическое описание (на материале русско-чешского словаря новой русской лексики и фразеологии)	181

RECENZE – REVIEWS – РЕЦЕНЗИИ

LADISLAV VOBOŘIL: Jan Gregor: Verbonominální spojení v ruštině (v částečné konfrontaci s češtinou)	187
Моника Вокурková: Dva nové slovníky z dílny krasnodarských lingvistů	190

ZPRÁVY – NOTES/NOTICES – ОТЧЕТЫ/ОБЪЯВЛЕНИЯ

Ладислав Воборил: Праздник русистов: XXI Оломоуцкие дни русистов	193
--	-----

KRONIKA – CHRONICLE – ХРОНИКА

Pokyny pro autory	199
-------------------------	-----

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Чехия, Оломоуц

ЮЛЯ КРАСА – ДЛИННАЯ КОСА (ОБРАЗ БЕЛОЙ И ПУШИСТОЙ ЖЕНЩИНЫ ЮЛИИ ТИМОШЕНКО В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)

АБСТРАКТ:

The article is devoted to the linguistic portrait of the known Ukrainian politician Yulia Tymoshenko. It studies the system of phraseological descriptive neologisms and their pragmatic potential on the basis of contemporary Russian and Ukrainian media.

KEY WORDS:

Linguistic portrait of politician – phraseological neologism – actual vocabulary – evaluation.

Смена лингвистических приоритетов, а также новые стратегии анализа и интерпретации языкового материала переориентировали современную лингвистику на изучение языка с позиции его связи с непосредственным создателем и носителем языка – человеком. Этот союз известен как проблема «Человек и язык», лингвистическое содержание которого «заключается в изучении мотивированности (детерминируемости) языковой системы и ее употребления в речи» [Шелякин 2005: 14]. Этот актуальный вопрос только в последние десятилетия оказался по-настоящему в центре внимания лингвистики.

Еще В. Гумбольдт говорил о необходимости изучения «человека в языке» и «языка в человеке»: «человек, пробуждая в себе свою языковую способность и развертывая ее в ходе языкового общения, всякий раз своими собственными усилиями создает сам в себе язык» [<http://jazykoznanie.ru/159>]. «Антропологический принцип», пишет он, – «проявляется в том, что человек становится системой координат при анализе тех или иных явлений, что человек сам включается в этот анализ, определяя его перспективу и конечную цель» [Гумбольдт 1984: 212]. Антропоцентризм, по сути, является исследованием механизмов функционирования языка с учетом человеческого фактора, ведь, как иронично выразилась Н. В. Бугорская: «в языке нет ничего человеческого, кроме ...

самого языка» [Бугорская 2003: 20]. Антропоцентризм как внимание к «образу человека» в языке в последние годы не только становится основоположным принципом исследования традиционных областей лингвистики, но и дает толчок к формированию новых антропоцентричных направлений и теорий (теория речевых актов, прагматика, когнитивная лингвистика и др.).

В контексте демократизации, интеллектуализации современных обществ человек снова оказывается в центре внимания. Да и в нынешней лингвистике наступает время перемен, которое совсем не соответствует сюжету фантастического одноименного романа Роберта Силверберга, в котором будущие земляне подвергались запрету на самовыражение, а сами по себе слова «я», «мое» приравнивались к ругательствам. Перемены эти определяются в значительной мере изменениями лексического состава языка, где «новообразования растут, как грибы после дождя». Лексикон и речь современного носителя языка отличается повышенной склонностью к разного рода модификациям и трансформациям, что отражает языковую динамику и активизацию процессов неологизации в частности.

Неологизмами следует считать «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз («окаzionaliальные» слова) в каком-либо тексте или акте речи» [ЛЭС 1990: 331]. Фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков [Мокиенко 2003; Степанова 2008]. Н. М. Шанский отмечает, что даже незначительное изменение состава во фразеологическом обороте рождает фразеологический неологизм: «Фразеологический оборот состоит всегда из одних и тех же компонентов, тесно связанных между собой как части целого и располагающихся друг за другом в строго установленном порядке. Постоянство состава и местоположения компонентов фразеологизма носит такой же характер, какой можно отметить для морфемного состава слова. Любая модификация в составе фразеологизма, любое – пусть самое небольшое – изменение порядка следования компонентов осознается говорящими как новообразование, лежащее за пределами системы языка точно так же, как и неологизмы лексические» [Шанский 1969: 27]. Неофразеологизмы в широком их понимании возникают, в частности, и на базе так называемых прецедентных феноменов. Прецедентный феномен понимается как «феномен первичного образца, поставленного для оценки или сопоставления, чтобы какое-либо явление было вторично создано благодаря опоре на тот образец, который уже был» [Ковалев 2004: 158.]. К прецедентным текстам исследователи относят цитаты, названия различных произведений, пословицы, поговорки, афоризмы, устойчивые фразеологизированные конструкции, известные широкой общественности.

Наряду с широким понятием неофразеологии необходимо остановиться и на узальной его части, – актуализированной лексике. Актуализированной лексикой мы, вслед за Н. Черниковой [Черникова 2007: 72] считаем именно тот корпус системного словарного запаса национального языка, который охватывает относительно небольшое количество лексических единиц, которые, попадая в социально значимые контексты, являются в определенный исторический период коммуникативно-релевантными и, соответственно, высокочастотными в языковой практике. Такие слова характеризуются движением от периферии к ядру, приобретением функциональной активности и свидетельствуют о перергруппировке словарного состава языка. Н. Черникова даже предлагает для номинации таких единиц новый лингвистический термин – актуалемы [Черникова 2007: 72]. Мы понимаем под актуалемами слова, выражения и фразеологические единицы, являющиеся общераспространенными в социуме в определенный период времени, появление которых связано также с политической ситуацией в стране. Иерархическим звеном языковой системы можно по праву считать эфемеризмы как важный элемент неологического среза языка. Термин *эфемеризм* означает «политически ориентированные слова – антропонимные производные от имен известных политиков, общественных деятелей [Заботкина 1989: 126]. В более широком смысле – это слова, активно употребляемые в определенный период общественного развития, которые тесно связаны с деятельностью конкретных политических фигур и общественных объединений на политической арене, но такие, у которых нет перспективы попасть в общий фонд языка, поскольку употребляются они лишь в связи с отдельными лицами и политическими событиями. Эфемеризмами, однако, следует считать не только слова, но и устойчивые характеристические выражения – обозначения лица.

Эфемеризмы, как собственно, и неофразеологизмы также создаются на базе прецедентных феноменов, к которым относятся и прецедентные имена, в частности, имена значимых фигур современной эпохи [Рацибурская 2011: 65]. «Использование подобных феноменов связано с одной из основных тенденций современных российских СМИ – тенденцией к экспрессивизации текстов» [Земская 2009; Ильясова, Амири 2009].

Для языка СМИ характерно повышенное внимание к личностному началу, о чем свидетельствует активное словотворчество на базе таких прецедентных феноменов, как антропонимы – имена политических деятелей, представителей бизнеса и поп-культуры. Появился даже отдельный термин – языковой портрет политика, который является фиксацией с помощью лингвистического аппарата (лингвистического описания) черт личности (группы индивидуумов) в процессе проявления ими своих вербальных (и не вербальных – Т.А.) качеств [П.Б. Царьков 2010]. Этот портрет создается в первую очередь самим политиком за счет внешнего вида, поведенческих особенностей, идиолекта, характерных для этого человека. Отдельную, и далеко не последнюю роль здесь играют PR-технологи, работающие над общим имиджем политика независимо от его желания и ситуации (пиар, как известно, бывает не только «белым»). В то же вре-

мя языковой портрет политика формируют непосредственно носители языка, «аудитория» политика, всегда состоящая из его сторонников и противников.

Объектом нашего исследования стал языковой портрет ярчайшего феномена украинской политической арены – Юлии Тимошенко. При неоднозначном к ней отношении даже за пределами Украины знают, кто такая ВОНА. Ю. Тимошенко как женщина на политической арене является скорее исключением из правила, нежели правилом. При этом при изящной дамской внешности экс-премьер проявляет еще и недюжинный мужской характер... И, несмотря на то, что Ю. Тимошенко в разговоре о себе никогда не употребила феминизированное обозначение: *До того як я стала прем'єр-міністром, я щодня бігала по 10 кілометрів у будь-яку погоду й у будь-яку пору року. Зараз я розумію, що у мене просто немає часу кудись бігти. Це, напевно, погано* (Инф. газ. «ТаблоID», 30.12.2009); *Напевно, я єдиний політик, у якого немає жодного квадратного сантиметра на кримській землі, і ніколи не буду мати. Також у мене немає жодного квадратного сантиметра на кийвській землі, і не буде... Президент Ющенко в одному із виступів назвав мене бомжем* (Газ. «Українська правда», 03.01.2010); *Если у кого-то сложилось ощущение, что я фан революции, – я не фан революции. Но взрывоопасная ситуация всегда крышку сорвет* (Газпожа и компания. Газ. «2000», 05.08.2011), народ Украины, конечно же, наделил ее массой как положительно, так и отрицательно коннотированных феминативов.

Харизма экс-премьера Украины стала своеобразным стимулом для возникновения многих одно- и двусловных «именных» феминативов, созданных способом феминной деривации: *боркиня, борчиня, босиха, берегиня, вождиня, вождыха, вождиця, державниця, экс-прем'єрка, экс-прем'єр-міністерка, керманичка, лідерка опозиції, патріотка-державниця, патронеса, найкрасивіша політикеса, політичка, правдомовиця, пані прем'єрка, реформаторка, слугиня народу, січова стрільчиха, шефиня, газпожа*. Она же *крыса из нержавеющей стали* (следует думать, по аналогии с «железной леди» Маргарет Тэтчер), *женщина на миллиард долларов* (ходят слухи, что Тимошенко должна полтора миллиарда НАК «Нафтогаз Украины»), а также *мама-ша украинской демократии* (по аналогии с «отцом русской демократии» И.Ильфа и Е.Петрова), – *Ожидали..., что вот-вот вмешается американский госдеп и поставит на место этих деятелей из UNICo, которые решили преследовать мамашу украинской демократии (по политическим, конечно же, мотивам) за какие-то там два десятка миллионов долларов* (Газпожа и компания. Ежемед. «2000», 05.08.2011). Многие «именные» феминативы и однословные наименования, производны от имени Ю.Тимошенко: *юльчатя, юльчи́зм, юльки, юльня, заюлистка, юльковики* – *Реплики юльков* – яркое доказательство несовместимости демократии и БЮТ (УНИАН. НЕТ, 06.03.2010), *ГазЮля – ГазЮля* или как правильно держать Украину за яйца (РЕВЕР.НЕТ, 17.08.2011), *КрысЮля – ТигрЮля* или *КрысЮля* обгрызла страну до костей (Тимошенко, кстати, родилась в год кры-

сы) (Эксперт-центр, 24.12.2009), **СволочЮля – СволочЮля**, верни украденное, а то ведь посодють (УНИАН, форум), **ТигрЮля** – В Брюсселе скоро может появиться писающая **ТигрЮля** – то ли в виде памятника писающему тигренку, то ли сама Юля Тимошенко. Как героиня. (Представители Украины в Брюсселе 24 августа ко Дню независимости Украины уже несколько лет подряд наряжают Писающего Мальчика в одежды Ярослава Мудрого, мотивируя этот странный шаг тем, что Писающий Мальчик уже приобрел облик известных людей – Наполеона, Михаэля Шумахера и др.) (ВЛАСТИ.НЕТ, 26.01.2011), **Полум'яна Юля – Пламенная Юля** – московский агент по кличке «**Бублик**» (Святая Днепровская вода изгонит москаля из вашей квартиры. Liveinternet.ru, 25.04.2010), **Пламенная Юля** сией чаши не минула (МЕТА.Форум, 04.08.2006), а также **Брехуля, Леди Ю, Наша Юля** и многие другие.

Мы попытались выявить наиболее распространенные в языке неофразеологизмы и эфемеризмы, относящиеся к персоне Юлии Тимошенко. Яркой, запоминающейся чертой ее внешности является, безусловно, коса. Коса – это длинные заплетенные волосы, обвитые вокруг головы – традиционный признак красоты у многих народов и один из национальных символов женственности в украинской культуре. В то же женщина с косой в национальном сознании носителей языка ассоциируется в первую очередь со смертью, что и спровоцировало появление огромного количества неофразеологических единиц на базе омонимии двух «кос». Заметим: неофразеологизмов и эфемеризмов с компонентом коса, позитивно оценивающих Ю.Тимошенко, выгодно подчеркивающих ее внешность и женственность, нами обнаружено достаточно мало: **Юля краса – русая коса, золотая краса Украины, Юля Тимошенко – женщина с косой в хорошем смысле, украинская дива с косой, женщина со знаменитейшей косой в мире, женщина с косой веночком, Тимошенко расплела косу** (расплетание косы – предсвадебный обряд, символизирующий девственность невесты; распустить (расплести косу) – 'выйти замуж'), **Тимошенко сбрила косу, Тимошенко распустила косу** – Да и вообще в народе уже ходит примета: если Тимошенко **распустила косу**, значит, жди ее союза с экс-премьером Януковичем (Экспресс-газета, 07.05.2009), **Тимошенко почесала косу** – Потом Тимошенко **почесала косу** и решила покориться тирании. «Попробую без нетолерантных высказываний, - пообещала она. – Дополнительными усилиями воздержусь. (Динамократия. Газ. «2000», 15.07.2011), **женщина без косы** – Женщина без косы более пацифична, чем женщина с косой, я считаю... (ollyan.livejournal.com, 12.01.2011). В современной прессе находим следующие положительно конотированные высказывания о Тимошенко: *Как женщина-руководитель она с косой была неповторима и запоминаема* (vip.glavred.info, 07.05.2009), *Без косы она просто красивая женщина, с косой – Юлия Тимошенко* (naveki-maria.livejournal.com, 26.01.2010), *прическа называется а-ля Юля Тимошенко* (fammeo.ru, 16.04.2011), *Историю моды, стиля и красоты Ю.Тимошенко можно охарактеризовать как «путь*

к *косе*» (vse-o-mode.ru, 10.08.2009). Однако ассоциативно носители языка все же склонны отождествлять экс-премьера с «другой» женщиной с косой, наделяя ее чисто мужскими чертами характера, агрессивностью, смелостью, жесткостью, умением принимать опасные решения, либо просто высказываясь о внешности Ю.Тимошенко весьма пренебрежительно: **женщина с косой – смерть Украины, нашла КОСА на камень, «женщина с косой» желает правительству политической смерти, женщина с косой наступает Януковичу на пятки, женщина с косой идет по пяткам, женщина с косой опять накосячила, А женщина с косой против!, женщина с бубликом, каравай с ушами, лживая женщина с караваем на голове, Брежуля с караваем на голове, женщина с косой и жестким сердцем, боевая женщина с косой, железная женщина с косой, страшная женщина с косой – В мире существуют две страшные женщины с косой: одна – смерть, другая – Юлия Тимошенко** (forum.setka.zp.ua, 08. 04.2008), **Юлия Адольфовна - Согласно Истории, Гитлер сбрил усы, одел косу и стал Тимошенко** (Wikia, 11.06.2011). Есть среди обнаруженных нами в СМИ неофразеологизмов, эфемеризмов и высказываний о Юлии Тимошенко и такие, оценочные характеристики которых зависят исключительно от контекста, либо являются контаминацией двух дисемичных основ: **женщина с косой – Вчера в 23 часа ночи по телевидению выступала женщина с косой (косой на голове) Юлия Тимошенко** (УНИАН. НЕТ, 04.03.2010), **Мы всегда боялись женщины с косой** (zalizyaka.livejournal.com, 06.08.2011), **Что общего у женщины с косой и мужчины с тремя ходками?** (gazeta-nd.com.ua, 04.09.2006), **тигрюля с косой, ищите женщину с косой, пропала женщина с косой, дама с косой, женщина с косой во всех смыслах данного персонажа, «работящая» женщина с косой, не обошлось без женщины, точнее – без женщины с косой, ффеерическая женщина с косой, женщина с косой и сердцем** (символ БЮТ), **милейшая женщина с длинной и острой косой**. Есть даже предупреждение - **женщина, не используй свою косу в политике!** Негативно-оценочные характеристики «именных» феминативов, эфемеризмов, а также единиц неофразеологического характера, связанных с «*косой*» Ю.Тимошенко, количественно доминируют в современной прессе.

Символика партии «Батьківщина» – белое полотнище с изображением стилизованного красного сердца и названием блока рождает не менее бурную волну образования экспрессивов; теперь «Тимошенко с косой» становится еще и «белой и пушистой», Жанной д'Арк местного разлива, ведь белый цвет всегда являлся символом чистоты и невинности, божественности и жертвенности: **почитатели женщины в белом с косой, женщина в белом и с косой, женщина в белом с косой, женщина в белом, наша Снегурочка, светлый лик женщины в белом, женщина в светлых одеждах, белая и пушистая Юлия Тимошенко – Юля Тимошенко – вся такая белая и пушистая** (tymoshenko-vona.com, 05.06.2011), **белая короле-**

ва - Юлия Тимошенко: **белая королева**. Вся белая и пушистая. В буквальном смысле лидер БЮТ (Gazeta.aif.ru, 03.02.2010).

Апогеем народного творчества в Украине стал 2009 год, когда Тимошенко всенародно объявила, что «Вона – це Україна» и что вона, собственно, «працює». С появлением лозунгов «Вони балакають, вона – працює», «Вони зраджують, вона – працює», «Вони руйнують, вона – працює» (obkom.net.ua, 05.08.2009) личное местоимение вона настолько сузило свою указательную функцию и расширило номинативную, что приобрело статус имени собственного, склоняемого как имя существительное: **Мы прочитали об обвинении ВОНОЮ Стокгольмского суда в коррупции** (Тимошенко судится с Фирташем в США. «Украинская правда», 27.04.2011), **Ничего хуже Ющенко и ВОНИ я не знаю** (Новини Униан. Коментарии, 28.05.2011), **А о суде над ВОНОЮ – похоже, что это 400-серийный фильм «Еще один день Тимошенко в прокуратуре»** (Избранное для всех.Lb.ua., 06.05.2011). Выражение «Вона працює» в силу своей номинативной ориентированности стало употребляться в заместительной функции «Юлия Тимошенко»: **Вона Працює порадовала народ** (Преступности.НЕТ, 14.08.2009), **Крыса из нержавеющей стали – ВОНА ПРАЦЮЄ** (Livejournal.com, 18.02.2010), а позже и вовсе сократилось до личного местоимения вона, став отличной базой для неофразеологизмов: **Великая отечественная ВОНА** (Заголовки. Предвыборное интервью с Юлией Тимошенко. Фокус, 24.12.2009), **Нам (украинцам) рано или поздно найдут такое обещание, что мы всем стадом, как когда-то за этой белой ВОНОЮ ломанемся в светлое белоснежное будущее** (Сергей Трегубенко. Zachid.net., 11.11.2010), **А всем одуревшим от леди ВОНОЇ предлагаю...** (М.Попович. Я уверен, что Луценко и Тимошенко посадят. ForUm., 19.01.2011). Наряду с вона тут же появились вони (противники Юлии Тимошенко) и воно (экспрезидент Украины Виктор Ющенко): **ВОНИ заважають ВОНИ на сонці і на луні, а ВОНА випромінює кристальну чесність і правдивість** (Униан. Форум., 2-10.06.2011), **А чому б ще й «ВОНО» у президенту не висунути?** (wz.lviv.ua, 08.10.2009).

Наше исследование подтвердило яркую тенденцию, отмечаемую многими учеными: объектом языкотворчества становится некая ключевая фигура современности. Это носитель определенных взглядов, политический деятель. Языковой портрет политика может быть создан как им сами, так и его электоратом и антиэлекторатом. В данном случае мы говорим о языковом портрете политика как результате всенародного языкотворчества.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БУГОРСКАЯ, Н.В. (2003): Антропоцентризм как категория современного языкознания. In: *Вопросы языкознания*. № 2.
- ГУМБОЛЬДТ, В. (1984): *Избранные труды по языкознанию*. М.
- ЗАБОТКИНА, В.И. (1989): *Новая лексика современного английского языка*. М.
- ЗЕМСКАЯ, Е.А. (2009): *Словообразование как деятельность*. – М.
- ИЛЬЯСОВА, С.В., АМИРИ, Л.П. (2009): *Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы*. – М.
- КОВАЛЕВ, Г.Ф. (2004): Имя собственное как прецедент в рекламе. In: *Вестник Волгоград. гос. ун-та*. Серия: Филология. Журналистика. – Вып. 1. – Волгоград.

- ЛЭС (1990): *Лингвистический энциклопедический словарь* / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.
- МОКИЕНКО, В. М. (2003): *Новая русская фразеология*. - Uniwersytet Opolski: Instytut Filologii Polskiej. Opole.
- РАЦИБУРСКАЯ, Л. В. (2011): Лингвокультурологические аспекты современных словообразовательных процессов. In: *Русский язык в школе*. - № 4.
- СТЕПАНОВА, Л.И. (2008): Эволюция фразеологических единиц и неологизмы. In: *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Frazeologia*. Opole.
- ЦАРЬКОВ, П.Б. (2010): Понятие «языковой портрет» думского политика-либерала. In: *Мир лингвистики и коммуникации*, № 4 (21).
- ЧЕРНИКОВА, Н.В. (2007): Актуальные концепты и их лексические репрезентанты // *Филологические науки*. - № 6.
- ШАНСКИЙ, Н.М. (1969): *Фразеология современного русского языка*. М.
- ШЕЛЯКИН, М.А. (2005): *Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы*. М.

VÍTĚZSLAV VILÍMEK

Česká republika, Ostrava

LINGVISTICKÝ POHLED NA TAKTIKY ZÍSKÁVÁNÍ ČASOVÉ REZERVY PŘI KONSEKUTIVNÍM TLUMOČENÍ

ABSTRACT:

The paper focuses on categorisation and reflection of methods used by consecutive interpreters in creating a time lag necessary for processing information that is difficult to interpret. It divides the tactics from a linguistic point of view according to types of modifications into two basic categories: 1. linguistic modifications and 2. paralinguistic modifications. Several subcategories can be further distinguished within these two categories.

KEY WORDS:

Interpreting – decompression – Russian – Czech.

1. Úvod

Tlumočení jako kognitivně náročný proces je charakterizováno vznikem jistých sémantických posunů mezi sděleními ve výchozím a cílovém jazyce (posun jako jev přirozený pro translační činnost odlišujeme ve shodě s A. Popovičem od pojmu negativní posun charakterizující chybná translační řešení zkreslující sémantiku výpovědi). Jejich příčinou je rozdílnost výchozího a cílového jazykového systému, kultur, odlišnost osobních stylů řečníka a tlumočnicka, ale také povaha vlastní tlumočnické činnosti. Při ní hraje nejpodstatnější roli fakt okamžitého mezijazykového převodu vyžadujícího operativní řešení s výrazně zúženými možnostmi jejich následné redakce, ale také omezení pracovní mentální kapacity.

Pro řešení translační úlohy má tlumočnick k dispozici určitou mentální kapacitu, kterou musí rozdělit mezi 1) poslech a analýzu výchozího textu, 2) zapamatování tlumočeného úseku a 3) produkci cílového textu [Rábeková 2008: 39–41]. Tato disponibilní kapacita je omezená, a proto **existuje závislost mezi náročností úlohy a časem potřebným pro její úspěšné řešení**. Přímou úměrně náročnosti textu roste také čas potřebný pro jeho správný převod.

Z tohoto důvodu můžeme u tlumočnicků vyzorovat **speciální retardační taktiky zaměřené na získání časové rezervy potřebné pro translaci náročného úseku**. Je to proces, který je svojí povahou inverzní vůči komprimaci

sdělení, která je pro tlumočení charakteristická. Důvodem, proč jsou i relativně krátká prodloužení efektivní, je skutečnost, že myšlenková činnost je třikrát rychlejší než mluvení. Přípustnost jejich používání vyplývá z rozhodujícího požadavku na „adekvátnost promluvy v cílovém jazyce s promluvou v jazyce výchozím“ [Formánková 1977: 228], přičemž zásadní je správný výběr dominantní a adicijní informace. Mluvený charakter translátu současně nese i do jisté míry menší nároky na přesnost vyjádření a syntaktické uspořádání výpovědi oproti překladovému textu.

V dalších úvahách se zaměříme na otázky retardačních taktik, které tlumočnick operativně používá k tomu, aby získal čas nutný pro zpracování výpovědi. V českém prostředí jsou známy starší studie zabývající se výrazovou ekonomikou při tlumočení (např. [Čeňková 1987; Hromasová 1974]), avšak existenci opačného jevu zatím nebyla věnována dostatečná pozornost. Pouze I. Čeňková zachytila pojem dekomprese, i když v poněkud jiných souvislostech [Čeňková 1987, 4–5].

2. Metodika výzkumu a analyzovaný materiál

Vycházíme z hypotézy, že existují určité taktiky temporálního charakteru, které tlumočnick operativně používá pro řešení nedostatku času potřebného pro provedení translačního úkolu. Na základě sebraného materiálu excerpovaného z reálných konferenčních diskursů se z lingvistického hlediska zaměříme na definování jednotlivých taktik používaných k tomuto účelu. Vzhledem ke skutečnosti, že tyto taktiky vedou k úpravám na různých úrovních jazyka (morfologické, lexikální i syntaktické), nelze pro jejich systematizaci bez výjimky použít žádnou známou obecně lingvistickou kategorizaci.

Provedený výzkum nebyl primárně zaměřen na zkoumání okolností vedoucích k uvedeným modifikacím textu, ale pouze na jejich výčet se snahou o kategorizaci. Pro orientaci pouze obecně uvedeme, že důvodů může být několik a že při konsekutivním tlumočení patří mezi hlavní potřeba prodloužit čas nutný pro porozumění obtížnému textu (nejasný smysl výpovědi, komplikovaná recepce textu, jako jsou např. neuslyšená a zkomolená slova atp.), vyřešení syntaktických problémů, převodových obtíží apod. Otázka okolností, které jsou příčinou různých úprav tlumočeného textu (včetně jeho dekomprese a rozšíření), je velmi zajímavá a zasluhuje samostatnou studii. V této souvislosti je nezbytné zároveň uvést, že používání jednotlivých taktik v konkrétních situacích hodně závisí na zkušenosti tlumočnicka. Pod pojmem zkušenost zde chápeme jak délku praxe, tak i skutečnost, zda jde o profesionálního tlumočnicka s příslušným odborným vzděláním.

Je nezbytné předem poznamenat, že zkoumané taktiky obsahují jak profesionální a správná řešení, tak řešení z hlediska metodiky tlumočení jednoznačně nevhodná, i řešení, jejichž správnost je otázkou kontextu a musí být posuzována pro každý případ individuálně v těsné spojitosti s informační hodnotou kontextu sdělení.

Protože se studovanou problematikou z translatologického hlediska zabývalo pouze málo prací a většinou pouze okrajově, byla vytvořena vlastní klasifikace taktik. Jako podklad pro její navržení sloužily záznamy konsekutivního tlumočení několika profesionálních tlumočnicků na různých akcích konaných v roce 2011. Hlavním zdrojem pro excerpci uváděných příkladů byl seminář o celní problematice

konsekutivně tlumočený z ruštiny do češtiny dvěma profesionálními tlumočníky, z nichž jeden pracoval směrem z aktivně ovládaného cizího do mateřského jazyka a druhý směrem opačným. Pracovní podmínky byly standardní a nezpůsobovaly vyšší než obvyklou stresovou zátěž.

Excerpce byly z důvodu přehlednosti zkráceny, ale s ohledem na maximální věrnost současně zachovány v podobě, v níž skutečně zazněly. Nejprve jsou uváděny výchozí ruské texty, následně jejich tlumočení. Úseky, v nichž dochází k modifikaci, jsou vyznačeny tučně. Pokud taktika text pouze doplňuje, je zvýrazněn jen adiccionální segment.

3. Typy tlumočnických taktik pro operativní získání času

Výzkum ukázal, že jednotlivé taktiky používané tlumočníky pro vytvoření časové rezervy v průběhu jejich řečové produkce jsou uplatňovány na dvou úrovních:

1) na úrovni paralingvistických prostředků;

2) na úrovni lingvistických prostředků.

Taktiky založené na **paralingvistice** mají dvě základní podoby. Obě vycházejí ze změn poměru času a objemu vyslovené řeči. Jsou to: 1) modulace tempa řečové produkce a 2) modulace pauz. **Zpomalování mluvního tempa** v obtížných úsecích nebo bezprostředně před nimi je typické pro konferenční tlumočníky. Aby zpomalení působilo co nejpřirozeněji, musí být pokles tempa pokud možno plynulý a nesmí překročit hranici, kdy začíná na posluchače působit rušivě. **Prodlužování pauz** oproti délce jinak obvyklé se vyskytne spontánně před problematickým slovem nebo slovním spojením.

Taktiky založené na využití **lingvistických prostředků** budeme analyzovat důkladněji a zaměříme se na jejich jednotlivé kategorie.

4. Taktiky získávání časové rezervy pomocí lingvistických prostředků

4.1. Doplnění prvku organizace textu

Jednou z vhodných taktik pro prodloužení času nutného pro převod určitého segmentu textu je vložení vytýkací částice *také* do převáděné promluvy na místě, kde je její užití z hlediska sémantiky celé výpovědi možné a kde ji nezkresluje. V rámci našeho výzkumného materiálu to dokládá následující příklad:

...Торгового представительства Российской Федерации и Региональной торгово-промышленной палаты...

...Obchodního zastupitelstva Ruské federace a také Regionální obchodní a průmyslové komory...

Отдельные случаи были зафиксированы...

Jednotlivé případy byly také zaznamenány...

Některá ukazovací a neurčitá zájmena jsou v řeči redundantní a při tlumočení zpravidla dochází z důvodu výrazové ekonomie k jejich řízenému vypouštění. Opačný proces – vkládání ukazovacích zájmen typu *ten*, *tento*, popř. *tenhle*, *takový* – je v produkci konsekutivních tlumočnicků velmi častý. Pokud není jejich frekvence přehnaná, působí přirozeně, protože odkazují na něco, o čem už byla zmínka v předcházejícím textu, a jejich přidání k výchozímu textu je pro posluchače neodhalitelné.

...это, прежде всего, граница с Европейским союзом...
 ...je to především **ta** hranice s Evropskou unií...

.. на интернетовской странице...
 ...na **těchto** internetových stránkách...

Pokud nedojde ke změně významu promluvy, může někdy tlumočník vložit do výpovědi i zájmena místní:

У меня ещё одна презентация.
 Mám **tady** ještě jednu prezentaci.

Vedle odkazování na subjekt, objekt nebo místo děje dochází i k adiccionálnímu odkazování na následnost dějů vkládáním časových a místních příslovcí *pak*, *potom* nebo *dále*:

...информацию можете увидеть на нашем сайте.
 ...informace můžete **pak** vidět na našich stránkách.
 ...энергоэффективный квартал...
 ...**dále** neergoefektivní sídliště...

U spontánního mluveného projevu – zejména u nezkušených řečníků – se vyskytuje časté uvozování jednotlivých položek výčtu příslovcem *dále* (případně *potom*) nebo frází *dále to je*, *dále to jsou* (popř. *potom to je*, *potom to jsou*). S podobným jevem se můžeme někdy setkat i při tlumočení.

4.2. Vkládání fatických prvků

Část prostředků, které tlumočník vědomě i nevědomě používá pro prodloužení času vlastní produkce, je do jisté míry analogická s fatickými prvky, které můžeme identifikovat ve spontánních mluvených projevech. Někdy se podobají balastním slovům a vazbám, pro které je charakteristické, že jejich užití nemá sémantické opodstatnění a že je někdy řečník nápadně často zbytečně opakuje (např. částice typu *tak*, *takže*, *tedy*, *no a*, *vlastně*):

...что была введена система предварительного информирования...
 ...že **vlastně** byl zaveden systém včasné výstrahy...

Этот институт был введён в Белоруссии...
Tak tento institut byl zaveden v Bělorusku...

Эти вопросы будут обсуждаться...
Takže tyto otázky se budou projednávat...

...мероприятия, связанные с функциями...
 ...akce související, **tedy**, s funkcemi...

Необходимо признать, что...
Takže musíme **tedy** přiznat, že...

U posledních dvou příkladů ovšem nemůžeme předpokládat, že se musí jednat pouze o taktiku získání času: vložení řečového obratu totiž může být také výsledkem snahy tlumočníka o zohlednění recipienta v podobě usouvztažnění nového sdělení s tím, které zaznělo dříve. Podobně je tomu i u uvozovací fráze *No a...*:

В ближайшее время на границе с Польшей планируется построить...

No a v nejbližší době se na hranici s Polskem plánuje výstavba...

Do stejné kategorie by patřila i balastní slova typu *fakticky, samozřejmě*:

В первую очередь приведем...

*В první řadě **samozřejmě** uvedeme...*

Vkládání neurčitých zájmen typu *jakýsi, jistý, nějaký, některý* popř. *určitý* se velmi podobá vkládání zájmen ukazovacích, avšak odkaz na osobu, předmět, vlastnost nebo na děj zde má podobu nekonkrétního obecného naznačení. Pokud je tato taktika použita na vhodném místě, nemusí vést ke ztrátám adekvátnosti cílové výpovědi. Současně si ovšem musí tlumočník uvědomovat, že slova jako *nějaký, jistý* nebo *určitý* přidávají textu zabarvení subjektivního hodnocení, jako to ilustrují následující příklady:

...чтобы не случилось попуцение этих исключений...

*...aby, aby nedošlo k **jakémusi** přehlédnutí těchto výjimek...*

У меня есть данные за 2009 год.

*Мám **nějaké** údaje za rok 2009.*

Adicionální fatické prvky mohou mít také podobu změny modality, která může v některých případech vést i k drobným sémantickým posunům (viz druhý příklad):

Благодарю вас...

*Я **bych** вам **chtěl** poděkovat za...*

...так что результаты позитивны.

*...takže **se dá mluvit** o pozitivních výsledcích.*

4.3. Vkládání ostatních plnovýznamových slov

Pokud se tlumočník rozhodne vložit do výpovědi určité plnovýznamové slovo proto, aby získal čas pro zpracování recipované informace, existuje velká pravděpodobnost, že se dopustí chyby v podobě zkreslení významu. Je to způsobeno: 1) náročností a rychlostí translačního úkolu a tím i omezením mentální kapacity zbývající pro zvažování všech jeho důsledků a 2) neúplnou informací o kontextu sdělení, který tlumočník zčásti pouze anticipuje. Proto můžeme tuto taktiku připustit pouze jako nouzovou.

Při použití této metody se velmi často setkáváme i s posuny, které se pohybují na hranici posunu negativního, což mohou dokumentovat následující příklady:

... перемещён на другой пограничный переход.

*...přesunut na **úplně** jiný hraniční přechod.*

Уважаемые дамы и господа, я знаю, что вы уже устали...

*Vážené dámy a pánové, vím, že jste už **všichni** unavení...*

Někdy mohou svévolně vložená plnovýznamová slova hranici přípustnosti dokonce jednoznačně překročit směrem do kategorie negativního posunu:

Благодарю вас за внимание и за ваше терпение.

*Дěkuji vám za pozornost a **hlavně** za vaši trpělivost.*

4.4. Explikace zájmených a příslovečných výrazů pomocí víceslovných prostředků

Z hlediska sémantiky předávané výpovědi se zde jedná o explikaci některých informačních obsahů vyjádřených ve výchozím textu zájmenem, příslovcem nebo příslovečným obratem. Je to proces inverzní k postupům tlumočnické ekonomie. Např. v případě nahrazování osobního zájmena podstatným jménem (případně rozvitým přídavným jménem) v procesu pronominalizace, který využívá posluchačovy znalosti kontextu a která je pro tlumočení velmi typický.

*Мы **его** активно готовим...*

*My **zasedání komise** aktivně připravujete...*

*Предполагаем, что **в этом году**...*

*Předpokládáme, že **v roce dva tisíce jedenáct**... místo *letos*.*

4.5. Používání variantního delšího názvu

Místo obvyklého převodu zkratky prostřednictvím zkratky známé v prostředí cílového jazyka používá tlumočnick někdy celý název instituce, státu apod. Tato taktika mu umožňuje získat velmi dlouhou časovou rezervu, nevede k žádným změnám v sémantické ani stylové rovině prezentovaného textu, ani nepůsobí negativně na posluchače, protože prodloužení výpovědi je takřka nepostřehnutelné. Je to proces zcela opačný k abreviaci, která je pro tlumočení typická (porovnej např. [Čeňková 1987: 4; Hromasová 1974: 102]).

*В рамках **СНГ**...*

*V rámci **Společenství nezávislých států**...*

Velmi podobné je i nahrazování krátkého tvaru názvu (např. státních celků, úřadů, organizací apod.) plným názvem:

*...рост **товарооборота Казахстана**...*

*...růst **obratu, obratu Kazašské republiky**...*

4.6. Používání analytických tvarů

Multiverbizace se při tlumočení může projevat mj. jako cílené používání alternativních analytických tvarů slovních druhů místo syntetických, přestože systém cílového jazyka umožňuje užití i kratšího tvaru. Tlumočení předpokládá jistou míru úspornosti vyjadřování. Jedním z prvků jazykové komprese je právě zestručňování používáním syntetických tvarů. Pokud ovšem tlumočnick potřebuje získat čas pro zpracování textu, obrátí tuto tendenci opačným směrem:

***Самым привлекательным**...*

***Nejvíce atraktivním**... místo *nejatraktivnějším*.*

*Представленная статистика **отметит**...*

*Prezentovaná statistika **bude poukazovat** na... místo *poukáže*.*

4.7. Opakování slov a frází

Pro získání času na promyšlení vlastní výpovědi někdy tlumočnick – podobně jako váhající méně zkušení řečníci – zopakují již vyslovená slova nebo celé fráze, aniž by to mělo nějaký sémantický význam. Z hlediska slovnědruhového se v našem korpusu

v této roli vyskytla podstatná jména, přídavná jména, slovesa, ale i spojky. Tato taktika je ovšem již svojí povahou jednoznačně nesprávná a na posluchače působí rušivě:

...предоставлением таможенных льгот...

...poskytováním celních výhod, výhod...

...что обязанность предварительного электронного извещения...

...že povinnost předběžného elektronického, elektronického informování...

Мы будем стремиться, чтобы...

Budete se snažit, snažit, abychom...

Для того, чтобы извлечь из таможенного союза выгоды,...

Proto, abyste, abyste získali výhody z celní unie,...

5. Závěr

Zkoumání retardačních taktik z hlediska lingvistiky překladu tvoří zatím počáteční stupeň studia nastíněné problematiky. Pro získání komplexnějšího pohledu je nutné prozkoumání i dalších aspektů a implementace poznatků z oblasti neurolingvistiky, psychologie atp. Bylo zjištěno, že je možné identifikovat určité taktiky, které lze rozdělit z jazykovědného hlediska do dvou skupin (paralingvistické a lingvistické) a v rámci lingvistických taktik do jednotlivých kategorií podle charakteru úprav, které používají. Ačkoliv je zřejmé, že jednotlivé podkategorie taktik používaných tlumočníky pro získání časové rezervy se budou částečně lišit podle konkrétního páru výchozího a cílového jazyka, dosažené výsledky dovolují formulovat obecný závěr, že většina těchto taktik je identická s některými postupy vědomě i nevědomě používanými při spontánní tvorbě textů. Za profesně specifické tedy nelze považovat používané postupy, ale způsob aplikace podle vhodnosti jejich použití, frekvence a sémantické a stylistické přípustnosti. Na základě těchto závěrů je možné identifikovat typická, správná a chybová řešení, která se mohou stát východiskem pro aplikace ve výuce tlumočení v rámci graduálních a negraduálních kursů na vysokých školách.

POUŽÍVÁ LITERATURA:

ČENKOVÁ, I. (1987): Princip ekonomie v procesu simultánního tlumočení. *Československá rusistika XXXII*, č. 1, s. 1–6.

ČENKOVÁ, I. (2008): *Úvod do teorie tlumočení*. Praha: Česká komora tlumočnicků znakového jazyka.

FORMÁNKOVÁ, M. (1977): Analýza tlumočnických aspektů ve vztahu k teorii překladu. *Československá rusistika XXII*, č. 5, s. 225–229.

FORMÁNKOVÁ, M. (1986): Charakteristika tlumočnické translace a její typy. *Československá rusistika XXXI*, č. 2, s. 77–82.

FORMÁNKOVÁ, M. (1987): Charakteristika tlumočnických postupů. *Československá rusistika XXXII*, č. 1, s. 6–11.

HAVRÁNEK, B. – JEDLIČKA, A. (1981): *Česká mluvnice*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.

HRDINOVÁ, E. M. (2008): Konsekutivní tlumočení. In: Hrdinová, E. M., Vilímeček, V. a kol. Úvod do teorie, praxe a didaktiky tlumočení. Ostrava: Ostravská univerzita, s. 17–35.

HRŮMASOVÁ, A. (1974): Principle of economy in simultaneous interpreting. In: *Sborník statí o jazyce a překládání II*. Praha: SPN, s. 105–123.

POPOVIČ, A. (1983): *Originál – překlad. Interpretační terminologie*. Bratislava: Tatran.

RÁBEKOVÁ, S. (2008): Kognitivní procesy v tlumočení. In: Hrdinová, E. M. – Vilímeček, V. et al. *Úvod do teorie, praxe a didaktiky tlumočení*. Ostrava: Ostravská univerzita, s. 36–45.

ЛАДИСЛАВ ВОБОРИЛ

Чехия, Оломоуц

К НЕКОТОРЫМ ПРИЕМАМ ОБРАЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОГО ЖАРГОНА

ABSTRACT:

The article deals with Russian computer jargon focusing on some processes of word-formation. Lexems analyzed in the article are either calques from English, or are a result of metaphoric or metonymic semantic shifts in the meaning of the words. The last group of lexems analyzed, the most interesting from lexical point of view, are examples of language play, word-twisting, contamination, phonetic mimicry.

KEY WORDS:

Russian Computer jargon – Internet – word-formation – calques – loan words – metaphora – metonymy – word play.

В настоящей статье хочется обратить пристальное внимание на некоторые единицы **компьютерного жаргона**, используемые в Интернете, в частности приемы или принципы их **образования**, возникновения. Из всего числа имевшихся в нашем распоряжении единиц (мы анализировали несколько электронных словарей компьютерного жаргона (профессиональных и любительских, всего свыше 1000 единиц) в круг отобранных для дальнейшего анализа вошло приблизительно 230 единиц. Критерием **отбора единицы** стал факт, что в процессе ее образования русским языком заимствовалась не материальная англо-американская оболочка, а использовались свои собственные ресурсы, средства, наличествующие в языке, конечно, с опорой на язык-донор. К основным **принципам образования** таких единиц можно, следовательно, отнести: во-первых, **калькирование**, во-вторых, **перенос значения**, и, в-третьих, **искажение, игру слов**.

Все анализируемые единицы относятся к пласту языка, который называют либо компьютерным жаргоном, либо компьютерным сленгом, аргю, жаргонизированной лексикой и т.п. Не желая вдаваться в вечный диспут насчет терминов жаргон и сленг, которые в восточной (напр., русской) и западной (напр., чешской) традициях воспринимаются немного по-другому, будем в дальней-

шем придерживаться термина **компьютерный жаргон**, под которым, по Виноградовой, можно подразумевать: «а) некодифицированный профессиональный язык компьютерщиков и программистов, а также людей, чья профессиональная деятельность связана с компьютерами; б) область данного некодифицированного языка, доступная обычным пользователям компьютеров и включаемая ими в свою речь» [Виноградова 2007]. В отличие от других жаргонов, сленгов (напр., студенческого, криминального), т.е. подязыков, компьютерный сленг обладает рядом свойств, благодаря которым он претендует на пост конкурента общелитературного языка. Это прежде всего выполнение им всех основных языковых функций (о карнавальной функции как разновидности эмоционально-экспрессивной функции будем говорить ниже), наличие у него письменной формы фиксации, попытки его кодификации и нормирования и тенденция к полифункциональности его лексических единиц, т.е. употреблению их в качестве жаргонизмов, так и профессионализмов.

Все приемы, за счет которых образуются жаргонизмы (компьютеризмы) (по Й. Губачеку [цит. по Černá 2004: 63]), можно разделить на **трансформационные** (словообразовательные: деривация, композиция, аббревиация, искажение) и **транспозиционные** (семантическое образование: метафора, метонимия, образование сложных слов, фразеологизмов, заимствование). Из вышеназванных приемов в нашем материале встречаются три основных: калькирование, семантическое образование (перенос значения) и искажение слов, языковая игра. Порядок анализа отдельных групп будет следовать количественному принципу.

Минимальным численным составом (15 единиц) в нашем корпусе отличается группа единиц, попавших в русский язык по принципу **калькирования**, т.е. построения лексических единиц по образцу соответствующих слов иностранного языка путем точного перевода их значимых частей или заимствования отдельных значений слов; различают кальки лексические и семантические [Розенталь, Голубь, Теленкова 2002]. К примерам **лексических калек** можно отнести, напр., слова *быстроух*, *сороух*, *шустроух* 'FastE-cho procesor', *синезуб*, *голубой зуб*, *синий зуб* 'интерфейс Bluetooth', *гляделка* 'viewer', *междумордие*, *междурожа* 'интерфейс', *мелкомягие*, *мелкософт* 'Microsoft' (во втором случае калькируется только первая часть слова подобно как у слова *видимокарта* 'видеокарта'), *трезубец* 'Trident'. **Семантические кальки** – это, напр., *башня* 'корпус типа tower', *ботинок* 'загрузочный сектор диска от англ. boot sector', *корень* 'первая директория в дереве, англ. root', *мышь* 'mouse', *окна* 'windows', *рука* 'процессор ARM'. Интересный случай среди найденных нами калек представляет собой образование *задница*, называющее 'компьютер марки Asser'. Тут, по нашему мнению, встречаются два приема: калькирование и языковая игра: берут часть английского слова, калькируя ее на русский язык, а именно ту часть слова, которая по ассоциации с названием марки компьютера совпадает с английским словом *ass* 'задница'.

Вторую по частоте группу (около 85 единиц) представляют слова, возникшие путем **семантического образования**, т.е. в результате изменения значения

уже существующего слова, чаще всего, на основе **метафорического** или **метонимического расширения значения**. Говорят, что метафорический перенос является универсальным способом образования жаргона и главным механизмом образования переносных жаргонных значений. [Брыкалова] Содержание метафоры – это сравнение: что-то с чем-то сравнивается по какому-то признаку. Итак, в составе наших примеров можно найти, напр., **предметную** метафору (*банка, ведро, гроб* ‘корпус компьютера’, *блин* ‘компакт-диск’, *веник, биг бублик, вентилятор, матрас* ‘вичестер, жесткий диск’, *веревка, шнурок* ‘провод, сеть’, *лапша* ‘множество проводов’, *доска* ‘клавиатура’, *намордник* ‘защитный экран монитора’); **антропоморфную** метафору (*мозги, голова* ‘процессор’, *глаз* ‘монитор’, *жапа* ‘задняя панель компьютера’, *кишки, потроха* ‘внутреннее устройство ОС’), **анималистическую** метафору (*крыса, грызун* ‘мышь’, *блохи, глист, жук, бацилла, живность, зверь, червь, червяк* ‘ошибки, вирусы’, *напильник* ‘чистящий диск’, *морда* ‘лицевая панель системного блока’, *тараканы* ‘микросхемы’), **флористическую** метафору (*зерно* ‘пиксель’, *гнилой* ‘плохой, некачественный’), **машинную** метафору (*аппарат* ‘компьютер’, *кузов* ‘корпус’, *педаль* ‘клавиатура’, *полуось* ‘операционная система ОС/2’, *светофор* ‘внешний модем с лампочками’), **музыкальную** метафору (*аккорд* ‘нажатие клавиш CTRL+ALT+DEL’), **религиозную** метафору (*коран, библия* ‘мануал, руководство’), **эмоциональную** метафору (*взорвать, ломануть; всосать; повис, упал, рухнул, сдохнул, свалиться*). Случаи **метонимии** не уж так часты, напр., *железо* ‘хардвер’, *кнопки* ‘клавиатура’, *склероз, камень, кристал, кирпич* – все это обозначения ‘процессора’, *волшебник* – название ‘ОС/2 Мерлин’, *стекла, ставни* ‘ОС Windows’. Путем метонимии возникли и обозначения некоторых количественно-номинативных единиц, как, напр., *метр* ‘мегабайт’, *пуд* ‘16 мегов камней’, *пол-пуда* ‘8 мегов камней’, *тонна* ‘мегабайт’ или глагол *стеклить* ‘устанавливать ОС Windows’.

Последнюю, по нашему с многими лингвистами мнению, самую интересную с точки зрения лексикологии группу компьютерных жаргонизмов (в нашем корпусе она охватывает прибл. 130 единиц) составляют единицы, возникающие на основе **фонетического созвучия, ассоциации** или графической смежности семантически несхожих общеупотребительных слов русского языка и английских терминов. Говорят о так наз. **фонетической мимикрии**. Это результат тенденции пристраивать заимствованные слова, которые неудобно произносить, к своим, созвучным, и в этом духе их и осмыслять, причем нередко достигается юмористический эффект и грубовато-фамильярный оттенок возникающих единиц. Данное каламбурное словообразование, обнаруживающее зачастую явления омонимии, паронимии, основано на таких приемах как, напр., метатеза, эпентеза частей слов, на отнимании, прибавлении, перемещении звуков в составе слова. В этом явлении, как пишет Н.В. Виноградова [Виноградова 2007], кроется и одна из жаргонообразующих функций компьютерного подъязыка, называемая «карнавальной» и рассматриваемая как разновидность эмоционально-экспрессивной функции языка. Она заключается в обязательном привнесении иронического или юмористического коннотатив-

ного элемента в семантику жаргонной единицы вполне в духе смеховой культуры, разработанной когда-то М.М. Бахтиным.

Материал, попавший в эту группу, можно разделить на две подгруппы. В первую вошли те единицы, заимствованные в готовом виде без изменений из общелитературного языка и ставшие жаргонизмами благодаря ассоциативному их созвучию и графическому подобию с английским оригиналом.

Причем имеются среди них как существительные (напр., *астма* 'язык программирования Assembler', *батон* 'клавиша, button', *егор* 'ошибка error', *девица* 'device'), так прилагательные (*гнушный, гнутый* 'написанный под эгидой GNU', *жареный* 'сжатый с помощью архиватора JAR', *сексепильный* 'ярый фанат Excel') и глаголы (*квакать* 'играть в Quake', *кутать, кутить* 'от англ. cut', *обуть* 'от англ. boot', *покалечить* 'упаковать с помощью PKLite' или *ссориться* 'извиняться, от англ. sorry'); однако, прилагательные и глаголы встречаются редко.

По словообразовательной структуре среди них можно выделить простые, непроизводные слова (*шпрот* 'модем USRobotics Sportster', *шаровары* 'shareware', *цирроз* 'видеоплата Cirrus Logic', *конь* 'винт Conner', *димка* 'модуль памяти DIMM'), сложные (*автогад* 'система проектирования Auto Cad', *голдед, голодед* 'редактор сообщений GoldEd', *ухопроцессор* 'echoprocessor'), сочетания слов (*горелые дрова, корелские дрога, король дров* 'графический редактор Corel Draw', *командир волков* 'Volkov Comander', *кора дуба* 'процессор Intel Core 2 Duo') и даже два эквивалента предложения (*смерть вам!* 'modem smart one', *нетмыл* 'netmail').

Рассматривая степень близости новообразования и английского оригинала, можно опять-таки с определенной долей условности выделить некоторые группы, хотя словообразовательные процессы тут идут весьма нерегулярно. В первую подгруппу попали выражения, которые по своему фонетическо-графическому составу совпадают или почти совпадают со словом, выражением или его частью языка источника, есть небольшие отклонения в качестве некоторых звуков, графем, напр., *батон* 'button, клавиша', *гнус* 'GNU C', *голдед* 'редактор сообщений GoldEd', *дуб* 'программа для работы с видео VirtualDub, NanDub, VirtualDub Mod', *анус* 'протокол Janus, используемый в мейлере T-Mail', *девица* 'device', *кобель* 'кабель', *дурень* 'процесор AMD Duron', *конь* 'винт Conner', *лань* 'LAN, локальная сеть', *паста* 'команда paste', *пень* 'центральный процессор марки Pentium Intel', *филе* 'файл, file'. Вторая подгруппа отличается расширением исходной формы или ее части на один-два звука, графемы, напр., *вата* 'компилятор фирмы Watcom', *дельфин* 'язык программирования Delphi', заниматься *делом* 'удалить файлы командой DEL', *димка* 'модуль памяти DIMM', *каша* 'Кэш-память', *кора дуба* 'процессор Intel Core 2 Duo', *кутать, кутить* 'резать, от англ. cut', *лапа* 'laptop', *репа* 'RIP-протокол', *слимак* 'вид корпуса компьютера – slim'. Третью подгруппу мы условно назвали произвольной расшифровкой, ассоциативным прочтением аббревиатуры, когда зачастую используется в качестве жаргонизма имя собственное, напр., *Аська, Ася* 'пограмма для обмена сообщениями по протоколу ICQ', *вагон*

‘видеоадаптер VGA’, *Баба Яга* ‘видеоадаптер EGA’, *вобла* ‘VLB – Vesa Local Bus’, *Ирка* ‘система онлайнного общения IRC’, *кеды* ‘KDE – Kool Desktop Environment’, *лопата* ‘LPT-порт, параллельный интерфейс’, *льжи* ‘компания LG’, *Оля* ‘OLE, Object linking and Embeding’, *пися* ‘компьютер PC’, *псих* ‘персональный компьютер PC’, *покалечить* ‘упаковать с помощью PKLite’. Четвертая подгруппа – это выражения, возникшие путем чисто ассоциативного образования на основе близости исходной и финальной единицы, напр., *колбаса* ‘мультикарта с Local Bus’ с перестановкой звуков, *вонь* ‘операционная система Windows’, *дрова горелые, корелские дрова, король дров* ‘графический редактор Corel Draw’, *компостер* ‘компьютер’, *мыло* ‘эл. почта’, *парикмахер* ‘Aldus Pagemaker’, *пасквиль* ‘программа на языке Паскаль’, *слякоть* ‘дистрибутив GNU/Linux Slackware’, *смерть вам!* ‘модем smart one’, *федора* ‘почтовая программа Front Door’, *халва* ‘Half-Life’, *хомяк* ‘home-page’, *шаровары* ‘shareware’, *шпрот* ‘модем USRobotics Sportster’, *шкаф, НемШкаф* ‘NetScape’. Еще раз надо подчеркнуть условность приведенного деления, в силу полной нерегулярности, окказиональности целесообразнее было бы анализировать каждый случай отдельно.

Вторую большую группу составляют новообразования, возникшие на основе слов русского языка, ассоциативно связанные с английским прототипом, обнаруживающие зачастую смеховое начало, имеющие грубовато-фамильярный оттенок и вульгарные коннотативные значения. С точки зрения структуры нередко речь идет о контаминации двух слов, литературного и нелитературного, грубовато-фамильярного. По словам Г. Гусейнова [Гусейнов 2000], в основе данного способа номинации лежит так наз. эсхрофемизм. Эта фигура речи обязана встрече двух приемов, освоенных носителями языка. Первый прием – это принудительное вчитывание подтекста в любое словесное сообщение. Второй – обращение (в самых разнообразных целях) к низкому, или неподцензурному стилю речи (эсхрология).

Таким образом возникли и в русский язык попали следующие единицы: *бизданутый* ‘имеющий отношение к ОС FreeBSD’, *блювануть* ‘обработать в BlueWave’, *блястер* ‘звуковую карту SoundBlaster’, *виндец* ‘аварийное завершение программы или системы Виндоуз’, *дебилспейс, Дюпель Сплюсный, Дюполь сплюснутый* ‘DoubleSpace’, *дисплюй* ‘дисплей’, *Дос Нафигатор* ‘Dos Navigator’, *дурдос* ‘оперативная система Dr-DOS’, *жопег* ‘файл типа JPEG’, *контупер* ‘компьютер’, *мудалист* ‘Medalist, жесткий диск компании Seagate’, *мудем* ‘неправильно работающий модем’, *мудератор, мудераст* ‘модератор-идиот’, *нот ебук* ‘notebook’, *пердаль* ‘педаля, кебарда’, *погамер* ‘программист’, *порнослоник* ‘фирма Panasonic и ее продукты’, *прескотина* ‘процессор на ядре Prescott компании Intel’, *програзм* ‘состояние высшего удовлетворения от занятия программизмом’, *программазм* ‘чрезвычайное увлечение программизмом’, *реплюй* ‘reply’, *стервер* ‘сервер’, *фотожоп* ‘графический редактор Adobe Photoshop’, *херокс* ‘техника компании Xerox’, *похерить* ‘сделать копию на ксерксе’, *юзверь* ‘юзер’.

В заключение нашего рассуждения можно парафразировать тезис Гасана Гусейнова в статье «Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей» [Гусейнов 2000], что возникновение новых языковых единиц в Интернете, в том числе жаргонизмов, обусловлено не столько практическими потребностями, сколько игровыми условиями виртуального пространства.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ:

Словари компьютерного сленга:

<http://www.kmtn.ru/~kivok/slov.htm> [31.10.2010]

<http://www.semsk.kz/computers/programs/diction.htm> [31.10.2010]

http://slanger.ru/?mode=library&r_id=2&page=63 [31.10.2010]

ČERNÁ, M. (2004): K tvoření slov v počítačovém slangu. [w:] *Opera Academiae Pedagogicae Liberecensis. Series Bohemistica. Vol. III, MMV. Eurolingua*, Liberec.

БРЫКАЛОВА, Е. М. (2010): *Культура общения и стратегии языкового функционирования*. http://www.acis.vis.ru/8/2/2_3/Brykalova.htm [доступ 31.10.2010]

БЭС: (1988) *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*, Москва.

ВИНОГРАДОВА Н. В. (2007): *Номинативная функция русского компьютерного жаргона*.

<http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/VinogradovaN.htm>

ГУСЕЙНОВ, Г. (2000): *Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей*. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8-pr.html>.

РОЗЕНТАЛЬ Д. Э., ГОЛУБ И. Б., ТЕЛЕНКОВА М. А. (2002): *Современный русский язык*. М.: Айрис-Пресс.

ТРОФИМОВА, Г. Н.: *О чем пока молчит Рунет?* URL: http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=11.

ТРОФИМОВА, Г. Н. (2004): *Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты*. М.: Издательство РУДН.

LADISLAV VOBOŘIL

*Česká republika, Olomouc***VÝUKA V OBORECH RUŠTINA SE ZAMĚŘENÍM NA
HOSPODÁŘSKO-PRÁVNÍ A TURISTICKOU OBLAST A
ODBORNÁ RUŠTINA PRO HOSPODÁŘSKOU PRAXI:
ZKUŠENOSTI A PERSPEKTIVY****ABSTRACT:**

The article deals with teaching Russian as a foreign language at Palacky University at the Department of Slavic Studies – its historical development, especially after 1989 (Velvet Revolution). The changes in quality and quantity are commented, then the present state is outlined. Some changes in the studies – Russian for Business, Law and Tourism and Russian for Special Purposes are foreseen. The article presents statistic data of teaching Russian at Palacky University, as well.

KEY WORDS:

Palacky University – Russian for Business, Law and Tourism – Russian for Special Purposes – Russian as a Foreign Language – Russian Studies – interest in studying Russian – historical outline – present state – future changes.

Za posledních více než dvacet let prošla výuka ruštiny jako cizího jazyka zásadními změnami, přípravu vysokoškolských odborníků v dané oblasti nevyjímaje. Tyto změny na Univerzitě Palackého vyústily mimo jiné i ve vznik dvou nových oborů: Ruštiny se zaměřením na hospodářsko-právní a turistickou oblast (1994) a Odborné ruštiny pro hospodářskou praxi (1998). O minulosti, současném stavu a možných perspektivách dalšího rozvoje těchto oborů, celkově o výuce ruštiny jako cizího jazyka na katedře slavistiky budeme v následujícím příspěvku hovořit.

Do r. 1989 měla výuka ruštiny jako cizího jazyka charakter monopolu, byla povinná, a tudíž zájemců o vysokoškolské studium ruské filologie bylo dostatek. Do r. 1990 probíhala příprava rusistů na Univerzitě Palackého jak na fakultě Filozofické, tak i Pedagogické. V nových podmínkách, tj. po r. 1990, nastala situace zcela opačná. Ze základních a středních škol výuka ruštiny jako cizího jazyka v podstatě vymizela; v r. 1990 se ruština přestala jako samostatný obor vyučovat i na Pedagogické fakultě.

Zlom v postoji k ruštině, a tudíž její pozice mezi ostatními cizími jazyky, se začaly výrazněji lepší až koncem 90. let 20. století.

Pro představu do r. 1990 se počty rusistů na Filozofické fakultě pohybovaly přibližně mezi 120 a 170 studenty; ruština se tehdy povinně studovala dvouoborově, nejčastěji v kombinaci s historií, češtinou nebo zeměpisem. V r. 1993 čítala olomoucká rusistika přibližně 80 studentů, nejčastějšími kombinacemi byla ruská – anglická, resp. ruská – německá filologie. V první polovině 90. let nastupovalo každoročně na katedru rusistiky, od r. 1994 slavistiky, ke studiu ruštiny cca 15 uchazečů. Tyto kvantitativní změny spolu přinesly i změny kvalitativní.

Kromě potřeby motivovat mladé lidi ke studiu ruštiny se samozřejmě změnily i požadavky trhu práce. Poptávka po učitelích ruštiny klesla téměř na nulu, zato bylo zapotřebí překladatelů, tlumočnicků, průvodců, pracovníků cestovního ruchu, manažerů atd. Vzhledem k uvedeným skutečnostem byl v r. 1994 akreditován nový obor s názvem „Ruština se zaměřením na hospodářsko-právní a turistickou oblast“ a o čtyři roky později pro zájemce o pokračovací studium navazující magisterský obor „Odborná ruština pro hospodářskou praxi“. Podobné bakalářské, ne už tak magisterské obory, vznikly i na jiných fakultách, např. v Ostravě, Plzni, Českých Budějovicích či Ústí nad Labem.

Závěrem tohoto stručného statistického přehledu ještě několik čísel. V současnosti má olomoucká rusistika přibližně 240 studentů, z toho na bakalářské studium Ruštiny se zaměřením na hospodářsko-právní a turistickou oblast připadá 125 studentů, na magisterské navazující studium Odborné ruštiny pro hospodářskou praxi 48 studentů, ostatní tvoří studenti dvouoborové bakalářské i navazující magisterské ruské filologie, resp. bakalářského jednooborového studia Ruské filologie v kontextu evropské kultury a literatury (akreditace r. 2007) – cca 65 studentů. Kromě výrazné kvantitativní převahy oboru Ruština se zaměřením na hospodářsko-právní a turistickou oblast je třeba konstatovat i dlouhodobě pozorovanou vyšší kvalitu jazykové, komunikativní, a samozřejmě translatologické kompetence těchto studentů.

Počet uchazečů o studium ruštiny se během prvního desetiletí 21. století stabilizoval; v posledních pěti letech došlo k mírnému nárůstu studentů především v oboru Ruština se zaměřením na hospodářsko-právní a turistickou oblast. To svědčí o zájmu studentů o tento obor a je důkazem jeho poměrně značné atraktivnosti. Zájem o studium ruštiny jako cizího jazyka na Filozofické fakultě Univerzity Palackého obecně potvrzuje i skutečnost, že katedru navštěvuje ročně dalších 250 až 300 studentů-neruštinařů, kteří chtějí studovat ruštinu v rámci předmětů B nebo C.

Jak již bylo řečeno, změnil se počet zájemců o studium ruštiny na vysokých školách, v souvislosti s tím ale i úroveň jejich jazykové vybavenosti. Do r. 1990 absolvoval uchazeč o vysokoškolské studium ruštiny přibližně 8–10 let jazykové přípravy na základní a střední škole. Od 1. pol. 90. let 20. století je jazyková i komunikativní průprava uchazečů značně různorodá a kolísá od elementární až po poměrně pokročilou znalost jazyka. Je však třeba konstatovat, že se na fakultě při výuce ruštiny nikdy nezačínalo od nuly. U přijímací zkoušky museli a musí uchazeči prokázat porozumění textu, musí umět reagovat v základních komunikativních

situacích, mít základní přehled o gramatickém systému ruštiny, jakož i přehled o reáliích, historii, literatuře a kultuře Ruska.

Cílem nových studijních programů byla především snaha o propojení jazykové a profesní přípravy absolventů. Proto je studium rozděleno na část jazykovou (přibližně 2/3 časového plánu studia) a část nejazykovou (1/3 časového plánu). Jazykový modul zahrnuje tři okruhy disciplín: blok praktické jazykové přípravy, překladatelsko-tlumočnický blok a blok reáliových, kulturologicko-literárně přehledových disciplín.

Nejazykový modul pak studentům poskytuje informace z oblasti makroekonomie, mikroekonomie, managementu, marketingu, řízení lidských zdrojů, práva, cestovního ruchu aj. I nejazykový modul v průběhu let zaznamenal poměrně značné změny. V první fázi výuku těchto disciplín zajišťovala katedra slavistiky prostřednictvím externích pracovníků. Později, kdy byl ustanoven kabinet a posléze katedra aplikované ekonomie, převzalo záštitu nad výukou těchto disciplín právě toto pracoviště. Výuka byla systematizována a vyrovnána právě na uvedenou současnou 1/3 časového plánu studia.

U absolventů bakalářského studia se předpokládá dosažení stupně B2 globální stupnice Jednotného evropského referenčního rámce pro jazyky, u absolventů navazujícího magisterského studia pak úroveň C1. Dosažení tohoto cíle slouží systémem jazykových cvičení konverzačních, gramatických, fonetického nácviku, kde se uplatňuje především funkčně-systémový přístup, výuka má částečně komparativní charakter a mnoho jevů je osvojováno na pozadí češtiny.

Nejdůležitější součástí přípravy je však blok překladatelsko-tlumočnických disciplín (překladatelská a tlumočnická cvičení, přednáška Úvod do teorie překladu a další volitelné disciplíny), čímž se toto studium nejvýrazněji liší od tradičního filologického. Cílem je naučit studenta překladatelsko-tlumočnickým dovednostem a schopnostem tak, aby byl schopen práce s texty různého tematicko-stylistického zaměření, byl je schopen adekvátně převést jak do mateřského, tak i do cizího jazyka. Důraz je kladen především na texty publicistické, odborné a administrativní. Základní překladatelské i tlumočnické postupy a operace si studenti osvojují v rámci tematických bloků, např. politika, ekonomika, vojenství, cestovní ruch; teoretickou průpravu pro překlad a tlumočení získávají v kurzu Úvod do teorie překladu. Součástí kurikula jsou i kurzy Ruské obchodní korespondence, věnované nácviku překladu dopisů a částečně smluv. Vzhledem k tomu, že překladatel musí znát dobře nejen cizí jazyk, ale i svůj mateřský, časový plán studia zahrnuje dvousemestrální kurz češtiny. Cizojazyčnou kompetenci si studenti dále rozšiřují ve výuce angličtiny, která je povinná čtyři semestry v bakalářském stupni, a dva semestry v magisterském stupni studia. U uchazečů se předpokládá střední úroveň znalosti angličtiny.

Blok jazykové a translatické přípravy pak uzavírá blok kurzů reálií, literatury a kultury současného Ruska tak, aby absolventi disponovali potřebnými znalostmi pro úspěšnou komunikaci s cizinci, resp. v cizím kulturním prostředí. Tyto znalosti mohou být často příčinou úspěchu či neúspěchu obchodního či jiného jednání.

Profil absolventa. Absolvent uvedených programů není ani byznysmen, ani manažer s filologickou přípravou, ale spíše filolog, který disponuje určitým penzem informací z oblasti práva, obchodu, cestovního ruchu atd., dobře se orientuje v disciplíně

nách ekonomické báze, má dobré právní vědomí, je počítačově gramotný. Jeho komunikativní kompetence, zahrnující kompetenci jazykovou, řečovou, sociokulturní, sociolingvistickou a translátologickou, je na vysoké úrovni, což absolventovi umožňuje řešit celou řadu běžných, ale i profesních úkolů v písemném i ústním styku.

Pro přípravu studentů vznikl během uplynulých dvaceti let celý komplex příruček, skript, slovníků a učebnic, které vzešly z pera členů katedry slavistiky, sekce rusistiky. Jde o materiály zcela nové, vytvořené právě pro účely nových studijních oborů. Mnohé z nich se dočkaly i reedice. Tyto materiály předpokládají paralelní přípravu jak v oblasti písemného překladu, tak i tlumočení. Tomu je uzpůsobena řada textů, gradovaných cvičení, nejprve analytických, později syntetických, pro nácvik překladu a tlumočení jak do mateřského, tak i do cizího jazyka.

V současné době procházejí oba stupně studia reakreditací. Zatímco u bakalářského studia Ruštiny se zaměřením na hospodářsko-právní a turistickou oblast k výrazným změnám nedochází, skladba časového plánu studia kopíruje ve své podstatě status quo, Odborná ruština pro hospodářskou praxi ve své současné podobě letošním akademickým rokem končí. Doběhne výuka letošního prvního ročníku studia. Důvodem jsou především vyšší požadavky akreditační komise MŠMT ČR na úroveň navazujících magisterských studií, která svou podstatou nemají být profesně zaměřenými obory s dominancí výuky ve cvičeních a seminářích, ale studii s převahou teoretických disciplín a profilací pro příslušný, přesně vymezený obor. Namísto Odborné ruštiny pro hospodářskou praxi je akreditováno jednooborové navazující magisterské studium Ruské filologie, které bude prvním uchazečům otevřeno v r. 2012. V rámci tohoto studia zůstává blok překladatelsko-tlumočnických disciplín v plném rozsahu a možnost výběru studia disciplín ekonomické báze. Do časového plánu byly zařazeny i některé disciplíny profilující absolventy více filologickým směrem. Věříme, že oba typy studia – jak tradiční studium Ruštiny se zaměřením na hospodářsko-právní a turistickou oblast, tak i nové jednooborové navazující magisterské studium Ruské filologie – se budou i nadále těšit stejnému zájmu studentů.

POUŽITÁ LITERATURA, ZDROJE:

www.slavistika.upol.cz

Воборжил, Л.: Опыт специальной программы по подготовке русистов-переводчиков и работников (тур-)бизнеса. In: *Русский язык как иностранный: проблем изучения, преподавания, оценки в свете общеевропейских компетенций владения иностранным языком: Международная научно-практическая конференция, Хельсинки, 13-14 мая 2005 г.: Сборник докладов и сообщений участников/* Редкол. Н.П. Исаев, А. Мустайоки, Е. Протасова. М. - МАКС Пресс, Helsinki yliopiston kirjasto, 2005. - 324 с.

ВАЛЕНТИНА ГЕРАСИМЧУК

*Украина, Киев***ВЕЧНАЯ ИГРА С ВЕЧНОСТЬЮ: ПРОИГРАВШИХ
НЕТ, ТОЛЬКО РАЗОЧАРОВАННЫЕ
(ГНОСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ТЕКСТА В. НАБΟКОВА
«ЗАЩИТА ЛУЖИНА»)****ABSTRACT:**

In the article the author aims at considering gnosiological intentions of text in aesthetically modus based on the example of so-called text-gnosis: issues of cognition, issues of search of truth, issues of knowledge. From this point of view text appears an original epistemological model, orientated foremost on “understanding” and “knowing” of recipient.

KEY WORDS:

Aesthetic gnosiology – sense of object – senses of subject – author as an intellectual substance of the text – understanding – knowing.

Сразу отметим, что именно в период классицизма из некоторого родства картезианской рациональности и «поэтичности» Буало родилось явление, которое сейчас можно обозначить, как эстетическая гносеология, когда эстетика в формах прекрасного приобщи́лась к поиску истины как объективного знания. Процесс «единения» научного и художественного познания особенно зримо проявился в XX веке. Именно XX век явил миру много так называемых *текстов-гнозисов*, где одним из важных модусов авторской заинтересованности предстала проблема поиска истины как знания, допускающая и абстрактно-логические подходы к ее разрешению, и чувственно-художественные. При этом текст рассматривался как своеобразная эпистемиологическая модель, сориентированная прежде всего на «понимающего» реципиента. Тексты подобного типа, как правило, расширяют и эстетическую, и художественную оболонку своего бытия, при этом углубляясь собственно в сферу логики познания, в сферу прагматики, усложняют тем самым его художественную специфику как текста искусства.

Образцами текста-гнозиса, где осуществляется попытка с помощью художественного воплощения приоткрыть занавес перед познавательными поисками и возможностями человеческого сознания («со-знания»), можно считать тексты писателя-философа В. Набокова (романы «Защита Лужина», «Приглашение к казни», «Ада»). На это указывают и многие философско-эстетические, литературоведческие исследования, посвященные гностическому содержанию его текстов – А. Пятигорский [4], Е. Созина [5], А. Филд [6].

Текст романа «Защита Лужина» благодаря ключевому образу – образу шахмат – представляет собой экспериментальную площадку для создания каждый раз своеобразных и разнородных форм всевозможных эпистемологических моделей мира. Проблема онтологического статуса реальности решается как проблема творческого бытия. Автор в романе задался вопросами: Какова природа этого бытия? И почему так часто она отторгает все другие его формы, в частности эмпирические, соотнесенные с картинами обыденного сознания? Ответы на эти вопросы автор решил найти с помощью главного героя романа, яркого представителя творческого бытия – шахматиста Лужина.

Главный экзистенциальный вопрос: за что борется и от кого защищает Лужин – наталкивается на парадоксальную сущность объективного бытия, ускользающего самым удивительным образом перед каждым приближением к нему героя В. Набокова. «Самое страшное то, что противник не воплощен. Лужин борется с силой без имени, без лица» [1, с. 6], – справедливо замечает исследователь.

Шахматы и комбинации – это объективный мир, который пытается открыть герой. Что такое комбинации? Это поиск адекватного, сформулированного знания, истины, смысла-объекта. Шаг за шагом, от комбинации к комбинации Лужин открывает эти смыслы-объекты, но они никак не складываются в окончательную объективную картину мира, появляется новый виток на пути к познанию, новая гносеологическая ситуация, в которой проблема только углубляется или предстает в своей множественной ипостаси.

Лужин постоянно ищет (что характерно, интуитивно, иррационально) защиту от «нелегкой невыносимости» такого бытия, по сути, от невозможности его преодолеть, подчинить некоторым принципам, правилам, с помощью шахматного алгоритма установить свою собственную, которая была бы объективной, духовную парадигму. Его бытие попадает в заколдованный круг, из которого он пытается вырваться открытием все новых и новых комбинаций. Но процесс становится перманентным – новые интеллектуальные зигзаги гениальности, а объективный мир с его смыслами-объектами, смыслами-истинами почему-то никак не поддается окончательному раскодированию. То есть смыслы-субъекты в некотором смысле могут никогда не стать смыслами-объектами. И в этом самое большое бытийное противоречие, снятие которого невозможно, ведь его статус-кво – парадокс, открытый и описанный экзистенциалистами.

Но выйдя на прю с самой бесконечностью, Лужин и не подозревал, какой путь ему уготован: одержимое пристрастие, болезненная привязанность к игре

стала неподвластной разуму, а вскоре и пагубной для него, интеллектуальное перенапряжение привело к «играм разума», к испелению мозга, в конце концов к умопомрачению. «Игры разума», проникающие в вечность, в трансцендентные сущности, в конце концов приводят к тому, от чего собственно и хочет защититься Лужин, к экзистенциалам растерянности, тревоги, ужаса и т.п., с одной стороны, недоумения, восторга, благоговения и т.п., с другой. Причина этого – невозможность человека с его конечными возможностями, с его всего лишь возможными мирами постичь объективный мир, на пути к которому ему не хватает жизни, слишком конечной, чтобы охватить бесконечность. И поэтому экзистенциальное состояние непостижимости, противоречивое состояние благоговения и ужаса, Лужин назовет одновременно и чудом, и катастрофой. «Вертикальная была бесконечна, как всякая линия, и наклонная тоже бесконечная, скользя по ней и поднимаясь все выше, обречена была двигаться вечно, соскользнуть ей было невозможно, и точка их пересечения, вместе с его душой, неслась вверх по бесконечной стезе. Но при помощи линейки он принуждал их расцепиться: просто чертил их заново, параллельно друг дружке, и чувствовал при этом, что там, в бесконечности, где он заставил наклонную соскочить, произошла немыслимая катастрофа, неизъяснимое чудо. И он подолгу замирал на этих небесах, где сходят с ума земные линии» [2, с. 45]. Супрематическое мировосприятие в гностически завершенных геометрических формах (пирамиды, кубы, линии) можно считать данью времени. В тексте супрематическое мировосприятие распространяется и на шахматную реальность. Она, как строго регламентированная интеллектуальная игра, становится гностической моделью мира. Но не одной а множественной, не объективной, а индивидуализированной. Шахматные комбинации – это схемы возможных миров. С каждой гностической моделью элиминируются каждый раз новые множественные смыслы-субъекты, которые в тексте напрямую зависят от разных, если использовать нарратологическую терминологию, наблюдателей и свидетелей событий, а тот единственный смысл-объект, который пытаются найти в нескончаемых вариациях моделей мира Лужин, каждый раз ускользает из его сознания, переходя к разряду гипотетических.

К гносеологической теме текста автор подключает и основные идеи А. Бергсона о времени, о том, что жизненный мир человека состоит только из прошлого, активно экстраполируемого на его настоящее и будущее, и в них отражаемого. Именно этим объясняется постоянное и буквально безудержное желание Лужина всякий раз возвращаться к сконструированной и принятой им с определенного момента в детстве виртуальной шахматной реальности. Прошлое не просто преследует Лужина, оно как путеводная звезда направляет все его мысли и поступки в настоящем. Все воспоминания, переживания, отдельные эпизоды жизни – его платоническая любовь (и неплатоническая его отца) к своей рыжеволосой тете, приобщившей героя к шахматам, победа в шахматном турнире над оторопелым и одновременно совершенно потрясенным отцом, похороненный после этого футляр для шахмат, много других «вспышек памяти» стали для Лужина базовыми аксиологическими сущностями, легшими в гори-

зонтальную основу его вертикального восхождения к новым сущностям. Время, таким образом, трансформировалось в пространство, по которому двигалось сознание героя. «Вспышки памяти» останавливали время, направляли его в настоящее, элиминируя из прошлого только один его модус – шахматный. С другой стороны, время становилось «вечным настоящим», и в этом «настоящем» он всегда останавливался перед замороженностью будущих интеллектуальных зигзагов, которые обещали богатую пищу для ума; шахматная доска сакрализировалась, становясь воистину магическим квадратом, который приобщает к вечности с ее пока неизведанными смыслами. «Жизнь с поспешным шелестом проходила мимо, и вдруг остановка – заветный квадрат, этюды, дебюты, партии» [2, с. 42]. Отождествляя вертикаль и горизонталь своих духовных наставлений, Лужин идет путем собственно интуитивного познания, пробираясь, как его любимый Шерлок Холмс, «сквозь хрустальный лабиринт возможных дедукций к единственно сияющему выводу» [2, с. 42].

«Единственный сияющий вывод» – ключевое понятие в гностическом содержании текста В. Набокова, – это свет в конце «жизненного» тоннеля, некоторая абсолютная истина, смысл-объект, к которому устремлен интеллектуальный поиск героя. Но парадоксальность ситуации, в которую попадает герой В. Набокова, состоит в том, что вопреки рациональности шахматной игры, новые умовыводы в сознании Лужина складываются в иррациональную картину. Иррациональность того, что происходит, непрерывное существование замкнутого напряженного мира шахмат, вечная «угроза шаха», закономерно приводит к состоянию сознания, которое Ницше называл «пропастью». Затрагивая проблему гениальности, В. Набоков понимает ее как аномалию человеческого сознания. Но когда аномальное сознание, основная мыслительная линия текста, работает на свой предмет, интеллектуальная одержимость героя при этом сублимируется, приобретает четко направленный модус его бытия. Шахматная игра – это модус бытия Лужина, и он отстаивает это право именно на такой модус, точнее не отстаивает, а просто предан ему всеми мыслительными интенциями.

К поиску объективной истины, смыслов-объектов В. Набоков подключает и экзистенциал любви, огром человечности, огром возможностей в лице Натали Катковой, которая не просто полюбила странноватого, одержимого, не всегда опрятного и часто неадекватного человека, а приняла его со всем этим всем сердцем, сделала почти все, чтобы он мог опираться на более твердую горизонталь жизни. И на некоторое время «мысль» Лужина вдруг наполнилась дополнительной живительной силой, а шахматное бытие обрело твердь, жизненные основания. Это был период в жизни Лужина, дарованный небесами, с любовью, пониманием, цепочкой побед в шахматных турнирах. От этого ценностного духовного наполнения время расширилось, а вертикаль духа стала духовным космосом. Но все это не могло долго продолжаться. Философия «счастливой» жизни, формируясь на основе обыденного сознания, чувственно-практической эмпирии, создает «обыденную картину мира», в основе чего здравый смысл, опыт, традиция. Бытие героя В. Набокова, на-

оборот, никоим образом не пересекается с эмпирией жизни, хотя бы потому, что иррациональное поведение героя напрочь лишено существенного признака обыденного существования, а именно – здравого смысла, создающего для человека комфортное состояние стабильности и надежности. Сам В. Набоков сознательно обходит понятие здравого смысла, потому что считает: «Здравый смысл правильный, как квадрат, а тем временем самые значительные жизненные явления и ценности прекрасно округлые, похожи на мир, увиденный глазами ребенка, впервые попавшего в цирк» [3, с. 66]. Шахматное бытие – единственное бытие Лужина, другое, обыденное, предложенное Натали и продиктованное логикой «счастливой жизни» играет в тексте романа только дополнительную, фоновую роль. Натали пытается разными невероятными способами мудрой и глубоко ироничной женщины включить его в поток «земной жизни», при этом не нарушая его шахматного интеллектуального алгоритма. И хотя на некоторое время казалось, что Лужин охотно наслаждается семейным счастьем, но земной, даже счастливый груз, оказался ему немоготу.

Прав А. Пятигорский, подчеркивая, что «мир Набоковского знания раскрыт наружу, а внутри четко расчленован, аналитичен. Никакой цельности. Только цивилизация вещей, которой противостоит... мысль человека» [4, с. 342]. Текст В. Набокова имеет принципиально гностический характер. «Мысль» превалирует в бытии героя, она ищет новые повороты, новые смыслы, новые обоснования для старых смыслов. Болезнь Лужина обусловлена только этим обстоятельством, абсолютной беспомощностью сознания на определенном этапе нескончаемого процесса интеллектуального поиска. Литературные тексты XX века (в частности, тексты-гнозисы) вообще более склонны исследовать мыслительные процессы, а не психологические, при этом чувственная сфера в них рассматривается как онтологическая, в экзистенциальных понятиях, психологизм либо вытеснился на маргинес философского сознания в эмпирическую сферу, где бытие не наличествует, или просто не берется во внимание. Главное для героев В. Набокова – гносеология, знание, герои должны только знать. «Кто знает, тот сам и будет платить. И причем за собственное несчастье» [4, с. 342].

Специфика мироотношения Лужина формируется удивительным образом. Мир вещей, например, не чужд Лужину. Просто он не понимает, для чего они. Они не враждебны его мышлению, если бы это было так, резонно замечает А. Пятигорский, то Лужин был бы романтиком или психологом, чего на самом деле не было. Мышление само отталкивается от вещей – и не по причине враждебности, а по причине чуждости его природы этим вещам. Но так жить нельзя. Ни в жизни, ни в романе, «чтоб жизнь возникла, нужна хотя бы одна вещь, в которой мышление («не душа», говоря о Набокове, лучше быть осторожным) могло бы получить минимальный опыт мироотношения. Его мышление натолкнулось на шахматы – доска и фигуры стали пространством мышления, полем опыта. Перестали быть вещью и стали мышлением. Так можно включать в мышление весь мир, превратив его в одну вещь. Для Лужина одна вещь стала миром» [4, с. 208].

И в этом модусе развития главной мысли романа одна из фраз, брошенная между прочим одним из шахматных партнеров Лужина: «Да я уже под шахом стою» приобретает метафизический смысл. Бытие шахматиста исполнено экзистенциалами страха, неуверенности, детерминированными тотальной дискретностью шахматной игры, гносеологической невозможностью победить. Тут же возникает вопрос, а что собственно победить? И от кого должен выстраивать защиту Лужин? Он и в прямом и переносном смысле «стоит под шахом», – это онтологическая формула его бытия. А если вспомнить, что во «времена Лужина» в XX веке сместилась культурологическая парадигма, выражаясь метафорически, Бог перестал играть с людьми в черно-белые шахматы, оставив им много возможностей, но при этом очень тщательно смешал краски, то проблема: кого хочет победить Лужин, а также: от кого защититься, приобретает неопределенные контуры и в онтологическом смысле, и в гносеологическом. Интересно в этом плане проследить за ключевыми многозначными понятиями текста, которые действуют как активные носители этой многозначности, непосредственно включаясь в смысловые игры, в текстовые провокации. Здесь можно говорить о сознательном использовании логических приемов, в частности, эквивокации (когда многозначное слово употребляется в разных своих значениях, но при этом подчеркивается его однозначность), или амфиболии – употребление многозначного суждения, сознательно, а то и бессознательно игнорируя эту многозначность. В тексте есть яркий пример эквивокации (когда понятия с разными коннотациями в смысловой цепочке текста в конечном счете начинают восприниматься однозначно), так называемые дистантные цитаты текста с ключевыми шахматными понятиями («хрустальные шахматы», «играл», «сыграл в ящик», «партия» и т.п.), которые подводят к ключевому понятию-действию, символическому фрагменту-эпизоду – закапывание в саду шахматной доски («ящика с шахматами»), называемой героем «маленьким гробом», «ящиком-гробиком». Два концепта, две, присутствующие в тексте романа оппозиции, – одна – шахматная доска, другая – хрустальные шахматы, – увенчиваются однозначным смыслом. Закопав доску с хрустальными шахматами, уже в детстве Лужин похоронил свою хрустальную мечту – жизнеутверждающее существование в шахматном бытии. Сошлись концы его конечного существования: в начале своей жизни он похоронил шахматы, в конце жизни шахматы похоронили его. Причем невозможность уравновесить две реальности, которые почему-то никак не состыкуются между собой, рождает страх, как ни парадоксально, не перед смертью, не перед небытием, а перед жизнью. «Вечный шах» – это состояние его сознания. Он не в силах «стоять под вечным шахом», он все время выстраивает защиту от него, и когда не может ее осуществить, принимает единственно правильное, как ему кажется, решение – «выпасть из игры» и в переносном, и в прямом значении. Круг бытия в смысле М. Хайдеггера включает и экзистенциал смерти (хоть бы каким оксюморонным не было это понятийное соединение). Смерть, – считает философ, – в самом широком смысле есть феномен жизни. «Защита Лужина» – это защита, которую ему так и не удастся применить, это экзистенциальный

опыт, не пригодившийся в бытийном смысле. Чтоб выбраться из гносеологических противоречий, нужно поставить точку перед «вечным шахом» как вечной угрозой смерти. И герой В. Набокова делает наконец решительный шаг, чтоб обрести хотя бы маленькую и настоящую победу над шахом, – идет из жизни, «поставив мат» в онтологическом смысле, чтобы прожить одно мгновение своего сознания, освободившегося всего лишь на это мгновение от угрожающей объективности, превращающей смысл его жизни в нескончаемый и вопросительный абсурд. Это единственный смысл-субъект, содержащий экзистенциал свободы в хайдеггеровском понимании, свободу собственного выбора, свободу-до-смерти. Если любовь придает смысл его жизни, то смысл его бытию могли дать только шахматы, но это иллюзия, шахматы – это всего лишь игра, ими нельзя заменить бытия, потому что иллюзией есть и гностическая мысль о возможности человека познать тайны бытия. Они могут приоткрыться, случайно и невмотивированно, но чаще не открываются. И чем дальше человек в них углубляется, тем дальше они от него дистанцируются. Их парадоксальная природа с нескончаемыми возможностями, с одной стороны, и такая, непостижимая конечность человеческого бытия, – с другой, заставляет каждый раз «выпадать из игры» с гримасой застывшего удивления и недоумения, что и случилось с Лужиным. Он неистово хотел знать, как выстроить защиту, ему казалось, что вот-вот ему это удастся, но подсознательно приходилось привыкать к мысли, что путь к линии горизонта нескончаемый, и его линии никогда не достичь, поскольку конечность укорачивает этот путь. Таким образом, шахматные комбинации Лужина предстают в тексте шифрами бытия. И хотя на их разгадывание Лужин положил все интеллектуальные возможности своего сознания, но почему-то эти возможности не превращаются в сущности, а остаются только «кажимостями».

Мамардашвили оставил формулу смысла жизни свободной личности, связанную преимущественно с экзистенциальной сущностью человека, которая проявляется в так называемой «самобытийствующей личности». Лужин и есть в понимании Мамардашвили «самобытийствующей личностью», которая, однако, не осознает своего «самобытийствования», это бытие иррациональное, герой приходит в шахматы как бы из другого мира. Лужин пребывает не в жизненном, не в социальном пространстве, а проживает свою жизнь в некотором проекте трансцендентальных форм, некотором своем онтологическом образе, в связи с чем возникает и фундаментальный философский вопрос, а в чем собственно смысл жизни самого Лужина и, учитывая его онтологическую парадигму, – смысл жизни в общекультурном смысле. В общем считается, что человек полисущностный. Полисущностность Лужина сублимирована как моносущностность, проявленная в шахматной реальности, – единственным смыслом его жизни. Теряя этот смысл, он теряет жизнь.

Таким образом, В. Набоков, рассматривая гносеологическую проблему как поиск научного результата – истину, приходит к выводу, что очень часто незавершенность научного поиска делает его множественным, переводит в форму нескончаемого диалога, в вопросительную философию. А мышление чело-

века не может вынести объективности знания, потому что (или пока) оно работает внутри субъективной человеческой психики. Поэтому случайная встреча с истиной психически пагубна. Итак, «защита Лужина» онтологически проигрышна, это всего лишь очередной вопрос, точнее – вопросительность, обращенная к вечности, с надеждой, что кто-то ее подхватит и понесет дальше.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- [1] Аверин, Б. (2006): Набоков и Лужин // Набоков В. В. *Защита Лужина*. – СПб.: «Азбука-классика». – С. 5–24.
- [2] Набоков, В. В. (2006): *Защита Лужина*. – СПб.: «Азбука-классика».
- [3] Набоков, В. В. (1999): *Другие берега*. – М.
- [4] Пятигорский А. (1997): Чуть-чуть о философии Владимира Набокова // Набоков В. В.: Pro et contra. – СПб. – С. 341–347.
- [5] Созина Е. К. (1997): Мастерство В. Набокова-романиста // Набоков В. В.: Pro et contra. – СПб., 1997. – С. 94–114.
- [6] Field, A. (1967): *Nabokov: His life in Art, a critical narrative*. – Boston, 1967.

Д.т. 0-44- 457-13-62
Моб. 8-098-461-39-98

ОЛЕКСАНДР В. ІВАНЕНКО

Україна, Київ

ДО ПОХОДЖЕННЯ АНТРОПОНІМА *ОБЪЧЬ (ЕТИМОЛОГІЧНА РОЗВІДКА)

АБСТРАКТ:

The article is devoted to the structural and semantical features of the anthroponym *Объчь (< Proto-Slavonic *Obvěčь). The etymon for the personal name (or the surname) is Proto-Slavonic appellative *obvěčь (missed in the ЭССЯ) reconstructing in the article as well.

KEY WORDS:

Oiconym – anthroponym – appellative – etymon – etymology.

Як відомо, територія Лівобережної України в мовному та етнічному плані неоднорідна: крім типових українських мовних рис, фіксуються також російські та білоруські мовні особливості, у. т. ч. і в лексичній площині, що засвідчено, зокрема, в ономастиці.

У процесі роботи над ойконімією Чернігівської області нашу увагу привернула назва села Обічів (Прилуцький р-н.) [АТУ 1987: 340], відомого з 1629 р. [ІМСЧ 1971: 557] й згадуваного в доступних нам джерелах як село Объчевь Прилуцького повіту Малоросійської губернії під 1799-1801 рр. [ОЛУ 1997: 157]. Формальні показники ойконіма дають усі підстави реконструювати для нього як твірну основу антропонім *Объчь (його первинну форму добре збережено в російській діалектній апелятивній лексиці). Тому вважаємо за потрібне висловити кілька міркувань щодо етимології назви. Особова назва *Объчь відновлюється на слов'янському мовному ґрунті й може сягати псл. *Obvěčь < *Obvěkjь, *Obvětjь. З огляду на неоднозначність генези антропоніма, цікавою може виглядати й імовірна його мотивація.

Допускати існування давньоруського (чи староукраїнського) *Объчь, як, зрештою, й відновлювати його праслов'янський етимон, дозволяють антропоніми: К. Обеч – гравець футбольного клубу «Лонгбю» (Данія) [http://\vfm.lgb.

gu], а також засвідчені у США [м. Кларк, штат Вісконсін] прізвища імігрантів слов'янського походження або їхніх нащадків: Frank J. *Obiecz*, нар. бл. 1887 р., Francis J. *Obiecz*, нар. бл. 1920 р., Beatrice M. *Obiecz*, нар. бл. 1914 р., Harriet A. *Obiecz*, нар. бл. 1926 р. – усі в США з 1930 р. [http://search.ancestry.com] (сюди ж, можливо, й (фонетично модифіковані) польські антропоніми *Obyć*, *Obycz* [Rymut 2001, II, 170]).

1. Підстави для відновлення псл. **Obvěšť* < **obvěšť* (< **obvěškъ*) дають численні континуанти псл. **obvěško* / **obvěška* / **obvěškъ*: ст.-рос. *обичка* 'обруч, обід', рос. діал. *обѣчка* 'обід решета, лукошка тощо', рос. діал. (волог.) *обічка* 'залізний обруч, що вдягається на діжку', *обвѣчка* 'обідок', укр. діал. *обмчка* 'обичайка', *обічка* 'обід (у ситі, решеті), околиш', блр. діал. *абѣчка* 'обід решета та ін.; лубове коло для намотування куделі', *обічка* 'обід у решеті', а також рос. діал. *обѣчы* 'обручі верші, на які напинається сітка', *овѣчы* 'обруч, розпинка' ~ **obvěšče* (< **ob-věško-čje*) [ЭССЯ 2005, 31: 18]. Щодо типології мотивації-антропоніма пор. прізвища *Обруч* [Горпинич, Корнієнко 2003: 165], *Ободѣнко* [Горпинич, Тимченко 2005: 199], співвідносні з відповідними апелятивами *обруч*, *обо(і)д* тощо.

2. З іншого боку, цілком можливо пов'язувати псл. **Obvěšť* із *obvěšť* < **obvěťjъ* (відносно-посесивний формант *-jъ у цьому випадку має означати 'той, хто ...', тобто апелятив засвідчує в своїй семантиці результат виконання відповідної дії) від **obvětiti*: пор. схв. *obijetiti*, ст.-чеськ. *obětiti* 'пообіцяти', ст.-пол. *obieścić* (?) 'принести в жертву', рос. діал. *обвѣтуть*, *обвѣчатъ* 'обіцяти, дати обітницю', 'заповідати' ~ **obvětiti* (*se*) [ЭССЯ 2005, 31: 30-31].

Ще чіткіше простежується зв'язок аналізованого апелятива з **obvěť(j)ati*, пор. д.-руськ. *обѣчати*, *обѣцати* 'дати обітницю, слово, обіцятися', ст.-укр. *обѣчати са* 'давати обіцянку, обіцяти', рос. діал. *обвѣчатъ* 'обіцяти, дати обітницю', *обвѣчатъ* 'прагнучи захистити кого-н. від хвороб, знегод, брати на себе певні обов'язки; звернувшись до церкви з проханням, вимолити в бога, в святих покровительство цій людині', схв. рідк. *oběcati* 'обіцяти, дати обітницю, поклястися, заріктися; заборонити, пригрозити', *oběc* " *t se* 'брати на себе обов'язок, давати обіцянку; освідчуватися, давати подружню обіцянку'¹, слвн. стар. *obečati* 'обіцяти', слвн. *obečati*, *obietati*, 'обіцяти, подавати надії', чеськ. діал. *oběcat*, *oběcet* 'обіцяти; встановити, призначити', слвц. *obecat* '(по)жертвувати, (по)дарувати, (по)обіцяти; визначити наперед, призначити, встановити', *obecat'i* 'подарувати, пожертвувати', *obecat' sa* 'пожертвувати собою', ст.-пол. *obiesać* 'дати обіцянку, обіцяти', пол. *obiesać* 'обнадіювати, обіцяти; передрікати, провіщати, давати змогу сподіватись, чекати; попередити, дати вказівку, пророкувати' [ЭССЯ 2005, 31: 31-33].

Семантика наведеного слов'янського матеріалу залишає широке поле для пошуку імовірних мотивів номінації особи, оскільки, на думку І.М. Железняк, наявність полісемантичного апелятива чи омонімів значною мірою ускладнює

¹ Щодо семантики останнього слова цікаво навести пол. *Objatek* < *obiata* 'обітниця, шлюб' [Rymut 2001, II: 168]. З огляду на польський антропонім та семантику сербохорватського факту можна припускати, що одним із можливих первісних значень відновлюваного псл. **obvěšť* могло бути 'наречений'.

реконструкцію первісної форми праслов'янського антропоніма, а відновлення усієї гами уявлень давніх слов'ян про людину та їх практичних втілень тепер неможливе [Железняк 1998: 95-96].

Тому у випадку з реконструйованим антропонімом допустимі різні варіанти мотивації самого антропоніма чи його етимона: для бездітних батьків дитина могла розглядатися як дарунок богів, або, навпаки, дитину могли пообіцяти віддати на служіння богам². Проте найімовірніше, що так називали або пологоного, або людину, призначену в жертву³. Не виключено також, що *обечем* могли називати людину, яка мала пророцький дар.

3. У контексті наведеного матеріалу слід вказати ще один можливий шлях появи (очевидно, вже за староукраїнської доби) антропоніма *Объчь (~ *obvěť), а саме розглядати його як результат онімізації апелятива на зразок ст.-пол. *obiec* 'жертва, жертвоприношення', з яким структурно й семантично континують ст.-слвц. *obet* (*obeta*) 'обряд, на якому приносяться дарунки богам (богу) на релігійні або церковні потреби', 'жертви, пожертви', слвц. (ж. р.) *obet* 'тварина, предмет, зрідка й людина, принесені в жертву божеству (звичайно язичницькому) для вираження шаноби, вдячності, прохання та ін.', застар. 'людина, тварина або предмет, захоплені кимось силою, здобич', *obet* 'жертва', церк. 'треба', ст.-чеськ. *oběta* 'жертва, жертвний дар' < псл. *obvěť [ЭССЯ 2005, 31: 36].

Наведена лексика засвідчує семантичний перехід 'обіцяти' > 'щось обіцяне', пор. д.-руськ. *обѣтъ* 'обіцянка, провіщення, пророцтво', укр. *обіт* 'урочиста обіцянка, обов'язок, обітниця (переважно релігійного характеру), присяга', ст.-сл. *obѣтъ* 'обіцянка, обітниця', схв. *objet* 'обіцянка; змова; завіт, обітниця, присяга', ст.-чеськ. *obět*, ст.-пол. *obiet*, *obiat* 'жертва' (розглядається як богемізм) [ЭССЯ 2005, 31: 34]; також пор. укр. *обітний* (книж.), *обітний* 'обіцаний' [ЕСУМ 2003: 4: 134]. Власне ж псл. *obvěť «у багатьох етимологічних словниках окремих слов'янських мов ... характеризується як префіксальне (*ob-*) похідне від *věť* ...», проте укладачами ЕССЯ допускається можливість зворотного словотвору від *obvětiti [ЭССЯ 2005, 31: 36]. Правомірність останнього припущення підтверджується семантичним критерієм етимології: значення 'обітниця', 'жертва' = 'щось раніше обіцяне' – це також «кінцевий результат», мотивований відповідною дією (тобто псл. *obvětiti⁴).

ЛІТЕРАТУРА:

АТУ (1987): Українська РСР. Адміністративно-територіальний устрій на 1 січня 1987 року. К.
Горпинич, В.О., Корнієнко, І.А. (2003): Прізвища Дніпровського Припоріжжя (словник). Дніпропе-

² Типологічні паралелі лінгвального вираження цієї ідеї можна вбачати в антропонімах: укр. *Обіцан* (< обіцаний < обіцати) – прізвище [Редько 2007: 750], ст.-пол. *Obeczan*, 1221 р. [Морошкин 1868: 141], *Obiecan*, 1248 р., *Obiecanowic*, 1396 р. [Rymut 2001, II: 168] ~ псл. *obvēt(j)ati (se).

³ Таку сакральну семантику не слід рішуче відкидати, оскільки самі слова *обіт*, *обітниця* традиційно вживаються у випадках, коли йдеться про справи духовні, релігійні тощо. Сутність самого жертвального обряду добре розкрито в: [СД 1999, 2: 208-217].

⁴ Щодо ГЕНЕЗИ псл. *obvētiti (se), то його розглядали як похідне від *obvēť (М. Фасмер) або від *ov- + vētiti (О.М. Трубаčov) [ЭССЯ 2005, 31: 30-31]. З огляду на все вищесказане, імовірніше віддієслівне походження лексеми.

- тровськ.
- Горпинич, В.О., Тимченко. Т.В. (2005): Прізвища правобережного Степу. Словник. In: Ономастика і аплєлятиви. Вип. 22 / Відп. ред. В.О. Горпинич. Дніпропетровськ.
- ЕСУМ (2003): Етимологічний словник української мови: В 7 т. / За ред. О.С. Мельничука. К. Т. 4.
- Желєзняк, І.М. (1998): Семантичні параметри слов'янських антропонімних етимонів. In: Слов'янська ономастика: Зб. наук. праць на честь 70-річчя доктора філологічних наук, професора П.П. Чучки. Ужгород. С. 95-105.
- ІМСЧ (1972): Історія міст і сіл Української РСР: У 26-ти т. / Відп. ред. П.Т. Тронько. Чернігівська область. К.
- Морошкин, М.Я. (1868): Славянський именовслов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб.
- ОЛУ (1997): Описи Лівобережної України кінця XVIII – початку XIX ст. / Укл. Т.Б. Ананьєва / Відп. ред. П.С. Сохань. К.
- Редько, Ю. (2007): Словник сучасних українських прізвищ: У 2-х томах. Львів, Т. 1.
- СД (1999): Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. М. Т. 2.
- ЭССЯ (2005): Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева. М. Вып. 31.
- Rymut, K. (2001): Nazwiska polaków. Słownik historyczno-etymologiczny. Kraków. Т. II.
<http://search.ancestry.com>.
<http://vfm.lgb.ru>.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ КАЛИНИЧЕНКО

Украина, Ровно

«МЯТЕЖНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ» МИФА В РОМАНАХ «МОБИ ДИК» Г. МЕЛВИЛЛА И «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. ДОСТОЕВСКОГО

ABSTRACT:

Typologically similar origins of the authorial myth in the novels «Moby-Dick» and «Crime and Punishment», conditioned by the critical attitude of Melville and Dostoevsky to «New Mythology» of Romanticism, were revealed in this article.

KEY WORDS:

Comparative studies – mythopoetics – authorial myth – “New Mythology” – Romanticism – undecidability.

Профессор И. В. Волгин, вице-президент Международного Общества Ф. М. Достоевского, в одной из своих широко известных книг выступил с филиппикой в адрес компаративистики: «Пока бородатые компаративисты ищут литературные параллели, последние норовят пересечься за их спиной... Писатели имеют обыкновение прогуливаться парами: неделикатно прислушиваться к их задушевым речам» [Волгин 1991: 19].

Если не забудем, что профессор Волгин не только историк литературы, но еще и поэт, то становятся ясны и суть упрека, и причины использования столь незаурядной стилистики. Компаративистика, как он полагает, схематизирует литературный процесс. В ее разысканиях оказывается неучтенным личностное начало творчества. Не видят, не замечают «бородатые компаративисты» тех связей, которые обусловлены душевным родством писателей, родством настолько сильным, что так и видишь их прогуливающимися парами... Упрек, как видим, серьезный.

Но справедлив ли он? Мою статью, конечно же, не следует рассматривать только как ответ профессору Волгину. Она посвящена решению вполне конкретной компаративистской проблемы. Но надеюсь, что приведу и аргумен-

ты в пользу того, что компаративистика ни в малой мере не забывает именно о личностной составляющей литературного процесса.

Герои статьи – Герман Мелвилл и Федор Достоевский. Современная компаративистика усилиями многих исследователей (среди них и русские авторы Р. Назиров, Т. Венедиктова, и ученые из англоязычного мира Дж. Флетчер, Э. Форстер, Л. Мамфорд, Г. Овертон) уже доказала, что эти художники, жившие и творившие на разных континентах, решали, в сущности, сходные художественные задачи. Но ни один из них произведений другого не читал (так что, прогуливающейся парой – вопреки желанию профессора Волгина – их представить никак нельзя).

Мне уже приходилось писать о том, насколько типологически близки авторские мифы, воплощенные в романах «Моби Дик» и «Преступление и наказание» [Калининченко 2008]. Они восходят к древнейшим мифологическим представлениям человечества о неразделимом и неразрешимом единстве добра и зла. И герои североамериканского и русского писателей, капитан китобойного судна Ахав и нищий петербургский студент Раскольников, типологически близкие герои. Каждый по-своему, в неповторимых сюжетных обстоятельствах этих великих романов, стремится доказать свое личное право самостоятельно распутать, разрубить узел извечного единения и противостояния добра и зла. Капитан Ахав не просто пытается загарпунить Белого Кита. Как и Раскольников, он мечтает победить изначальное Мировое Зло, воплотившееся для него в свирепом белом Левиафане. И, как Раскольников, он неизбежно оказывается преступником, слугою, данником зла. Стремясь к добру, он, как и молодой петербургский интеллигент, решившийся взять в руки топор, *преступает* и человеческую мораль, и право, и религиозные представления. Неразрешимость, роковую неустранимость единства добра и зла – вот что утверждает, как и роман Достоевского, повествование о великой охоте на Белого Кита.

Сосредоточусь на проблематике, которую, как полагает профессор Волгин, компаративистика игнорирует. Попробую вскрыть именно личностные истоки мифопоэтики этих романов. Не пытаясь справиться с задачей в полном ее объеме, скажу о том, что представляется главным: Мелвилл и Достоевский близки не только как художники, создавшие типологически родственные авторские мифы. Они близки еще и в сугубо личном (неотделимом, конечно, от творческого) отношении каждого к «новой мифологии», создававшейся их предшественниками и учителями – западноевропейскими и русскими романтиками.

«Новая мифология» – понятие, возникшее под пером Фридриха Шлегеля. Это реакция на просветительский рационализм, лишивший современников волшебного и таинственного мира мифологических представлений, столетиями дававшего людскому роду и опору, и надежду. Отказавшись от мифа, человечество осталось наедине с загадками и противоречиями бытия, перед которыми все интеллектуальные дерзания века Просвещения оказались бессильны. И романтики попытались вернуть людям миф, создать «новую мифологию». Фридрих Шлегель убеждал единомышленников в актуальности именно этого

творческого задания: «В нашей поэзии отсутствует то средоточие поэтического искусства, которое было у древних, – мифология, и все существенное, в чем современное поэтическое искусство уступает античности, можно объединить в словах: мы не имеем мифологии. Но ... мы близки к тому, чтобы ее создать ... Древняя мифология примыкает к живому чувственному миру и воспроизводит часть его, новая должна быть выделена в противоположность этому из внутренних глубин духа...» [Шлегель 1980: 63].

Сотворение новой романтической мифологии осуществлялось (и в этом проявляла себя неустранимая парадоксальность романтической эстетики) в рамках традиционной для западной цивилизации рационалистической парадигмы мышления. Обратим внимание: «новой мифологии» следовало явиться из субъективного, творящего сознания, «из внутренних глубин духа». Миф должен был стать и становился средством создания романтической концепции бытия. В зависимости от своеобразия собственных убеждений и эстетических представлений романтики предлагали современникам варианты этого нового, отмеченного присутствием мифа, мировосприятия. Вариантов было множество: визионерский (Блейк, Колридж); философски-провидческий и мессианский (Новалис, Шеллинг, Шлегель, Эмерсон, Торо, Уитмен); интеллектуально-мистический (Шатобриан, Одоевский, По); связанный с фольклорными, христианскими (Гердер, Вордсворт, Саути) и национальными архетипами (Макферсон, Арним, Тик, Гоголь); пронизанный настроениями социального бунтарства (Шиллер, Гюго, Гейне) и бунтарски-индивидуалистический (Байрон, Лермонтов); пантеистический (Шелли, Торо, Уитмен); эстетски-моралистический (Жуковский, Готорн); гротескно-фантастический и приправленный иронией (Гофман, Де Квинси). Возвратив миф в поле идейных и эстетических исканий, романтики превратили его в средство и способ осмысления, истолкования загадок и противоречий бытия и сознания.

Осуществленное романтиками подчинение мифа философским и эстетическим концептам представлялось и Мелвиллу, и Достоевскому делом совершенно неприемлемым. Они остро ощущали неполноту творческой свободы, провозгласившей отречение от любых форм догматического мышления, но на деле создавшей собственный, романтический догматизм. Их личное отношение к превращению мифа в средство романтического концептирования бытия было негативным. Именно этим объясняются, например, критические суждения Мелвилла в адрес Эмерсона, «космический оптимизм» которого он воспринял как самоуверенное доктринерство, претендующее на всеохватное понимание духовного и материального бытия. В 1849 году, выслушав в Бостоне его публичную лекцию, Мелвилл написал Эверту Дайкинку: «Я увидел в Эмерсоне, несмотря на все его достоинства, существенный изъян. Живи он во время сотворения мира, то не преминул бы дать Творцу несколько ценных советов» [Melville 1965: 79].

И у Достоевского в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861) отразилось сходное (и заметим: очень личное, им самим выстраданное) критическое отношение к художественной модели бытия, созданной столь лю-

бимыми им в молодости романтиками: «Прежде в юношеской фантазии моей я любил воображать себя иногда то Периклом, то Марием, то Христианином из времен Нерона, то рыцарем на турнире, то Эдуардом Глянденингом из романа «Монастырь» Вальтера Скотта, и проч., и проч. И чего я не пережил в моем юношестве, чего не пережил всем сердцем, всей душою моей в золотых и воспаленных грезах, точно от опшума... Я до того замечтался, что проглядел всю мою молодость... ..только что кончу, бывало, служебные часы, бегу к себе на чердак, надеваю свой дырявый халат, разворачиваю Шиллера и мечтаю, и упиваюсь, и страдаю такими болями, которые слаще всех наслаждений в мире... Я ничего не замечал; даже, может быть, замечал, но... мне приятно было читать «Kabale und Liebe» или повести Гофмана...» [Достоевский 1988с: 3, 484–485].

Романтическое искусство, навязывавшее читателю свою версию миропорядка, предстает в этом явно осудительном контексте как искусство, уводящее от жизни, не позволяющее различать ее подлинную суть: «Я до того замечтался, что проглядел всю мою молодость... Я ничего не замечал...».

И особое место в этом критическом контексте занимает образ творца романтического художественного мира. Он в этом мире – полный властелин, но и безжалостный, злой властелин, откровенно глумящийся над созданиями собственного гения. По имени этот творец и хозяин романтического мира не назван, его присутствие обозначено местоимениями «кто-то» и «он»: «И стал я разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. Всё это были странные, чудные фигуры, вполне прозаические, вовсе не Дон Карлосы и Позы, а вполне титулярные советники и в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники. Кто-то гримасничал передо мною, спрятавшись за всю эту фантастическую толпу, и передергивал какие-то нитки, пружинки, и куколки эти двигались, а он хохотал и всё хохотал!» [Достоевский 1988с: 3, 486]. Историки литературы не без оснований полагают, что за местоимениями «кто-то» и «он» Достоевский скрыл имя Гоголя [Бочаров 2007: 220]. «Петербургские сновидения в стихах и прозе» написаны в ту пору, когда он уже ощутил необходимость вполне рассчитаться с мировоззренческими и эстетическими иллюзиями молодости. И влияние Гоголя на собственное творчество истолковал в этом отрывке отнюдь не в том положительном смысле, который закреплен в знаменитой, ему же самому приписываемой фразе о том, что все участники русского литературного процесса середины XIX столетия «вышли» из пресловутой «Шинели». Не называя имени, используя эвфемистические «кто-то» и «он», Достоевский уравнивал гоголевское влияние на себя с воздействием злой и нечистой силы, носителя которой и по имени-то лучше не называть.

Ироническое отношение к Эмерсону, способному давать советы самому Господу Богу, и критическое восприятие Гоголя как безжалостно-насмешливого, недоброго творца и властелина театра марионеток, – это проявления общего и очень личного, объединяющего Мелвилла и Достоевского негативного отношения к претензиям романтиков быть всеведущими истолкователями бытия,

навязывающими читателям собственную мифологизированную концепцию универсума. Они не претендовали на сотворение «новой мифологии», этого порождаемого властной волей романтиков эстетического пространства, охватывающего и истолковывающего все сущее. Творческие связи Мелвилла и Достоевского с мифом развивались на принципиально иной основе.

Романтики великодушно позволяли мифу присутствовать в их творениях, но являться ему надлежало из «внутренних глубин» их собственного духа. Мелвилл и Достоевский к мифу относились иначе: он для них именно вековечная целостность, существующая вполне самостоятельно, самоценная и суверенная, от творческого сознания независимая и – самое главное! – манящая к себе, неодолимо влекущая, зачаровывающая и стимулирующая творческое воображение.

Об этом они говорили с полной откровенностью. В 14-й главе романа «Моби Дик» читаем признание Мелвилла: *«Мы часто слышим о писателях, приобретающих вес и значение благодаря взятой ими теме... Как же, в таком случае, будет со мной, пишушем о самом Левиафане? Мой почерк сам собой расплывается огромными плакатными буквами. Дайте мне перо кондора! Дайте мне кратер Везувия вместо чернильницы! Держите меня под руки, други мои! Ибо покуда я наношу на бумагу свои мысли о Левиафане, они успевают измучить меня, и я готов упасть, обессиленный всепроникающей широтой их охвата, ведь они включают в себя весь круг наук, и все поколения китов, и людей, и мастодонтов, настоящие, прошедшие и грядущие, вместе со всей обращающейся панорамой земной империи и целой вселенной, не оставляя в стороне и ее предместий... меня, точно потоком, относит назад, в ту непостижимую эпоху, когда, как говорят, и самое время еще не началось; ибо время началось вместе с человеком. Серый хаос Сатурна колышется здесь вокруг меня, приоткрывая моему затуманенному, содроганному взору полярные вечности, когда бастионы льда напирали и вклинивались в области теперешних тропиков, а на всем протяжении в 25 000 миль земной окружности не было ни пяди обитаемой земли. Весь мир тогда принадлежал киту; и, владыка мироздания, он бороздил волны там, где тянутся теперь Альпы и Гималаи. Кто еще может похвастать такой длинной родословной? Гарпун Ахава пролил кровь древнее фараоновой. Сам Мафусаил кажется школьником в сравнении с китом. Я озираюсь, хочу пожать руку Симу. Я цепенею при виде всех этих невыразимых китовых ужасов в их домоисеевом, внепричинном существовании, которое было до начала времен и потому неизбежно будет и тогда, когда завершится людской век»* [Мелвилл 1962: 648–649].

О вдохновляющей силе мифа, о его воздействии на собственное творчество Мелвилл сказал именно так, как хотел и имел право говорить: *«Серый хаос Сатурна колышется здесь вокруг меня... Я озираюсь, хочу пожать руку Симу»*.

Достоевским еще в 1846 году в повести «Хозяйка» создан образ молодого «мечтателя» Ордынова, «художника в науке». Он стал первой, предшествовавшей роману «Преступление и наказание» попыткой отыскать пути и возмож-

ности эстетического взаимодействия со стихией мифа: «...Он видел, как всё, начиная с детских, неясных грез его, все мысли и мечты его, всё, что он выжил жизнью, всё, что вычитал в книгах, всё, об чем уже и забыл давно, всё одушевлялось, всё складывалось, воплощалось, вставало перед ним в колоссальных формах и образах, ходило, роилось кругом него; видел, как раскидывались перед ним волшебные, роскошные сады, как слагались и разрушались в глазах его целые города, как целые кладбища выслали ему своих мертвецов, которые начинали жить сызнова, как приходили, рождались и отживали в глазах его целые племена и народы, как воплощалась, наконец, теперь, вокруг болезненного одра его, каждая мысль его, каждая бесплотная греза, воплощалась почти в миг зарождения; как, наконец, он мыслил не бесплотными идеями, а целыми мирами, целыми созданиями, как он носился, подобно пылинке, во всем этом бесконечном, странном, невыходимом мире и как вся эта жизнь, своею **мятежной независимостью** (выделено мною – М.К.), давит, гнетет его и преследует его вечной, бесконечной иронией; он слышал, как он умирает, разрушается в пыль и прах, без воскресения, на веки веков; он хотел бежать, но не было угла во всей вселенной, чтоб укрыть его...» [Достоевский 1988с: 1, 297].

Рассказав в «Хозяйке» о фантастических грезах своего героя, Достоевский, рассказал и о самом себе. Он объяснил, как именно, на какой сущностной основе, развивалось его собственное эстетическое взаимодействие с мифом. Это взаимодействие, как и у Мелвилла, отличала внутренняя неустранимая противоречивость, неизбежная при взаимодействии с *независимой и мятежной* стихией мифа. Вступая во взаимодействие с мифом, сознание художника вовлеклось во внутренне противоречивые, *неразрешимые* коллизии.

У Ивана Бунина есть четверостишие, которое и Мелвилла, и Достоевского, доведись им прочитать эти строки, наверняка, не оставило бы равнодушным: «*Звездой пылающей, потиром / Земных скорбей, небесных слез / Зачем, о Господи, над миром / Ты бытие мое вознес?*».

Бытие, существование человека было исполнено для Мелвилла и Достоевского ценности, которая представлялась, виделась им в мифическом и сакральном ореоле значительности, уравниваемой Буниным со святостью вместилища Святых Даров. В человеке – в капитане Ахабе, в Раскольникове – оба прозревали такие падения и такие взлеты духа, осмысление которых возможно только в сопоставлении с темными безднами и ослепительными высотами мифа. Взаимодействие сознания и мифа было для них доказательством величия человека, обоснованием его причастности к самым главным, стержневым сущностям и загадкам бытия, к «*земным скорбям*» и «*небесным слезам*». Именно на основе этого неразрешимого взаимодействия и сформировались авторские мифы романов «Моби Дик» и «Преступление и наказание». Это взаимодействие было личным достоянием художников, личным обретением каждого – и оно является свидетельством не только творческой близости, но и духовного родства североамериканского и русского писателей. Компаративистский ана-

лиз, как видим, проясняет это – даже вопреки тому, что Мелвилл и Достоевский никогда не прогуливались парой.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БОЧАРОВ, С. Г. (2007): *Филологические сюжеты*. М.

ВОЛГИН, И. (1991): *Родиться в России: Достоевский и современники: Жизнь в документах*. М.

ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. (1988–1996): *Собр. соч.: в 15 т.* Т.1-15. Л.

КАЛИНИЧЕНКО, М. М. (2008): *Авторські міфи та стратегії тексту в романах «Мобі Дік» Г. Мелвілла та «Злочин і кара» Ф.М. Достоевського*. In: *Studia methodologica*, вип. 23, Тернопіль, с. 106-111.

МЕЛВИЛЛ, Г. (1962): *Моби Дик или Белый Кит*. М.

ШЛЕГЕЛЬ, Ф. (1980): *Разговор о поэзии*. In: *Литературные манифесты западноевропейских романтиков*. М.

MELVILLE, H. (1965): *The Letters of Herman Melville*. New Haven.

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МОКИЕНКО

Россия, Санкт-Петербург

ИНТЕРНЕТ-ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ И ЭТИМОЛОГИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

ABSTRACT:

The paper deals with the etymology of Russian idioms in the Internet. There are correct and wrong versions among them. The author criticises some wrong etymologies and shows the correct origin of some idioms. The wrong etymologies must be analysed too, because they show reader's interest to the history and emology of idioms.

KEY WORDS:

Idioms history – etymology – Internet – phraseological system – correct and wrong versions – the most popular theories of idioms origin.

Интернет стал мощным информационным каналом, к ресурсам которого обращаются многие пользователи. Оперативность получения информации, разнообразие её источников и способов комментирования, доступность обращения к ней и обращения с ней делают Интернет всё более востребованным. Расширяется не только масштабность информационного поля, но и возможности прямого участия пользователей интернетной информации в обогащении её ресурсов. Тем самым обеспечивается прямой диалог пользователей с «донорами» такой информации.

Все названные и другие позитивные особенности информационных ресурсов Интернета несомненны. Вместе с тем такие характеристики этой информации, как оперативность, «диалогичность» и масштабная разнонаправленность имеют и свои отрицательные стороны. Информационная широта, в частности, порождает плюрализм, «всеядность» и даже противоречивость данных, «плавающих» в Интернете. Такие данные провоцируют искус восприятия самых разных фактов и интерпретаций в многоплоскостной проекции. Это разнообразие требует от потребителя интернетной информации трезвого критического восприятия. Без самостоятельно взвешенной объектив-

ной оценки такой информации её пользователь рискует принять субъективное за объективное, недостоверное за достоверное, ненаучное за научное.

Покажем это на примерах историко-этимологической и культурологической информации, предлагаемой его Величеством Интернетом. Интерес к расшифровке исходного образа слов и фразеологизмов родного языка столь велик, что практически по всем языкам – во всяком случае европейским – этот информационный параметр представлен весьма широко и разнообразно. Разумеется, количественное и качественное различие историко-этимологических справок по каждому языку зависит в какой-то мере и от степени филологической и культурологической разработанности этого аспекта лексики и фразеологии в каждом языке. Но сам спонтанный интерес к этой информации вызывает к жизни немало попыток историко-этимологических толкований, которые на проверку оказываются народно-этимологическими. Особенно это характерно для интернетной интерпретации европейской фразеологии. Здесь научно обоснованные, почерпнутые из солидных фразеологических справочников интерпретации чересполосицей сменяются явно анекдотическими, заведомо недостоверными толкованиями.

Типичны в этом отношении попытки пользователей Интернета докопаться до внутренней формы одного из самых загадочных русских выражений – *собаку съесть*. Чисто анекдотический характер имеют объяснения на основе якобы народных обычаев или сказок. Вот два из них:

«Русские люди собак не едят, даже китайские мясные собачки чау-чау разводятся у нас исключительно в декоративных целях. Крестьяне так и вообще считали собаку нечистым животным, которому запрещалось входить в дом. Редкостная непогода должна была разбушеваться на улице, чтобы хозяин собаку из дома не выгнал. Тем более поганой считалась собачатина. Однако, голод не тётка, а нужда научит калачи есть. Бывают в жизни такие несчастья, когда и собаку съешь. Случится страшный голод, вроде того, что описан в повести Неверова «Ташкент – город хлебный», и будет съедена не только скотина, но и дворовые Жучки с Барбосами. И если человек в каком-либо деле собаку съел, значит испытал всё, и доброе, и худое, и теперь его в этом деле уже ничем не удивишь».

«Отправился молодой парень в первый раз поле косить, бодрый шёл, весёлый, рядом собака бежит. Навстречу односельчанин едет. «Повороты телегу, а то перескочу!» – прытко говорит парень. «А что в мешке несёшь?» – спрашивает встречный. «Пирог!» – «Что ж так много?» – «А что не съем, то собаке отдам», – отвечает парень. Под вечер возвращается парень с работы, еле ноги волоча, и просит того же односельчанина убрать веревку, лежащую поперёк дороги, потому что сил не осталось переступить через неё. «А пироги где?» – спрашивает односельчанин. «Съел». – «А собака?» – «И собаку съел, так во время работы есть захотелось. Зато всё поле выкосил, теперь учёный».

Характерно, что Валентина Пономарева, выпустившая в интернетный свет вторую сказку о происхождении нашего выражения, знает и цитирует также

версию А. А. Потебни, которая, видимо, по её мнению, не противоречит «сказочной».

«Плюрализм мнений» вообще характерен для интернетных историко-этимологических толкований фразеологии. Иногда случайная лингвистическая или культурологическая ассоциация порождает наукообразную гипотезу. Так, один из пользователей Интернета замечает, что в книге академика Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» приводятся древнеперсидские представления о летающей солнечной собаке Семаргле и что у славян также существовали изображения священного солярного пса. «Отчего не предположить в качестве гипотезы, – восклицает её автор, – что фразеологизм *съесть собаку* и у славян некогда имел сакральный смысл? Как знать...» (Школа жизни.Ру)

Немало в Интернете и глубокомысленных, чисто лингвистических сопряжений, которые могут изобиловать конкретными фактами, но не вооружены научной методикой, учитывающей структурно-семантическую специфику фразеологии. Так, исходя из в принципе неверной этимологической связи слов *собака* и *зуб*, которые якобы имеют общее происхождение от изобразительного слова *цап, цоп (цапнуть, цеплять, цепь, расцеплять)*, один из пользователей Интернета реконструирует исходную форму слова для обозначения *собаки* – *зубака*, которая, по его словам, должна была существовать во времена славяно-германской общности. К такому этимологическому прочтению автор привлекает массу европейских слов типа нем. *Zahn* ‘зуб’, др.-англ. *toð* ‘зуб’, англ. *dog* ‘собака’, *tooth* ‘зуб’, *thug* ‘убийца’ (ср. *тукнуть, тыкнуть*), *saucе* ‘соус, приправа’, *doctor* ‘доктор, мастер, специалист’ и рус. *дока, дошлый* ‘опытный’. Приводя ассоциативные фразеологические аналогии типа рус. *грызть гранит науки* или *мне это по зубам*, автор делает вывод, что «фразу *я на этом собаку съел* надо понимать, как «*я на этом зубок съел (сточил)*», т.е. ‘имею большой опыт’. (Устье речи.ру). Эта версия могла бы быть зачтена в одну из потенциально семантически возможных (ср. рус. *зубы съесть на чём* и её белорусские, украинские и польские параллели), если бы не одно чисто этимологическое «но»: слово *собака* давно уже этимологами-славистами почти единодушно относится к ранним иранским заимствованиям [Черных 2: 183], в то время как *зуб* – к древнему индоевропейскому глагольному корню со значением ‘кусать’, ‘прикусывать’, ‘жалить’ [Черных 1: 330–331]. Тем самым остроумная гипотеза любителя фразеологии оказывается колоссом на глиняных ногах. И тогда вступает в силу не менее остроумная шутка по поводу трудного для расшифровки выражения, отпущенная одним из пользователей Интернета: «Если бы мы были корейцами... тогда возможно и не было бы вопросов...»

Особый интерес в Интернете вызывают, разумеется, именно такие ФЕ, внутренняя форма которых предельно затемнена. Они давно интересуют и историков фразеологии, вот почему не грех присмотреться не только к интернетовским этимологиям, но и даже к самому факту их множественности. Характерный пример – идиома *сбить с панталыку*, которая, как и фразеологическая «собака», так до сих пор и остается необъясненной. Даже столь взыскующие

этимологической истины филологи-супруги Е. К. и С. И. Николаевы, посвятившие «панталыку» не менее десятилетия упорных изысканий, честно отказались от его окончательной разгадки. В Интернете же этот оборот вызывает самые жаркие споры – и в «Русском Форуме», и в «Евразийском Форуме», и в различных слотах интернетного пространства.

Многие участники дискуссии при этом знают научную и популярную литературу об этом фразеологизме, в свое время обобщенную нами в нашем «Историко-этимологическом словаре русской фразеологии» [БМС 2005: 515]. Нередки потому отсылки на связь выражения с греческой горой *Пантелик*, которую предполагал более ста лет назад М. И. Михельсон (rus.1september.ru/articlef.php?ID...).

Некоторые пользователи Интернета проявляют при расшифровке этого выражения неоправданную уверенность. Например, один из них *панталык* «однозначно», по его утверждению, возводит к казахскому слову *панта* ‘рог маралов’, а поскольку «чем больше панты, тем круче марал», то переносно слово значит ‘понтовый, хвастливый’, а выражение *сбить с панталыку* – ‘не дать хвастаться’.

Тем не менее, тот же пользователь допускает и связь слова *панталык* с украинским (диалектным центрально-полесским) *панталык*, *пантык* (мн. ч. – *панталыки*, *пантыки*) – ‘старая, рваная, разношенная и бесформенная обувь’, описывая историю идиомы весьма буднично: «какого-то бедолагу сбивают ударом с ног; при этом его *панталыки* настолько разношены, что их хозяин вылетает из них легко и босоного (а обувь остается на месте, давно уже равнодушная ко всему на свете)» и добавляя при этом: «Ещё круче будет картинка когда вытряхивают, выбивают из *панталон...*».

Далее этот же любитель-этимолог возводит наше выражение к истории Троянской войны, во время которой Ахиллес был сбит если не с ног, то с «панталыка» – подошвы или колес... Ведь, по словам автора, без них какой дальше ход?» jvarg (11 November 2010 – 06:21 AM).

Как видим, такие расшифровки фразеологии в Интернете являются некой попыткой соединить этимологическую «методологию» Варрона и Трелиаковского, замешанную на вольных ассоциации, с обычной шуткой – молодежным «стёбом».

Кстати, такие любители нередко стимулируются именно интернетовской информацией. Каскад разных версий о выражении *сбить с панталыку* был «спровоцирован», между прочим, ознакомлением их автора с материалами лингвофорума «Русский язык» (<http://lingvoforum.n...ic,28671.o.html>), где эта идиома толкуется так:

«Панталык. Как и пол. *pantalyk*, – из укр. *пантелик*. Последнее – карпатское слово *пантлик*, которое из словацк. *pantlik*. Последнее – заимствование из ю.-нем. *pantl* ‘узелок’, ‘завязка’, диминутив от *pant* < прагерм. **randan* ‘завязка’, имя действия к ‘связывать’. Значение слова *панталык* – ‘завязка’ > ‘суть’, ‘смысл’, ‘толк’.

Это объяснение, видимо, является «дайджестом» словарных статей некоторых этимологических словарей [Черных 1: 621; ЕСУМ 4: 278]. «Зацепившись» за это объяснение, пользователь Интернета развивает ещё одну народно-этимологическую гипотезу, связывая *панталык* с узелковым письмом и узелком на память (<http://blogs.mail.ru...33B6EF40B9.html>, <http://volshebnitsa...gija/20-1-0-417>) и делая ещё один решительный вывод: «Вобщем, *сбить с панталыку* – ‘сбить со счёта узелков в узелковом письме’». Как говорится: No comment...

Лишь лимит места не позволяет продемонстрировать примеры аналогичных историко-этимологических истолкований многих других идиом – как русских, так и инославянских, напр., рус. *бить баклуши*, *положить зубы на полку*, *ни зги не видно*, *ни кола ни двора*; укр. *байдики бити*, чеш. *za krále Holce, pije jako holendr, ani zbla*, пол. *zbić z pantalyku*, *zbijać baki*, *spuścić nos na kwintę*, хорв. *za Kulina bana* и под. Достаточно заглянуть в интернетовские ресурсы славянских языков, чтобы в этом убедиться.

Нужно заметить, что несмотря на уже отмеченный плюрализм интерпретаций, интернетовские источники предлагают пользователю и достаточно объективную информацию, извлеченную из авторитетных справочников. Особо высока квота объективности таких справок для оборотов интернационального происхождения, имеющих хорошо засвидетельствованную историческую предысторию. В целом корректны и информативны, например, интернетовские справки по таким выражениям, как *Ахилессова пята*, *строить воздушные замки*, *Потемкинские деревни* и под. Весьма полезны и непротиворечивы толкования фразеологии и афористики библейского происхождения.

И здесь, правда, нельзя исключить влияние массовой культуры и пиарной сиюминутности интернетных источников. Любопытна, например, быстрая актуализация «вторичной информации», связанной с тем или иным выражением – информации, которая может даже «заглушить» или вытеснить сообщение о его первоисточнике. Так, книжный оборот библейского происхождения и высокой стилистической окраски *земля обетованная* – ‘место, куда кто-л. страстно мечтает и стремится попасть’, ‘предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т.п.’, ‘место, где царит довольство, изобилие, счастье’ – не просто актуализировался в Интернете последних лет, но и претерпел некую информационную «перезарядку». Теперь его ассоциируют в первую очередь с названием популярного польского фильма «*Ziemia obiecana*» режиссера Анджея Вайды, впервые продемонстрированного 21 февраля 1975 года в Варшаве. Популярность фильма не только в Европе, но и в странах других континентов стала причиной того, что словосочетание *земля обетованная* в Интернете на разных языках связывается именно с ним.

Более того – именно благодаря фильму и ассоциативной привязке к нему Интернет предлагает пользователю полную языковую палитру этого выражения. Оно отражено практически во всех европейских языках и некоторых восточных, напр.: бел. *зямля (краіна) обяцаная*, укр. *обітована (обітна) земля (країна), обітований (обітний) край*; пол. *obiecana ziemia*, чеш. *země zaslíbená*,

слвцк. *krajina zasľúbená*, болг. *обетована земя*, макед. *ветената земја*, хорв. *obećana zemlja*, серб. *обећана земља*; лит. *pažadėtosisios žemės*, латыш. *apsolīto zemi*; англ. *promised land*, ит. *la terra promessa*, исп. *la tierra prometida*, португ. *a terra prometida*, фр. *la terre promise*; иврит. *הארץ המובטלת* и др. Как видим, во всех этих языках *обетованная земля*, как и в старославянском, означает «обещанная [Богом] земля». Немецкая же *das Gelobte Land* семантически весьма отличается от этого фразеологического ряда. Причиной такого различия может быть либо смысловой синкретизм в языке-источнике, где значения «обещанный» и «хвалёный» обозначались одним и тем же словом, либо полисемией немецкого глагола *loben*, который в прошлом имел более широкий семантический диапазон.

Несомненно, в подобных случаях Интернет способствует своеобразной «двойной актуализации» фразеологизма. Ведь для органического восприятия фильма А. Вайды и тех коннотаций, которые в нем присутствуют, и зритель, и пользователь Интернета в той или иной мере должен обратиться к первоисточнику. Тем самым хотя бы в сжатом виде они узнают, что *земля обетованная* – это древнее выражение из Библии, обозначающее обещанную землю Палестину, куда Бог, выполняя свое обещание, привел потомков Авраама – евреев из Египта, где они томились в плену. Согласно библейскому мифу, Бог сказал Моисею, что приведет евреев в «землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед» (Исход, 3, 8 и 17). *Обетованной землей* Палестина названа в Послании к Евреям (11, 9) [Ашукины 1987: 243; БМШ 2000: 184 и др.].

Фразеологизм в русский язык вошёл из церковно-славянского текста Библии, где *обетованная земля* и значит ‘обещанная’. Поэтому в русском языке оборот первоначально имел более высокую стилистику, чем в некоторых других европейских, напр., в немецком.

Наряду с такими объективными и легко доказуемыми историко-этимологическими справками в интернетовских ресурсах, как уже говорилось, немало надуманных, нередко фантастических комментариев внутренней формы фразеологизмов, вызванных весьма вольным прочтением их исходного образа – прочтением, диктуемым простым сложением семантики отдельных компонентов во фразеологическое целое. В принципе можно уловить даже определенную закономерность: чем прозрачнее (хотя на деле скорее – псевдопрозрачнее) внутренняя форма фразеологизма, тем «провокативнее» и прямолинейнее её интерпретации авторами соответствующих справок в Интернете. Простор для «герменевтических» толкований в духе В. Айрапетяна [2000, 2001] здесь поистине безграничен.

Типичный пример – разночтения в интерпретации старой русской идиомы *загнать за Можай* ‘очень далеко (загнать кого-л.)’. Исходя из факта, что *Можай* – это разговорная форма топонима Можайск (город на запад от Москвы), пользователи Интернета вольно приписывают ему самую различную историческую (т.е. псевдоисторическую) подоплеку. Одни считают, что фразеологизм возник во время отступления армии Наполеона из России, другие – что это свидетельство разгрома нашествия польских войск во времена Минина и По-

жарского, третьи – связывают с боями советских войск на Можайском направлении в октябре 1941 года, четвертые – называют его фразеологическим обозначением недоброй памяти 101-го километра, куда в советские времена высылали на поселение опальных, инакомыслящих людей (Библиотека Гумер. Справочник по фразеологии; Грамота.РУ; Википедия и др.). Во многом такие толкования являются вольным пересказом тех интерпретаций, которые дают этому выражения фразеологи (ср.: [БМС 2005, 441]). Вольность таких пересказов и полное отсутствие какой-либо лингвистической аргументации той или иной версии здесь просто бьет в глаза.

Вместе с тем, именно чисто языковые факты позволяют сразу же отказаться от некоторых из названных псевдоисторических толкований. Так, выражение не могло возникнуть ни как отражение событий Великой Отечественной войны на Можайском направлении, ни как свидетельство советских репрессий уже потому, что оно употреблялось русскими писателями ранее этого периода – напр., в «Суходоле» П.А. Бунина, написанном в 1911 году:

«– Да и правда, – говорила Наталья, – когда было не пасть замертво от такой оказии? Господа за Можай её загнали бы! А потом узнали мы о Суходоле нечто ещё более странное: узнали, что проще, добре Суходольских господ «во все вселенной не было...»

Ещё показательнее – свидетельство диалектов: выражение *загнать за мажай* кого в тульских говорах было записано в 1933 г. в значении 'загнать кого-л. очень далеко', а в курских – ещё в 1900–1902 гг. в значении 'угрожать кому-л. мстью, строгим наказанием' [СРНГ 17: 292]. Кстати, фонетическое варьирование, широта распространения и не менее широкий семантический диапазон нашего выражения весьма значимы: ср.: морд., селигер. *загнать за мажай* кого 'утомить, довести до изнеможения кого-л.' [Селигер 2007, 3: 246], морд. 'заставить страдать, мучиться кого-л.' [СРГМ 1986: 10]; *загнать за Можай* кого прост. 'очень далеко отправить, выслать кого-л.' [Зимин, Спириин 1996: 488]; орл. 'наказать, проучить кого-л.' [СОГ 1994: 135]; орл. 'измучить, утомить кого-л.' [СОГ 1994: 135]; орл. 'превзойти кого-л. в работе' [СОГ 1994: 135 – Мокиенко, Никитина 2008, 405].

Такие факты говорят о том, что принимаемые на веру пользователями Интернета «исторические» расшифровки этой идиомы ненадежны и требуют критического пересмотра. Как, впрочем, и интерпретации некоторых фразеологов.

Одним из преимуществ Интернета является весьма оперативная возможность проверить достоверность предлагаемой информации путём сопряжения этимологии по интересующей идиоме в одном языке с расшифровкой аналогичного по образности оборота в других языках. Такую возможность, например, хорошо предоставляет соматическая фразеология, метонимическая образность которой во многом обесценивает генетическую и типологическую универсальность идиом в разных языках. Типичны здесь, например, параллели во многих языках для таких русских выражений, как *брать/ взять ноги в руки, с головы до пят, душа ушла в пятки, жить на широкую ногу* и т.п.

В этом случае уже сама возможность фронтального сопоставления конкретной фразеологической единицы с оборотами других языков, оперативно предоставляемая Интернетом, может многое дать для объективной историко-этимологической интерпретации такой единицы. Так, рус. *брать/ взять ноги в руки* в сопоставлении с другими славянскими и неславянскими параллелями – напр., бел. *браць (узяць) ногі на плечы*, укр. *брати ноги на плечі*, пол. *brać/ wziąć nogi pod pas*, чеш. *brát/ vzít nohy na ramena*, словацк. *vziať nohy na plecía*, в-луж. *nohi (noze) pod pažu brać/ wzać*, словен. *vzel je noge pod pazduho*; англ. *take to one's heels*, нем. *die Beine in die Hand nehmen, die Füße unter die Arme nehmen* и фр. *prendre ses jambes à son cou*, ит. *mettersi le gambe in spalla* (реже *in capo*), исп. (латино-американское) *ponerse los pies en la cabeza* 'мчаться во весь дух; нестись сломя голову' помогают отвергнуть традиционные этимологические интерпретации белорусского, украинского, польского и французского фразеологизмов, часть из которых, кстати, представлена и в Интернете. Более того, славянские и другие европейские параллели убедительно отсеивают и намеренно эротизированную интернетовскую интерпретацию французского выражения, буквально воспроизводящую его соматический образ. Объективно же этот образ прочитывается как образ анималистический: во всех оборотах исходная внутренняя форма восходит к быстрому бегу животного, у которого задние лапы «забегают» впереди передних или их предплечий [Мокиенко 2010].

Близкую процедуру установления истинного этимона европейского фразеологизма предоставляют интернетовские данные по разным языкам в их сопоставлении с русскими выражениями – ср. германские и романские параллели к таким оборотам, как *пускать пыль в глаза, бросать камешки в чей огород* и под.

Наконец, небезынтересны и такие историко-этимологические толкования, которые Интернет предлагает для наиболее загадочных, затемнённых по внутренней форме фразеологизмов.

Как же оценивать плюрализм историко-этимологических интерпретаций, предлагаемых Интернетом?

Конечно, в первую очередь, желательно просеивать их сквозь собственно лингвистический фильтр, пытаться доказать предпочтительность той или иной версии с помощью методики структурно-семантического моделирования [Мокиенко 1980, 1989]. Но как при этом относиться к тем версиям, которые заведомо не выдерживают строго лингвистической критики, но тем не менее порождены ассоциативной цепочкой создателей таких этимологий?

Разумеется, с чисто научных позиций их нужно доказательно опровергать и отвергать. Но с ними нельзя не считаться как с порождением языковой креативности, народной образной фантазией, бытовым восприятием идиом в современном обществе и в современной речи. Ведь это вторая, третья или даже десятая коннотативная жизнь фразеологизмов, некогда порожденных структурно-семантическими моделями того или иного языка. И как рефлекс языковой креативности учитывать их необходимо. Необходимо уже и потому, что следы такого восприятия идиоматики мы находим и в художественных и

публицистических текстах, и в языке современной рекламы, и в живой народной речи.

Таким образом, интернет-ресурсы немало дают и для такого важного аспекта исследования фразеологии, как её историко-этимологическая интерпретация. Вот почему и историк языка в наше время уже не имеет права пренебрегать этим современным и весьма ценным источником. Источником, который позволяет вновь задуматься о тех образных ростках, из которых вырастает вечно зелёное древо Фразеологии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АЙРАПЕТАН, В.: *Русские толкования*. In: Языки русской культуры. М., 2000. (Studia philologica. Series minor). – 208 с.
- АЙРАПЕТАН, В. (2001): Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. In: *Языки русской культуры*. М.. (Studia philologica). – XII + 484 с.
- Ашукины: АШУКИН, Н. С. – АШУКИНА, М. Г.: *Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения*. – М.: Художественная литература, 4-е изд., дополненное, 1987. – 526 с.
- БМС: БИРИХ, А. К. – МОКИЕНКО, В. М. – СТЕПАНОВА, Л. И.: *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. Под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926. [2] с.
- БМШ: БЕРКОВ, В. П. – МОКИЕНКО, В. М. – ШУЛЕЖКОВА, С. Г.: *Большой словарь крылатых слов русского языка*. М.: «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 624 с.
- ЕСУМ: *Этимологичний словник української мови*. Тт. 1–5. Київ: Наукова думка, 1983–2006.
- ЗИМИН, В. И. – СПИРИН, А. С.: *Пословицы и поговорки русского народа*. – М: «Сюита», 1996. – 544 с.
- МОКИЕНКО, В. М.: *Славянская фразеология*. М.: Высшая школа, 1980. – 207 с., 2-е изд. М., 1989. – 287 с.
- МОКИЕНКО, В. М.: Из истории европейской соматической фразеологии (Kam s nohama?) In: *Phraseologische Studien. Фразеологические исследования. Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie. Динамические тенденции в славянской фразеологии*. Redaktion Dana Baláková und Harry Walter. Greifswald, 2010. С. 252–267.
- МОКИЕНКО, В. М. – НИКИТИНА, Т. Г.: *Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений*. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.
- Селигер: *Материалы по русской диалектологии*. Словарь. Сост. С. Н. Варина, Н. В. Богданова, З. А. Петрова. Под ред. А. С. Герда. Вып. 3. К–М. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007. – 332 с.
- СОГ: *Словарь орловских говоров* / Ред. Т. В. Бахвалова. Вып. 1-15. Орел: ГОУ ВПО, 1989–2008.
- СРГМ: *Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (республики Мордовия)*. Т. 1-8. Саранск: изд-во Мордовского ун-та, 1978-2006.
- СРНГ: *Словарь русских народных говоров*. Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Вып. 1–43 (издание продолжается). Л.–СПб, 1965–2010.
- ЧЕРНЫХ, П. Я.: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Тт. 1 (А-Пантомима. – 622 с.); II (Панцирь-Ящур. – 560 с.). М.: «Русский язык», 1993.

АЛЕКСЕЙ ПОДЧИНЕНОВ, ТАТЬЯНА СНИГИРЕВА

Россия, Екатеринбург

НОМО REVERTENS В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ABSTRACT:

In the article, one of the most well-known archetypical themes of world culture is examined. The plot of coming back is treated as related to Christian-oriented literature of the nineteenth century as the son coming back home, in connection with tragic literature of the twentieth century – the returning father. The material of reflection is represented by works of the following writers of the Soviet period: M. Sholokhov, A. Platonov, A. Tvardovsky.

KEY WORDS:

Russian literature of the nineteenth and twentieth centuries – the plot of coming back – author's strategy – sociosofy time.

Сюжет возвращения – один из наиболее устойчивых сюжетов мировой культуры, что определяется его архетипической и мифопоэтической природой. Генетически сюжет восходит к библейской притче о «Возвращении блудного сына», поддержан известными мифологическими рядами и культурными архетипами, а также «ядерными» текстами литературы, прежде всего, «Одиссеей» и «Гамлетом».

В истории отечественной литературы сюжет возвращения актуализируется, по крайней мере, благодаря трем факторам. Во-первых, реалиями общественной жизни, прежде всего, переживанием социумом национальных катастроф, гражданских, отечественных и локальных войн. Во-вторых, темпоральным возрастанием интереса общества к характеру и типу соотношения национального сознания и жизни с общечеловеческими идеалами. В-третьих, внутренней потребностью самой литературы к анализу меры добра и зла, созидания и разрушения, греха и возрождения в душе человека.

Нынешняя литературная ситуация, проецируя политико-государственные и общественные дискурсы, выглядит чрезвычайно странно. Государственная политика в целях конструирования общенациональной идеи и идеалов возвращается то к российской, то к советской символической и ритуалам. Общественное, в том числе бытовое, сознание охвачено той же ностальгией и в поисках нор-

мы обращается к царскому или советскому раю. Литературу же (кроме некоторых детективных проектов, а также текстов маргинального типа или русского варианта кэмп) идея возвращения к «утраченному времени» и попытки восстановить «распавшуюся связь времен» не интересуют. Хотя можно выделить один частный и специфический вариант сюжета возвращения – мнемонический: память о детстве и мысленное возвращение к своим истокам по-прежнему является основой большого пласта отечественной литературы. Но это виртуальное возвращение автора или alter ego автора в современной литературе не часто становится общезначимым и узнаваемым, что связано с распространением разных вариантов эго-текста в эпоху постмодерна.

Между тем русская литература XIX – XX веков представила несколько совершенных по нравственной значимости и художественному решению авторских вариантов ситуации (эпизода) и сюжета возвращения, основными из которых являются, с нашей точки зрения, следующие. В XIX веке, ориентированном на христианские ценности, домой возвращается Сын. В XX веке, в соответствии с трагическими вызовами эпохи, социософией времени, домой возвращается Отец.

Сопутствующие понятия сюжета возвращения в XIX веке: грех, грехопадение, воскрешение, возвращение. Дом здесь – абсолютная константная ценность.

Сопутствующие понятия сюжета возвращения в XX веке: дорога, путь, судьба, жизнь, смерть. Герой всегда возвращается к разрушенному дому, то есть происходит возвращение отца к дому, которого он не сумел ни сберечь, ни защитить. И сам герой, потерявший дом, утрачивает себя, к разрушенному дому возвращается опустошенный человек, превращаясь, таким образом, в блудного сына.

Поэтика финала таких произведений, как «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Обрыв», «Подросток», применительно к XIX веку, и «Тихого Дона», «Дома у дороги», «Возвращения» и «Судьбы человека», к XX, дает представление об авторских решениях, которые уточняют и углубляют предложенную схему.

В данной статье материалом для размышления будут произведения писателей советского периода.

Для большинства читателей финалом романа-эпопеи «Тихий Дон» стал образ «черного солнца», вставшего над головой Григория Мелехова после гибели Аксиньи: *«Теперь ему незачем было торопиться. Все было кончено. В дымной мгле суховея вставало над яром солнце. Лучи его серебрили густую седину на непокрытой голове Григория, скользили по бледному и страшному в своей неподвижности лицу. Словно пробудившись от тяжелого сна, он поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца»* [Шолохов 1953: 441]. Трактовалось данное образное решение по-разному. Официальная советская критика увидела в нем еще одно и уже окончательное проявление шолоховского осуждения и наказания своего заблудшего героя, так и «не понявшего прогрессивный ход истории» и не примкнувшего к нему. Альтернативное литературоведение, как зарубежное, так и отечественное, прочитывало роман и как историю гибели казачества

в годы гражданской войны (Э. Симмонс), и как трагедию личности, несущей в себе идею универсальной истины и поэтому не могущей встать на сторону ни одной из частных правд (Е. Тамарченко), и как роман о великой любви, во все времена обреченной на смерть (Г. Хьетсо). В русле этих пониманий основной идеи «Тихого Дона» образ «черного солнца» как финального образа романа интерпретируется в качестве авторского усиления трагизма существования сильной и страстной личности в мире.

Однако, и это чрезвычайно важно, финальной сценой романа становятся не гибель и похороны Аксиньи, но возвращение Григория на родной хутор. «Свирепый реализм», как одна из главных черт таланта и мировидения Шолохова, не дают писателю возможности дать хоть какую-то надежду на возможность благополучного поворота в судьбе героя. Он обречен. Обречен, поскольку возвращается домой, не дождавшись «первомайской амнистии», чем лишает себя малейшего шанса уцелеть. Он обречен и внутренне, поскольку прожил, избыл свою жизнь и, казалось, потерял все: «Как выжженная палами степь, черна стала жизнь Григория. Он лишился всего, что было дорого его сердцу» [Шолохов 1953: 441]. Возвращение домой – последнее усилие души героя, вызванное особой генетической памятью долга и норм:

«Григорий подошел к спуску, – задыхаясь, хрипло окликнул сына:

– Мишенька!... Сынок!..

Мишатка испуганно взглянул на него и опустил глаза. Он узнал в этом бородачом и страшном на вид человеке отца...

Все ласковые и нежные слова, которые по ночам шептал Григорий, вспоминая там, в дуброве, своих детей, сейчас вылетели у него из памяти. Опустившись на колени, целуя розовые холодные ручки сына, он сдавленным голосом твердил только одно слово:

– Сынок... сынок...

Потом Григорий взял на руки сына. Сухими, иступленно горящими глазами жадно всматриваясь в его лицо спросил:

– Как же вы тут? <...>

Что ж, вот и сбылось то немного, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына...

Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром» [Шолохов 1953: 444–445].

Финальные строки романа заставляют вспомнить его начало: тот же мелеховский двор, стоящий на самом краю хутора, хозяин-мужчина, потерявший все самое дорогое в мире, кровь, смерть и только что появившийся сын: «*Прокочий, с трясущейся головой и остановившимся взглядом, кутал в овчинную шубу попискивающий комочек – преждевременно родившегося ребенка*» [Шолохов 1953: 8]. Жесткое композиционное кольцо, обрамляющее огромный мир романа, поднимает его на иной – вне политики, идеологии, социальных катастроф – библейский уровень: отец, держащий сына на пороге родно-

го дома – залог вечного продолжения жизни, продолжения через утраты, страдания, гибель.

Ситуация возвращения – типичная для литературы о революции и гражданской войне, но, пожалуй, только Шолохов, беспощадно сказав о трагедии разрушенного дома, одновременно, с присущей ему художественной мощью, подтвердил непоколебимость и независимость от времени вечных основ жизни.

Та же проблема прочности/зыбкости отцовства, как залога возможности/невозможности сохранения нормы после перенесенных катастроф, стала основной в рассказе А. Платонова «Возвращение» 1946 года. Вынося в сильную позицию текста – заглавие – слово «возвращение» (первоначально рассказ носил иное название, где главным была фамилия и звание героя), писатель «покрывает» им весь текст, наполняя все новыми и новыми смыслами. «Возвращение» в рассказе является и фабулой, и сюжетом, и концептом. Лексема «возвращение» и ее вариативный ряд – основные в словесном пространстве текста: «и Иванов вернулся на попутной машине обратно в часть», «верность <...> в отношении вещей и своего дома, куда эта женщина, вероятно, возвращалась», «Она тоже возвращалась домой и думала, как она будет жить теперь новой гражданской жизнью», «Он тоже на войне был и домой вернулся» [Платонов 1990: 610, 611, 629] и т.д. Сюжетное сходство между историей о возвращении капитана Иванова и возвращением Одиссея на родную Итаку отмечают многие исследователи. В частности, А. Ливингстоун так комментирует специфику сходства этих произведений: «Это, конечно, другое время, другой масштаб, другой статус, но самой идеей возвращения, центральной для него, рассказ напоминает «Одиссею» Гомера – с ее путешествием героя на родину и постепенным «открытием» героя своим родным и знакомым, т.е. – психологическим возвращением» [Ливингстоун 2000: 113].

Конечно, метафорически, все странствия платоновских героев и их возвращения «напоминают странствия Одиссея с конечной точкой – родным домом, Итакой как символом счастья» [Полтавцева 2000: 64].

Но в данном случае по мере разворачивания текста физическое возвращение гвардия капитана Алексея Алексеевича Иванова с войны домой оборачивается для него душевным и сердечным невозвращением: «Но что-то мешало Иванову чувствовать радость своего возвращения всем сердцем, – вероятно, он слишком отвык от домашней жизни и не мог понять даже самых близких, родных людей» [Платонов 1990: 618]. В рассказе все настойчивее звучит мотив подмены, смещений коренных понятий жизни, «своего» и «чужого», что задано уже в его зачине и поддерживается до самого финала. Именно на боязни возвращения и возможности «невозвращения» строится конфликт рассказа: «Маше непривычно, странно и даже боязно было ехать домой к родственникам, от которых она отвыкла», «Она боялась сразу остаться одна в городе, где она родилась и жила, но который стал для нее почти чужбиной», Иванов «вернулся и смотрел на них, вновь знакомясь с каждым, как с родственником, жившим без него в тоске и бедности», «странен и еще не совсем по-

нятен был Иванову родной дом», Иванов «смотрел на каланчу города, бывшему ему родным» [Платонов 1990: 611, 612, 615, 618, 630].

Четыре года войны не отдалили от тех, кто воевал, память довоенной мирной жизни (на войне воспоминания о ней сохраняли и охраняли сердце), но, по Платонову, предопределили главное испытание: взаимное неузнавание отца и дома. Еще не вернувшись домой, Иванов чувствует себя «осиротевшим без армии» и мирную домашнюю жизнь по-военному называет «гражданской». Но если Иванову «странен» и «непонятен» по возвращению был его родной дом, то и дому был «странен» и «непонятен» гвардии капитан. Прежде всего, дом не признает в нем отца: «*Ты отец что ль? – спросил Петрушка, когда Иванов его обнял и поцеловал, приподнявши к себе*» [Платонов 1990: 614]. Еще определеннее: «*Маленькая Настя вышла из дому и, посмотрев на отца, которого она не помнила, начала отталкивать его от матери, упершись в его ногу, а потом заплакала. Петрушка стоял молча возле отца с матерью, с отцовским мешком за плечами, обождав немного, он сказал:*

– Хватит вам, а то Настька плачет, она не понимает.

Отец отошел от матери и взял к себе на руку Настю, плакавшую от страха.

– *Настька! – окликнул ее Петруша. – Опомнись, – кому я говорю! Это отец наш, он нам родня!..*» [Платонов 1990: 615].

Место отца фактически уже занято. Для Иванова – это Семен Евсеевич, который, потеряв всю семью, относился к его детям «как родной отец, и даже внимательнее иного отца» [Платонов 1990: 614–615]. Платонову важно, что произошло замещение именно отца, а не мужа, что неоднократно подчеркивается в рассказе. Главным «соперником» Иванова, который не сразу понимает это, стал его сын – Петруша, Петр Алексеевич, который четыре года исполнял обязанности отца (характерна «бытовая» деталь – сын носит перешитый отцовский пиджак) и обязанности матери, с утра до ночи работающей на заводе. Это замещение противостоит естественности, поскольку переворачивает всю традиционную иерархию семьи, буквально «выталкивая» отца из дома, в котором он вынужден говорить с сыном-хозяином «жалобным голосом, как маленький», вынужден признать его первенство над собой: «*Иванов глядел на своего сына, слушал его слова и чувствовал свою робость перед ним*» [Платонов 1990: 620].

Но А. Платонов, всегда настаивающий на том, что «народное, «неученное» сознание <...> не отключилось от «темного» сердечного питания, от забытых, вроде бы забытых, вековых душевных, нравственных представлений» [Семенова 2005: 27], не мог в ситуации общенациональной травмы не вернуть отца домой. Он, что особо характерно для его зрелого творчества, переводит бытовой сюжет в бытийный план: «Бытовой уровень конфликта осложняется метафизическим, бытовая фабула начинает восприниматься лишь как материал для постановки грандиозных проблем, рассказ выходит за границы семейно-бытового жанра и приобретает жанровые качества, сближающие его с притчей. Рассказ превращается в повествование о процессах бытия, которые фор-

мируют жизнь людей» [Фоменко 2003: 61]. Художественное время рассказа – семь дней, за которые капитан Иванов превращается в отца, пройдя путь от одиночества, эгоизма, непонимания, катастрофы к воскресению: «Иванов закрыл глаза, не желая видеть и чувствовать боли упавших, обессилевших детей, и сам почувствовал, как жарко у него стало в груди, будто сердце, заключенное и томившееся в нем, билось долго и напрасно всю его жизнь, и лишь теперь оно пробилось на свободу, наполнив все его существо теплом и содроганием. Он узнал вдруг все, что знал прежде, гораздо точнее и действительней. Прежде он чувствовал жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем.

Он еще раз взглядел со ступенек вагона в хвост поезда на удаленных детей. Он уже знал теперь, что это были его дети, Петрушка и Настя. Они, должно быть, видели его, когда вагон проходил по переезду, и Петрушка звал его домой к матери, а он смотрел на них невнимательно, думал о другом и не узнавал своих детей.

Сейчас Петрушка и Настя бежали далеко позади поезда по песчаной дорожке возле рельсов; Петрушка по-прежнему держал маленькую Настю и волочил ее за собою, когда она не успевала бежать ногами.

Иванов кинул вещевой мешок из вагона на землю, а потом спустился на нижнюю ступень вагона и сошел с поезда на ту песчаную дорожку, по которой бежали ему вослед его дети» [Платонов 1990: 632].

Той же надеждой на установление нормы звучит финал поэмы А. Твардовского «Дом у дороги» (1942–1946):

*Пришел солдат с войны домой
Своей дорогой длинной.*

*Чего, чего не повидал,
Казалось, все знакомо.
Но вот пришел, на взгорке стал –
И ни двора, ни дома.
И косу вытерши травой
На остановке краткой,
Он точно голос слушал свой,
Когда звенел лопаткой.*

*И голос тот как будто вдаль
Взывал с тоской и страстью.
И нес с собой его печаль,
И боль, и веру в счастье.*

*Коси, коса,
Пока роса,
Роса долой –
И мы домой. [Твардовский 1977: 384].*

В концептуально точно написанной работе «Мотив дом у дороги в русской литературе XIX–XX веков» Е. Н. Проскурина, исследуя трансформацию соотношения мотивов «дом» и «дорога», произошедшую в отечественной словесности за два столетия (материалом стали такие произведения, как «Станционный смотритель» А. С. Пушкина, «Обломов» И. А. Гончарова, «Вишневый сад» А. П. Чехов, «Темные аллеи» И. А. Бунина, «Дом у дороги» А. Т. Твардовского, «Дом на набережной» Ю. В. Трифонова), справедливо считает, что применительно к поэме Твардовского сложно говорить о победе дороги над домом: «Ни раздел семьи, ни плен, ни, наконец, разграбление и сожжение дома не властны уничтожить его как центр притяжения жизни: мыслью об оставленном доме живет на фронте хозяин, и эта мысль о том, что «сквозь смерть прийти туда живым», помогает ему преодолеть тяготы войны; с думами о возвращении домой как с единственной надеждой проживает горькое время в плену его жена Анна. Таким образом, в поэме Твардовского дороге, при самых благоприятных для нее обстоятельствах, не удастся окончательно разрушить дом Сивцовых, ибо здесь он больше, чем жилье, состоящее из стен, окон, дверей. Даже уничтоженный видимым образом, он все-таки существует, он есть, поскольку слишком ощутим его зов, слишком жива и сильна память о нем» [Проскурина 2002: 159].

Однако заметим, что неоднократно описанная связь сюжета поэмы «Дом у дороги» – пленение семьи солдата, гибель дома, возвращение воина к тому родному месту, где сейчас *«Ни окошка нет, ни хаты, / Ни хозяйки, хоть женатый, / Ни сынка, а был, ребята, – / Рисовал дома с трубой...»*, с сюжетом одной из самых трагических глав «Василия Теркина» – «Про солдата-сироту» – выявляет сложность авторской позиции, вновь определяемой масштабом национальной трагедии.

В поэме, которую порой вписывали в традицию фольклорного лубка (сам Твардовский признавался, что как только встречал: Теркин – бывалый, неунывающий солдат-балагур, – так сразу и бросал читать), надежды на возрождение разрушенного дома нет:

*Но, бездомный и безродный,
Воротившись в батальон,
Ел солдат свой суп холодный
После всех, и плакал он.
На краю сухой канавы,
С горькой, детской дрожью рта,
Плакал, сидя с ложкой в правой,
С хлебом в левой, – сирота.
Плакал, может быть, о сыне,
О жене, о чем ином,
О себе, что знал: отныне
Плакать некому о нем.* [Твардовский 1977: 310–311].

В поэме-песне-плаче «Дом у дороги» («падчерицы», «недоопубликованной») поэмы – определения Твардовского, имевшего в виду отношение к ней официальной критики) поэт оставляет надежду на возрождение, но семью в дом он не возвращает, оставляя финал открытым, соединяя в нем страсть надежды с тоскою, а веру в счастье с печалью и болью.

Еще жестче авторское решение М. Шолохова в классическом рассказе «эпопейного типа» (Н. Лейдерман) «Судьба человека» (1956). В нем безусловна духовная победа человека-народа перед лицом смертельных опасностей в ситуации всех испытаний «человеческого в человеке». Но столь же безусловно понимание невозвратимости душевных опустошающих потерь. Уже в зачи-не повествования Шолохов дает две контрастные яркие детали, свидетельствующие о невозможности воскрешения личности, не смогшей защитить свой дом. Открытость детства и детского: *«Глядя мне прямо в глаза светлыми, как небушко, глазами, чуть-чуть улыбаясь, мальчик смело протянул мне розовую холодную ручонку»* [Шолохов 1978: 629], – здесь же буквально перечеркивается психологическим портретом человека, душевно почти умершим: *«Я сбоку взглянул на него, и мне стало что-то не по себе... Видали вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника»* [Шолохов 1978: 630]. Ванюшка видит в Андрее Соколове своего отца, он «вспоминает» его, но сам герой отчетливо осознает всю глубину трагедии этой высокой, но все же подмены. М. Шолохов «не дает» своему герою дома не потому, что он его не заслужил, но потому, что утратил, видимо, навсегда: *«Тоска мне не дает на одном месте долго засиживаться. Вот уже когда Ванюшка мой подрастет и придется определять его в школу, тогда, может, и я угомонюсь, осяду на одном месте. А сейчас пока шагаем с ним по русской земле»* [Шолохов 1978: 652].

Поэтика финала рассказа «Судьба» человека» являет собой двойную авторскую интенцию: надежду, сопряженную с горечью: *«Мальчик подбежал к отцу, пристроился справа и, держась за полу отцовского ватника, засеменил рядом с широко шагавшим мужчиной.*

Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждет их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина.

С тяжкой грустью смотрел я им вслед... Может быть, все и обошлось бы благополучно при нашем расставанье, но Ванюшка, отойдя несколько шагов и заплетая куцыми ножками, повернулся на ходу о мне лицом, помахал розовой ручонкой. И вдруг словно мягкая, но когтистая лапа сжала мне сердце, и я поспешно отвернулся. Тут самое главное – уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное – не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...» [Шолохов 1978: 653].

Финал рассказа, во многом открывающего новую литературную эпоху, концентрирует все, обретенное отечественной литературой XX века в осмыслении сюжета (эпизода) возвращения отца к покинутому им и разрушенному без него дому: сиротство, одиночество, трагическую вину, которые усиливаются и – одновременно – снимаются появляющимися в качестве непреложного нравственного императива образами бегущих к отцу, идущих рядом с ним, прислоняющихся к его плечу детей.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ЛИВИНГСТОУН, А. (2000): Мотив возвращения в рассказе А. Платонова «Возвращение». In: *Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы*. СПб. Кн. 2.
- ПЛАТОНОВ, А. П. (1990): *Государственный житель: Проза, ранние сочинения, письма*. Минск.
- ПОЛТАВЦЕВА, Н. Г. (2000): Текст и интертекст в детских рассказах А. Платонова 50-х годов In: *Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы*. СПб. Кн. 2.
- ПРОСКУРИНА, Е. Н. (2002): Мотив дом у дороги в русской литературе XIX – XX веков. In: *Сюжеты и мотивы русской литературы*. Новосибирск. Вып. 5.
- СЕМЕНОВА, С. Г. (2005): Сердечный мыслитель. In: *Вопросы философии*. № 3, с. 27.
- ТВАРДОВСКИЙ, А. Т. (1977): *Собрание сочинений в шести томах*. М. Т. 2.
- ФОМЕНКО, Л. (2003): О природе конфликта в рассказах Платонова второй половины 1930-х гг. In: *«Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества*. М. Вып. 5.
- ШОЛОХОВ, М. А. (1978): *Поднятая целина. Судьба человека*. М.
- ШОЛОХОВ, М. А. (1953): *Тихий Дон*. М.

Людмила САВЕНКОВА

Россия, Ростов-на-Дону

ЧЕГО БОИТСЯ ЧЕЛОВЕК (СИТУАЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ *НЕ ДАЙ БОГ*)?

ABSTRACT:

In the paper the author explains the situations of the use of the phraselogical unit *не дай Бог*. This phraselogical unit marks the groups of the situations, which Russians consider as undesirable, but uncontrolled ones.

KEY WORDS:

Phraselogical unit – situation – undesirable – uncontrolled.

Задумываясь о законах, по которым выстраивает жизнь современный носитель русского языка и русской культуры, исследователь неминуемо задаст себе вопрос: насколько самостоятельным чувствует себя в этой жизни человек, в ком ищет опору, на кого рассчитывает в трудных ситуациях? В провербиальном пространстве, отражающем этническую философию и психологию русских, можно обнаружить изречения, отчётливо указывающие, что опорой и защитой индивид считает, во-первых, свою семью (*Нет такого дружка, как родная матушка; Холостой – полчеловека; В семье и каша гуще;* и др.), во-вторых, людей, близких по духу и устремлениям, – друзей (*Не имей сто рублей, а имей сто друзей*), в-третьих, сообщество индивидов того же социального круга (*С миром и беда не убыток; Собором и чёрта поборешь*). Что касается высшей силы, Господа, то хотя отдельные пословицы и оценивают отношение русского человека к Богу как достаточно скептическое либо равнодушное, ср.: (*Бог-то бог, да и сам не будь плох; Правда у Бога, а кривда на земле; Пока гром не грянет, мужик не перекрестится*), всё же подавляющее большинство их указывает на веру в то, что именно Бог руководит человеком, направляет его деятельность и наказывает, если тот ведёт себя вразрез с христианской моралью: *Живём, поколе Господь грехам нашим терпит; Как ни пугай, а Божья воля распутает; Бойся Вышнего, не говори лишнего!* и др.

В связи с этим человек и может апеллировать к Богу как «распределителю» желательных или нежелательных ситуаций.

Задача настоящего исследования – выявить те ситуации, в которых человек – вольно или невольно – обращается за защитой именно к Богу, а не к людям, прося оградить его от нежелательных последствий развития создавшейся или прогнозируемой неконтролируемой ситуации, от того, что кажется ему страшным и непосильным для самостоятельного преодоления. Именно в таких ситуациях положение индивида маркируется фразеологической единицей (ФЕ) *не дай Бог*.

Выражение *не дай бог* интерпретируется лексикографическими источниками в самом общем виде, ср.: «Не дай бог (боже); не приведи бог (боже); избави (или сохрани, упаси) бог (боже) – о нежелательности чего-л.» [Евгеньева 1981: 1, 101]; «Не дай (не приведи) бог (боже) (разг.) – 1) выражение нежелательности, недопустимости, беспокойства по поводу осуществления чего-н. Не дай бог заболеть! Не приведи бог заблудиться!; 2) выражение крайней степени проявления чего-н. нежелательного, а также вообще о ком-чем-н. очень плохом. Так рассердился, что не приведи (не дай) бог! Мороз – не приведи бог!» [Ожегов, Шведова 1994: 50]. «Фразеологический словарь русского языка» выделяет значение ‘выражение оценки, характеристики чего-либо, обычно со стороны силы, степени и т.п.’ [Молотков 1987: 353] как самостоятельное. В таком значении ФЕ, действительно, используется, однако вряд ли данная семантика проявляется в чистом виде. Скорее, в контекстах такого типа имплицитно сохраняется мысль о нежелательности проявления данной характеристики, ср.: «Время трудное сейчас – *не дай бог!* А вспомнишь какой-нибудь там... девяностый год! Нет, не девяностый. В девяностом на прилавках – шаром покати...» (Анатолий Трушкин. 208 избранных страниц. 1990–2002). В приведённом фрагменте, с одной стороны, ФЕ синонимична наречию степени (*очень трудное время*), с другой же – ощутима эллиптичность предложения, допускающая мысль о нежелательности для автора речи сохранения сложившейся ситуации (*время трудное сейчас – не дай бог <ему продлиться>*). Видимо, рациональнее говорить не об отсутствии в таких контекстах употребления ФЕ *не дай Бог* признака нежелательности, а об утрате им главенствующей позиции. Поэтому подобные примеры не исключались при анализе.

Материалом для рассмотрения послужила выборка из Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/corpora-biblio.html>) объёмом в шестьсот фрагментов текстов различной функциональной направленности (художественных, публицистических, обиходно-разговорных), включающих ФЕ *не дай Бог*. Заметим сразу: в подавляющем большинстве выбранных контекстов упомянутая ФЕ вводится автором высказывания (реальным – в нехудожественном тексте или вымышленным – в художественном) в речевую ткань как бы автоматически, то есть здесь нельзя говорить о попытке человека осознанно адресовать молитву Богу, но можно – о понимании говорящим/пишущим того, что прогнозируемая нежелательная ситуация неподконтрольна ему, а значит, избежать её не во власти автора речи.

Спектр частных ситуаций, которые представляются человеку нежелательными, довольно широк. Но важность их в сознании носителей русского языка

далеко не одинакова. Наиболее частотными оказываются упоминания о нежелательности естественной (в результате болезни), насильственной (убийство, война, сюда же, видимо, стоит отнести и самоубийство) или случайной (несчастный случай, стихийное бедствие, техногенная катастрофа и т.п.) смерти (58) либо о стремлении избежать событий и ситуаций, резко ухудшающих условия существования человека/людей, – физического дискомфорта (63), в том числе болезни или увечья (41), проявлений жестокости, насилия (9) и физических страданий либо напряжения сил (8), несчастных случаев, хотя и не ведущих к смертельному исходу, но составляющих угрозу здоровью (5); попадания индивида в неблагоприятную природную или психологическую обстановку (40); ввергания социума в войну (11) или революцию (5). Объёмный блок составляют контексты, сигнализирующие о нежелательности эмоциональных или нравственных страданий (21) и их причинения (40). Особого акцентирования заслуживает и такая деталь: судя по материалу, для русского человека важно не только избежать страданий или не стать их источником, но и не выглядеть таковым. Группу в 54 контекста можно условно обозначить как выражающие опасения утратить положительный имидж (не выглядеть нравственным, авторитетным, социально значимым, привлекательным внешне и т.д.). Приблизительно таков же по объёму (55 фрагментов) блок контекстов, признающих нежелательность неудачного оперирования информацией: её утечки, недополучения, недопонимания. Остальные примеры распределяются по группам, объёмы которых уступают перечисленным (от 1 до 25 фрагментов в блоке).

Ограниченность рамками статьи не позволяет описать все группы. Поэтому для примера остановимся лишь на одной, объединяющей контексты, в которых ФЕ *не дай Бог* указывает на опасность смерти. Мысль о смерти не «примеряется» говорящим к себе: из 58 контекстов, касающихся нежелательности прекращения жизни, только в одном субъект высказывания боится наступления собственной смерти, причем с точки зрения общественной морали этот субъект оценивается явно отрицательно, ср.: «Артур же его задушит при встрече – если они встретятся... Хотя – *не дай Бог!* Нет уж, пусть лучше Кацман в тюрьме отдыхает, чем он, Артур, которого за граница заждалась» (А. Грачёв. Ярый-3. Ордер на смерть). В остальных контекстах говорящий/пишущий выступает в роли лица, оценивающего ситуацию со стороны. Вряд ли автор речи лишён чувства страха, осознавая угрозу собственной жизни. Видимо, просто человек уверен в себе в большей степени, чем в других, и с возникающими трудностями рассчитывает справиться самостоятельно. ФЕ *не дай Бог* используется в тех контекстах, где речь идёт 1) о страхе навсегда потерять близкого, чаще всего родного, человека, ср.: «Однажды засыпая, погружаясь в замедленный, чуткий сон, Иван Макаров неожиданно понял, что единственная его защита в жизни – это спящая в другой комнате, маленькая, голубиной души и неистребимой наивности, **его бабушка**. “И *не дай Бог!* *Не дай Бог!*”» (А. Мишарин. Белый, белый день); «...я уже никуда и не уходила по своим делам, а готовила еду и начинала за час до **его** (мужа – Л.С.) прихода волноваться: как бы чего не случилось (машина, здоровье, да мало ли еще что бывает с человеком – кирпич упал на голову, *не дай*

Бог!» (Л. Иванова. Искренне ваша грешница) о нежелательности смерти чужого человека, от которого во многом зависит благополучие субъекта речи, ср.: «Но вот представь себе: приехал **иностранец**, а его тут избили или еще, *не дай Бог*, убили – какой сразу резонанс прозвучит, и кто завтра к вам поедет?» (Ю. Торгашева. «Народ стал теплее»); 3) о трагизме гибели многих людей, неизбежной в случае ведения военных действий (ср.: «Тогда в **страшный час**, которого *не дай бог*, НПРО США ничего гарантировать не сможет» (Д. Креленко. Наш ответ Бушу)), либо при совершении терактов (ср.: «Очевидно, в системе контроля существуют крупные недостатки, которые позволяют совершать **террористические акты**. Надо повнимательнее разобраться с этими событиями. Ведь *не дай бог* такому случиться в любой стране» (Автор не указан. Армия не может защитить даже своих раненых)), либо при авариях на транспорте (ср.: «Если бы, *не дай Бог*, случилось несчастье, человек, давший разрешение, стал бы отвечать за **гибель самолета и людей**» (Э. Рязанов. Подведенные итоги)), либо при техногенных катастрофах (ср.: «И если, *не дай Бог*, у нас разразится второй **Чернобыль**, то его виновником, скорее всего, станет наркоман» (Автор не указан. Дальше – тишина)).

Причины, побуждающие человека бояться смерти других людей, неоднородны и, как ни странно, редко связаны с состраданием к людям, чьей жизни угрожает опасность (указание на это чувство при совершившейся или возможной гибели человека обнаружилось всего в трех контекстах), и часто – с оценкой состояния или положения того, кто остаётся жить. При потере человеком близких третьи лица сочувствуют его тяжёлому эмоциональному состоянию («Сперва я **хочу выразить вам свое искреннее сочувствие. Не дай Бог** никому оказаться на вашем месте. Наверное, это самая страшная из всех возможных утрат – пережить своего ребенка...» (Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум)) или, чаще, обдумывают, не ухудшит ли эта потеря условий его дальнейшего существования. Если же отмечается нежелательность смерти лиц, которые не входят в число близких адресату речи, то разговор и вовсе переводится в прагматическую область, ср.: «Так что если не будет каких-то форс-мажорных обстоятельств, связанных, к примеру, с какими-то терактами глобального масштаба, *не дай бог*, конечно, то в таком случае не стоит ожидать существенных изменений курсов на валютном рынке в ближайшее время» (А. Чудодеев. Расписание на завтра).

Общее заключение, к которому приводит обзор материала: наиболее пугающими и потому крайне нежелательными для человека оказываются ситуации, разрушающие привычный, размеренный ход его жизни, лишаящие его физического или психологического комфорта, привычного окружения либо создающие для него опасность утраты положительного имиджа.

Использованная литература:

ДАЛЬ, В.И.: *Пословицы и поговорки русского народа* / В.И. Даль [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aphorism.ru.dal>.

ОЖЕГОВ, С.И., ШВЕДОВА, Н.Ю. (1994): *Толковый словарь русского языка*. М. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т.1. М., 1981. С. 100–101.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М., 1987.

Людмила Степанова

Чехия, Оломоуц

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ABSTRACT:

The paper deals with new idioms in Russian of nowadays. New researches show, that changes in the idiomatic fund of Russian are significant. The author deals with the term idiomatic neologism. The new idioms appear on the basis of old and new idioms, they form new variants of idioms and new word meanings. Contemporary Russian is the period of very intensive development of idiomatic fund. The Internet is useful source for etymological searching in the sphere of Russian idioms.

KEY WORDS:

New Russian idioms – changes in the idiomatic fund– idiomatic neologism – new variants – new word meaning – Internet – etymological searching.

Общее ускорение темпов жизни влечет за собой и интенсивное ускорение процессов пополнения словарного состава русского языка, в том числе его фразеологического фонда. Так, в 80-90-е гг. XX в. лингвисты уделяли первоочередное внимание многочисленным калькам английского (американского) происхождения: *голубые каски, зеленые береты, медные каски, показать красную карточку, железная леди, вызвать на ковер, выдавать мешок кому, потерять пар, плавильный котел* и др. Знаковым фразеологизмом, введенным в то время М. Горбачевым, стало выражение *сидеть в одной лодке*, которое было давно известно западноевропейским языкам, но для носителей русского языка было новым экспрессивным оборотом [Мокиенко 1997].

«Бандитские девяностые» были связаны с наплывом фразеологизмов жаргонного происхождения: *малиновые пиджаки, отмывать деньги, вешать лапшу на уши, знать пургу, лепить горбатого, забить стрелку, поставить на счетчик* и многие другие.

Начало третьего тысячелетия вызвало следующую волну экспрессивизации русской лексики, в том числе и за счет новых фразеологических единиц. Чешским русистам, проживающим в отрыве от живой среды русского языка, труд-

но следить за новыми оборотами, появляющимися в русской речи в последние годы. Однако, с другой стороны, некоторая отстраненность может сослужить и хорошую службу – поможет уловить неологизмы, которые быстро подхватываются носителями языка и скоро перестают ими ощущаться как новые.

В статье я хочу обратить внимание на новые фразеологизмы, которые не были включены мною в «Русско-чешский фразеологический словарь», вышедший в Оломоуце в 2007 г. [Stěpanova 2007]. При написании словаря неологизмам было уделено особое внимание, т. к. моей целью было отразить как можно более актуальное состояние русской фразеологии. Так, в Словаре были отмечены такие новые фразеологизмы, как: *мыльная опера, замести под ковер, делить пирог, скелет в шкафу, золотой парашют, ломать через колено, бесплатных завтраков не бывает* или *бесплатный сыр только в мышеловке, класть все яйца в одну корзину, выкручивать руки, гнать пургу, лепить горбатого, вешать лапшу на уши* и многие другие. При работе над Словарем я руководствовалась дефиницией Петербургского фразеологического семинара: «Фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2003: XI].

За прошедшие с момента выхода Словаря четыре года изменилось соотношение некоторых калек в русском и чешском языках. Так, в 2007 г. в Словаре не были включены обороты *это [не] моя чашка чая, это [не] моя группа крови*, хотя данные выражения уже были известны в чешском языке: *to není můj šálek kávy (čaje), to není moje krevní skupina*, в русском языке их тогда найти не удалось. В настоящее время в чешском языке эти обороты продолжают употребляться, нельзя, правда, сказать, что они очень активны (причем заметим, что предпочитается вариант *to není můj šálek kávy* – букв. это не моя чашка кофе). Ср.:

Michaela (21): Radikální změny nejsou můj šálek kávy. www.kafe.cz

Simona je moje krevní skupina, její knihy jsem doslova hltala a nemohla se od nich odtrhnout, děkuji a přeji ještě hodně psaní. www.databazeknih.cz

Matrix není zas tak originální, jak jsem si myslela. ... že jsem si z toho odnesl jádro pudla. I když toto filosofování o umělých formách života není úplně moje krevní skupina. www.csfd.cz

Сейчас были обнаружены примеры употребления этих оборотов и в русском языке, хотя их также нельзя отнести к самым излюбленным. Вероятно, можно прогнозировать, что в скором времени данные выражения будут языком забыты. Ср.:

Отель был постоянно шумным, никакой сон, бассейн, окруженный конкретными джунглями с 60-ых, <...> пиво, дешевое & противное. Не моя чашка чая! <http://www.tripadvisor.ru>

“Москва – моя группа крови” – Театр – ... “Москва – моя группа крови”. Елена Морозова, играющая в новом спектакле Кирилла Серебренникова ... www.timeout.ru

Некоторые фразеологизмы, зафиксированные ранее, но практически не употреблявшиеся, показывают в последнее время интенсивный всплеск активности, позволяющий отнести их к неологизмам. Таковы обороты *отделять мух от котлет* (*котлеты от мух*) и *мухи отдельно, котлеты отдельно*:

Простившись с комиссаром, я пошла по набережной. Итак, следовало отделить котлеты от мух. Травмы, не совместимые с жизнью... Интересно, как это можно было так изуродоваться, упав всего лишь с третьего этажа? Д. Донцова. Крутые наследники.

Популярность выражения настолько велика, что в русскоязычном Интернете активно обсуждаются версии его происхождения: его приписывают Чехову, возводят к фильму «Дневной поезд» (1976 г.) или к анекдоту о посетителе ресторана, получившем котлеты с мухами («...когда я приду к Вам в следующий раз принесите мне мухи отдельно, а котлеты отдельно»). Указывается также, что подобный анекдот был зафиксирован еще в переведенной с французского книжке «Всемирное остроумие» (1903; репринт: Дубна, 1995, с. 226). Здесь вместо мух тараканы, а фраза приписана Жерару де Нервалю (1808–1855). <http://forum.lingvo.ru>

Выражение *котлеты отдельно, мухи отдельно* стало особенно популярным после того, как Владимир Путин применил его на заседании Правительства в 2001 году. Вероятно, он цитировал фильм «Прощальная гастроль «Артиста»» (1979 г.).

Новые обороты появляются также в результате экспликации исконно русских, устоявшихся фразеологизмов. Так, в результате шуточного расширения компонентного состава возник фразеологизм *зарабатывать (иметь) на хлеб с икрой*, который уже приобрел устойчивость в данном составе. Его семантика отличается от исконного *зарабатывать на хлеб* ‘зарабатывать своим трудом средства для существования’, т. к. имеет оттенок – ‘зарабатывать на благополучную жизнь, на жизнь в достатке’:

... сейчас Адашева сама зарабатывает на хлеб с икрой, все у нее ладится хорошо, бизнес стабилен, в партнерах старая знакомая, почти подруга, Катя растет... Д. Донцова. Экстрим на сером волке.

3 май 2011 – Чубайсы, немцовы и К имеют на хлеб с икрой? Журнал “Самиздат”. samlib.ru

Депутаты заработали себе на хлеб, масло и икру. 22.07.2010 в 07:28 news.km.ru. newskey.ru

На хлеб зарабатывают руками, на масло – головой, а на икру – идеями. www.salestrening.ru

Многие фразеологические неологизмы при активном употреблении стабилизируют компонентный состав, отличавшийся вариативностью компонентов. Так, зафиксированный в Словаре фразеологизм *ноги из подмышек (от шеи, от ушей) растут* «о длинных, стройных, красивых женских ножках» в Интернет-употреблениях предпочитает вариант *ноги от шеи растут*:

Вчера девушку видел – что-то необыкновенное: личико – небесная фея, фигура – супер-модель, ноги – от шеи растут. www.anaofog.ru

На основе этого выражения сформировалось новое, которое стало еще более частотным, а именно: *узнать (понятно и т.п.), откуда ноги растут (у чего – проблемы и т.п.)* – ‘понять, в чем главная суть проблемы’, ср.:

Но прежде чем начинать лечение, следует поставить диагноз. Надо понять, так сказать, откуда у болезни ноги растут. Д. Донцова. Фигура легкого эпатажа.

ПЕРМСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ, 20 авг 2011. Откуда ноги растут (заголовок). – И откуда же взялось обвинение, если все так гладко, и имеются документальные подтверждения? www.permoboz.ru

Некоторые новые выражения, отмеченные в Словаре, приобрели дополнительное значение, стали полисемантическими. Так, фразеологизм *ловить мышей* имеет в Словаре следующее толкование: ‘быть расторопным, работающим’, *мышей не ловить* – ‘бездельничать’, ср.:

Дмитрий Медведев будет ловить мышей совместно с профсоюзами (заголовок).

Дмитрий Медведев: А что касается министерства, то любое единое ведомство должно мышей ловить, а не просиживать штаны... Газета «Коммерсантъ», N 13 (3830), 30.01.2008 <http://kommersant.ru>

На основе этого оборота в русском языке последних лет сформировалось выражение с новым значением *ловить / словить мышей* – ‘понимать/ понять что-л., быть сообразительным’ и *не ловить / не словить мышей* – ‘не понять, не уловить чего-л., быть несообразительным, сделать промах’ (отметим низкую стилистическую маркировку глагола *словить* (вместо *поймать*), здесь также явно оказала влияние близость однокоренных глаголов *словить* – *уловить*). Ср.:

Даниель даёт полиции прямую наводку на преступника, но Жибер в очередной раз не словил мышей и вместо бельгийца захватил его брата (переодетого). ru.wikipedia.org

... портье догадается, что Зарины в комнате не было, и удивится, где девочка. – Твоя правда, – согласилась я, – видишь, я сама от переутомления перестаю ловить мышей. Выпей снотворное и укладывайся, я пойду к себе и тоже лягу спать. Д. Донцова. Любовница египетской мумии.

Она ловко обвела вокруг пальца даже такого стреляного воробья, как Антонина Петровна: заплатила сразу за два месяца, нежно обняла маму, пообещала непременно навещать ее по субботам и отбыла. Как оказалось, навсегда. Заведующая вначале «не словила мышей», отсутствие девушки не насторожило. Д. Донцова. Ромео с большой дороги.

Новый фразеологизм возник и на основе зафиксированного в Словаре оборота *спускать / спустить в унитаз что* ‘впустую тратить средства’, в последних материалах Интернета чаще употребляется ФЕ *работать на унитаз* ‘тратить всю зарплату на пропитание’:

Слушайте, вы хотя бы немножко продукты экономьте. Я в субботу килограмм масла покупала – и где оно? Я вам что, на унитаз работаю? www.slovoborg.ru

Он мотался по командировкам, гробил здоровье в самолетах, поездах и гостиницах, чтобы прокормить и одеть трех баб: жену, маму и тещу. Впрочем, особого достатка у Звонаревых никогда не имелось, Костя трудился на унитаз. Д. Донцова. Третий глаз – алмаз.

Большинство украинцев работает «на унитаз». Согласно данным Государственной службы статистики, на конец 2010 года более половины. 11 авг. 2011. life.obozrevatel.com

Зафиксированы также примеры, когда фразеологические неологизмы оказывают влияние на лексику, расширяя спектр значений некоторых слов. Так, в русском языке известно и весьма распространено выражение *белая и пушистая* ‘очень хорошая, чистая, невинная’, восходящее к популярному анекдоту, ср.:

... мать начала снова в интеллигентность играть. Типа, я белая, пушистая, все понимающая, захочет он – вернется, не захочет – я поплачу в кулачок! Д. Донцова. Любовница египетской мумии.

Постепенно изменяется компонентный состав этого выражения, прилагательное *белый* опускается, но в состав ФЕ вводится существительное, конкретизирующее значение слова *пушистый*, ср.:

– Ника – настоящая хитрованка. Когда все вместе находятся, она пушистым одуванчиком прикидывается, а потом начинает с каждым по отдельности беседовать и грязь на Ми лить. Д. Донцова. Небо в рублях.

– Это она потом линию поведения поменяла, клыки показала. А поначалу, когда к Мише в доверие втиралась, такой пушистой белочкой прикинулась, – зло воскликнула мать Ларисы, – меня из дома выживать стала. Д. Донцова. Личное дело женщины-кошки.

Дегтярев не был пушистым ангелом, он, как уже известно, всюю пользовался служебным положением. Д. Донцова. Компот из запретного плода.

Таким образом разрушается фразеологизм и образуется новое значение прилагательного *пушистый* – ‘невинный’, впитавшее в себя семантику данного оборота. Это новое значение прилагательного еще не было зафиксировано словарями. Возможно, со временем вариант фразеологизма, включающий в себя существительное, стабилизируется в качестве нормативного.

Итак, как мы видим, современная русская фразеология отличается чрезвычайно интенсивным развитием. Сравнение состояния фразеологического запаса периодов, отстоящих друг от друга на четыре-пять лет, показывает, что за это время в языке появились как новые заимствованные фразеологизмы, так и обороты, возникшие на основе давно известных выражений или на основе лишь относительно недавно зафиксированных фразеологических неологизмов. Напряженная интенсивность употребления приводит к появлению новых вариантов, новых значений, изменяются не только фразеологические, но и лексические единицы языка.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- МОКИЕНКО, В. М. (2003): *Новая русская фразеология*. Ополе.
 МОКИЕНКО, В. М. (1997): В одной лодке. In: *Русская речь*, N 1, с. 98-107.
 STĚPANOVA, L. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: UP.

ПЕТРА ФОЙТУ

Чехия, Оломоуц

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ И ИХ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО-ЧЕШСКОГО СЛОВАРЯ НОВОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ)

ABSTRACT:

The article deals with some problems of Russian phraseological neologisms in comparison with phraseological neologisms in the Czech language based on the material of Russian-czech dictionary of new words and phraseological units. The aim of the article is to show the main problems, connected with the phraseographical practice by making this dictionary. There are two problems, mentioned in the article – the problem of phraseological neologisms in comparison with phraseological occasionalisms and the problem of differentiation between phraseological neologisms and traditional phraseology.

KEY WORDS:

Phraseological neologisms – Russian language – Czech language – phraseography – traditional phraseology – new phraseology – occasionalisms – Russian-Czech dictionary – comparison studies.

Целью настоящей статьи является рассмотрение проблем, связанных с описанием фразеологических неологизмов в Русско-чешском словаре новой лексики и фразеологии. Данный словарь был составлен группой преподавателей и студентов кафедры славистики Философского факультета Университета им. Палацкого в Оломоуце в рамках гранта по исследованию новой русской лексики и фразеологии. Данный словарь, доступный на сайте оломоуцкой русистики, содержит более 1300 неологизмов русского языка, из которых более 20 процентов составляют фразеологические единицы (*полный ажур; косить от армии; мозговая атака; быть в ауте* и многие другие).

В последние десятилетия во фразеологической и лексической системе русского и чешского языков происходят заметные изменения. Данные изменения были сразу замечены лингвистами, однако, несмотря на это, в определении неологизма и, в частности, фразеологического неологизма до сих пор нет единства. Неоднозначные, а иногда даже противоречивые подходы к дефини-

ции неологизмов значительно затрудняют отражение фразеологических неологизмов в словарях. В частности, составляя русско-чешский фразеологический словарь новой лексики и фразеологии, составители должны были решить в связи с фразеологическими неологизмами два основных вопроса:

Первым является вопрос о том, какое сочетание слов уже можно считать фразеологическим неологизмом, то есть – когда сочетание из окказионального употребления превращается в фразеологизм. Проблема разграничения фразеологических неологизмов и окказиональных вариантов отмечалась лингвистами уже довольно давно, характерно, что М. Чехова обращает на нее внимание в связи с динамическими процессами во фразеологии еще в 1986 году, то есть еще во время до начала такого стремительного развития фразеологической неологии. По ее словам, „*ani u odborníků však není jednoty v tom, co už je nebo co ještě není frazeologismus*“ [Čechová 1986: 179]. На современном этапе развития языка данный вопрос во фразеологии ставится так резко особенно потому, что многие фразеологические неологизмы представляют собой преобразование существующих фразеологических единиц русского языка. Здесь, по словам В. Мокиенко, самым важным критерием является устойчивость [Мокиенко 2008: 121]. С другой стороны, устойчивость сама по себе, как и многие другие признаки фразеологизма, является спорной (ср., например, работу Э. Доналис – [Donalies 2009]), надежные критерии того, что уже можно считать устойчивым, отсутствуют [ср., например, Хлебда 1999: 447]. Если констатирование В. Хлебды и Э. Доналис распространяется на фразеологию в целом, то на материале фразеологических неологизмов проблема выявления устойчивости становится особенно насущной. Стремление к употреблению фразеологических единиц (ФЕ) в измененном, трансформированном виде является настолько распространенным, что исследователи чешской фразеологической неологии приходят к выводу, что устойчивость как признак фразеологических неологизмов уступает на задний план [Janovec 2005: 148], что затрудняет ее применение при разграничении фразеологических неологизмов и окказиональных преобразований. Правда, определенная мера устойчивости для того, чтобы признать данное сочетание фразеологизмом, необходима, тем не менее, можно констатировать, что данное свойство фразеологических неологизмов в некоторых случаях довольно трудно выявить, а это приводит к затруднениям при составлении словаря данного типа.

В. Хлебда отвечает на вопрос о том, какие выражения уже вошли в язык, таким образом: «на вопрос, что это значит «войти в язык», придется ответить: «войти в язык» значит быть воспроизводимым в речи значительной части носителей русского языка» [Там же].

Вторым спорным моментом является сам вопрос о том, что такое фразеологический неологизм, другими словами, какими (прежде всего) временными характеристиками должен обладать фразеологизм, чтобы его можно было отнести к разряду фразеологических неологизмов, а не к сфере «традиционной фразеологии». На такие вопросы пытаются ответить фразеологи, занимающиеся как русской, так и чешской фразеологией, причем в таких попытках наблюдают-

ся большие разногласия – в зависимости от того, на основе каких критериев автор определенной дефиниции выделяет группу фразеологических неологизмов. Одним из первых определений фразеологических неологизмов является дефиниция В. М. Мокиенко и Х. Вальтера, которые определяют фразеологические неологизмы на основе их фразеографической незафиксированности. По словам данных авторов, фразеологическими неологизмами являются «не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо соданы заново, либо актуализировались в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко, Вальтер 2008: 102]. Как видно из приведенной дефиниции, понимание фразеологической неологии здесь построено целиком на критерии фразеографического отражения таких единиц словарями. Такое понимание фразеологических неологизмов довольно распространено и, как пишет Л. Степанова, характерно и для чешской фразеологии и фразеографии [Степанова 2008: 169].

Другим критерием, присутствующим в определениях фразеологических неологизмов, является критерий ощущения новизны носителями языка. Такой подход встречается в определении Л. Степановой, которое было создано уже непосредственно на материале русского и чешского языков. Согласно приведенному определению, фразеологическими неологизмами являются «выражения, недавно появившиеся в языке, необычность которых явно ощущается носителями языка» [Там же].

Если какие-то попытки определить, что такое фразеологический неологизм, на основе разных критериев во фразеологии существуют и в чем-то даже совпадают, то временное определение возникновения фразеологической неологии остается весьма спорным. Проблема временного определения возникновения фразеологических неологизмов почти не решается, а если решается, то наблюдаются самые разные и противоречивые взгляды. Если сравнить временные рамки возникновения фразеологических неологизмов, то они размещаются в диапазоне с 50-тых лет XX века [Mlasek 2008:134 на материале неологизмов в целом] до фразеологизмов, возникших после перестройки, то есть с начала 90-ых годов [Jankovičová 2010: 184].

Тем самым, при составлении словаря приходится решать два вопроса, которые отграничивают фразеологические неологизмы как бы с двух сторон. С одной стороны, здесь проявляется проблема отграничения фразеологических неологизмов от окказиональных, неустойчивых метафорических сочетаний слов. С данной точки зрения под фразеологическим неологизмом модно понимать лишь такой оборот, который уже настолько прочно укрепился в языке, что воспринимается носителями языка как устойчивое целое.

С другой стороны, под фразеологическим неологизмом можно понимать лишь такое устойчивое сочетание, которое (по крайней мере, в литературном языке) еще не потеряло для носителя языка ощущения новизны, то есть не потеряло признака неологизма и не перешло в разряд традиционных фразеологизмов.

Такое диалектическое понимание фразеологизма строится на отношении центра и периферии языка и обеспечивает динамику фразеологии, но, с другой стороны, представляет собой немалую проблему при фразеографическом описании русской фразеологической неологии.

При составлении словаря русско-чешской фразеологической неологии пришлось составить определение фразеологических неологизмов на основе указанных критериев. Описание фразеологических неологизмов при составлении данного словаря значительно упрощал тот факт, что многие фразеологические неологизмы, особенно в русской фразеологии, уже были описаны. Критерий выделения фразеологических неологизмов на основе отсутствия их описания в толковых словарях современного русского литературного языка поэтому пришлось сузить на критерий их отсутствия в одном, наиболее репрезентативном словаре. Под фразеологическими неологизмами в составленном словаре понимаются такие фразеологические единицы, которые не были зафиксированы Малым академическим словарем русского языка. Для фразеографического описания фразеологических неологизмов чешского и русского языков оно является наиболее четким и беспроblemным. Сравнение со словарем литературного языка позволяет обработать в словаре так называемые внутренние заимствования, то есть фразеологические неологизмы, пришедшие в язык из его внутренних ресурсов, т.е., чаще всего, из разных социолектов [ср. Ignatowić-Skowrońska 2008:130 и другие]. Кроме того, оно позволяет отразить возвращение в язык оборотов, которые по тем или иным причинам вышли из употребления. Таких оборотов в русском и чешском языке немало, на них обращают внимание исследователи как русской, так и чешской фразеологии [Степанова 2008: 17; Šechová 1994: 180].

Итак, первым выводом, который можно сделать о фразеологическом неологизме и на основе которого создавался приведенный словарь, это факт, что новый оборот не был зафиксирован в МАС.

Вторым, намного более проблематичным критерием, являлся критерий известности данного фразеологического неологизма среди носителей языка, о котором писал В. Хлебда. Во-первых, критерий «известности» фразеологизма является достаточно неопределенным, во-вторых, такой критерий трудно проверить. Поэтому здесь мы при составлении словаря опирались на одну, уже отмеченную специфику описания фразеологических неологизмов, о которой упоминает В. Мокиенко – на «недооценимую возможность работы с Интернетом» [Мокиенко 2008: 123]. В словаре отражены такие фразеологические неологизмы, которые встречаются в интернетовских источниках, в произведениях современной художественной литературы, которые отражены в словарях фразеологической неологии или словарях специфических форм современного русского и чешского языков. Тем самым нам удалось при составлении словаря ответить как вопрос, что уже можно считать фразеологизмом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

МОКИЕНКО, В. М., ВАЛЬТЕР, Х. (2008): Лексические и фразеологические неологизмы. In: *Kontracja języków współczesnych. Frazologia*. Opole, 2008, s. 102–108.

- МОКИЕНКО, В. М. (2008): Общая характеристика лексикографического подхода к фразеологическим неологизмам. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, 2008, s. 121–125.
- СТЕПАНОВА, Л. С. (2008): *Динамические процессы в интернациональной фразеологии*. In: *Rossica Olomucensia XIX*, Olomouc, стр. 17–21.
- СТЕПАНОВА, Л. С. (2008): Эволюция фразеологических единиц и неологизмы. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, s. 169–172.
- ХЛЕБДА, В. (1999): Бытуют ли в русском языке польские крылатые слова? In: *Rossica Olomucensia*, Olomouc, s. 443–448.
- ČECHOVÁ, M. (1986): Dynamika frazeologie. In: *Naše řeč*, s. 178–186.
- ČECHOVÁ, M. (1994): Kulturní frazeologie v současné komunikaci. In: *Naše řeč*, s. 179–183.
- DONALIES, E. (2009): *Basiswissen Deutsche Phraseologie*. Mannheim.
- IGNATOWICZ-SKOWROŃSKA, J. (2008): Ekwiwalenty wpelni adekwatne w rosyjsko-polskim słowniku nowej frazeologii rosyjskiej. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, s. 126–134.
- JANKOVIČOVÁ, M. (2010): Nové frazémy ako prejav dynamiky slovenskej frazeológie. In: *Phraseologische Studien*. Greifswald, 184–197.
- JANOVEC, L. (2005): Nevětné frazémy v nové slovní zásobě. In: *Neologizmy v dnešní češtině*. Praha, s. 147–158.
- MLACEK, J. (2008): Súčasný premeny v paremiológii očami textovej lingvistiky. In: *Parémie národů slovan-ských*. Ostrava, s. 132–138.

**Jan Gregor: Verbonominální spojení v ruštině
(v částečné konfrontaci s češtinou)****VŠERS, České Budějovice 2008, 304 s. ISBN: 978-80-86708-56-0**

Posuzovaná publikace je jednou z monografií, které tiskem na toto téma v r. 2008 z dílny autora vyšly. Druhá z nich – *Valenční možnosti verbonominálních spojení v publicistickém stylu (v rusko-českém srovnávacím plánu)*, Univerzita Palackého v Olomouci, 2008, 398 s. – byla recenzována pro časopis „Съпоставително езикознание“ vydávaný Sofijskou univerzitou Sv. Klimenta Ochridského (Съпоставително езикознание, 3/2009, s. 127–130). Ačkoli se v této recenzi věnujeme především první z nich, znalost obou textů, jakož i několika dalších dílčích počínů autora, je pro nás výhodou. Obě práce jsou shrnutím několikaletého badatelského úsilí, které autor vynaložil nejprve v rámci zpracování kvalifikační diplomové a později doktorské disertační práce; obě byly obhájeny na FF UP v Olomouci.

Vznik, vývoj a produktivnost ustálených verbonominálních spojení (VNS) jako projev celé řady procesů a tendencí (intelektualizace jazyka, specializace jazykových prostředků, nominalizace, analytičnost, multiverbizace) je, jak sám autor podotýká, jedním z výrazných rysů tzv. „písemných“ funkčních stylů (publicistického, odborného a administrativního). Vzhledem k výskytu VNS v celé řadě dalších jazyků se jedná o jev univerzální povahy (europeismus), který bezesporu zasluhuje všestranné pozornosti.

V jedenácti relativně samostatných kapitolách se autor na základě analýzy korpusu cca 1700 ruských a 1300 českých VNS a studia velkého množství dostupné sekundární literatury postupně věnuje různým aspektům zkoumaného objektu, především s využitím aparátu syntaktické sémantiky, valenční teorie; v rusko-českém i česko-ruském konfrontačním plánu. Nechybí ani komentáře směřující do oblasti aplikovaného výzkumu translátologického a lingvodidaktického.

V **první** kapitole autor definuje VNS jako objekt svého zkoumání sestávající ze strukturního centra vyjádřeného formálním slovesem a sémantického komponentu (nejčastěji abstraktní substantivum v akuzativu), uvádí jejich základní znaky (ustálenost, celistvost, reprodukovatelnost); jsou zdůvodněny i přednosti zvoleného pojmenování. Dále nastiňuje historické důvody vzniku VNS prizmatem již zmíněných tendencí, snaží se vysvětlit některé výhody a důvody užívání slovesně-jmenného oproti slovesnému pojmenování, jako např. vyšší jednoznačnost, přesnost, vidová diferenciacie, atributivní determinace, aktuální členění, textová koherence aj.

Kapitola **druhá** je věnována možným syntaktickým funkcím VNS s formálním slovesem ve tvaru infinitivu, i když, jak je konstatováno v závěru, lze za hlavní syntaktickou funkci VNS označit funkci slovesného přísudku, samozřejmě se slovesem ve tvaru finitním. **Třetí a čtvrtá** kapitola pojednává o možnostech rozvíjení abstraktního substantiva přívlástkem shodným. Autor se zaměřuje na obsazení této syntaktické pozice nejprve z hlediska slovnědruhového (frekvenčně, sestupně: adjektivum, zájmeno, přídavné jméno slovesné, číslovka), dále pak sleduje obligatornost/fakultativnost tohoto rozvíjejícího členu v souvislosti s volbou určitého slovesa, substantiva, resp. adjektiva. Za hlavní faktory možnosti/nutnosti doplnění jsou označovány těsnost, sevřenost vazby slovesného a jmenného komponentu, obecnější, širší či naopak užší sémantika substantiva, resp. vlastního syntaktického adjektiva. Mezi krajními póly je konstatován plynulý přechod. V souvislosti s touto kapitolou si dovoluujeme výtku vůči užívání zkratky ShPk (shodný přívlástek), která působí neobratně, oproti běžnějšímu ATS.

Téma **páté až sedmé** kapitoly je tématem dílčím; tvoří je vzhledem k vysoké četnosti v obou jazycích pojednání o VNS s formálním slovesem *дать*. Autor nejprve předkládá klasifikaci větných modelů obsahujících VNS s využitím pojmového aparátu sémantické syntaxe a teorie valence (včetně formálního zápisu); rozlišuje tzv. vnitřní a vnější vazbu celého ustáleného VNS, sleduje možnosti syntaktického rozvíjení jednotlivých komponentů VNS. Dále provádí sémantickou analýzu abstraktního substantiva tvořícího součást VNS a nakonec usiluje o typologizaci vztahů VNS – souvztažné sloveso v rusko-české konfrontaci při současném zohlednění slovo tvorných, strukturních i sémantických kritérií ve snaze zobecnit příčiny neúplnosti sledovaných řad.

Dílčí charakter objektu zkoumání převládá v kapitole **osmé**. Jsou jím česká VNS s formálním slovesem *мít* a jejich ruské ekvivalenty. Otázka je zkoumána v širším kontextu kategorie posesivity a s akcentem na mezijazykovou interferenci, autor se odvolává na tematicky blízké dřívější práce – Kubíkovy, Zimkovy, Adamcovy či Isačenkovy aj. Ve výsledku předkládá přehled více či méně ekvivalentních/neekvivalentních možností překladu VNS tohoto typu do ruštiny s konstatováním vysoké asymetrie distribuce českého *мít* a ruského *иметь*. Jednotlivá překladová řešení jsou hodnocena především se zřetelem k sémantice substantivního komponentu VNS a funkčnímu stylu.

V další, **deváté** kapitole je problematika VNS vykládána na pozadí sémantické relace konverzivnosti, přičemž je konstatována skutečnost poměrně častého výskytu konverzivních subjektově-objektové korelativních dvojic. V rusko-českém plánu autor zjišťuje přítomnost/nepřítomnost VNS, resp. vazby se souvztažným slovesem pro směr přímý i opačný. Zajímavé jsou závěry analýzy, kdy je konstatována komplementárnost dvojic – v případě, že v jednom z jazyků pro daný vztah a směr existuje slovesné vyjádření, je ve druhém jazyce slovesně-jmenné a naopak; autor rovněž uvádí skutečnost, že VNS bývají často jediným prostředkem vyjádření opačného směru.

Jestliže je důležitost závěrů analýzy VNS pro překladatelskou a učitelenskou praxi zdůrazňována na mnohých místech textu, pak kapitoly **desátá a jedenáctá** tento záměr plní zcela beze zbytku. V prvních z nich autor hledá různé možnosti oboustranného

překladu struktur obsahujících VNS, vymezuje činitele výběru variant (sémantika komponentů a jejich valenční možnosti, jazykový úzus, kontext, žánr, styl aj.). Druhá kapitola je pak pomyslným završením autorova výzkumu, který vedl k vytvoření komparativní didaktické klasifikace českých a ruských VNS. Vychází z tvrzení, že osvojování VNS vzhledem k odlišnosti vazeb v jednotlivých jazycích, kterou nelze povětšinou logicky vysvětlit, což má za následek celou řadu jevů interferenčních, nelze než plně souhlasit. Plně v duchu lingvodidaktického přístupu tak vznikla originální klasifikace zohledňující maximální množství kritérií – slovotvorné, strukturní, sémantické a valenční, komparativní; její logická, přehledná a důsledná struktura respektuje především postup od maxima k minimu mezijazykové shody.

Práci doplňuje shrnutí závěrů, obsáhlé ruské a anglické resumé. Velice cenný je i obsáhlý seznam sekundární literatury svědčící o vědomostní fundovanosti autora. Neméně pozornost zasluhují i přílohy – seznam možných pojmenování studovaného objektu u různých autorů, dále pak slovníčky VNS (ruských; řazeny abecedně jednak podle sloves, jednak podle substantiva; českých, řazen podle sloves). Tyto glosáře jsou viditelným dokladem autorovy snahy o aplikační dimenzi jeho výzkumu. Kniha se tak stává užitečnou pomůckou nejen těm, kteří by se chtěli věnovat výzkumu této či příbuzných oblastí, ale i pro studenty, pedagogy či překladatele, již mohou získat celou řadu informací nejen teoretického, ale i ryze praktického charakteru a využít text např. jako zdroj dat.

V souvislosti s recenzovaným textem, ale i dalšími pracemi autora je třeba zdůraznit takové kvality jako důslednost, vědecká fundovanost, snaha o komplexnost, maximalitu, logičnost, originalitu a hledání nových řešení.

Přes uvedená pozitiva, bychom se rádi dotkli i některých dosavadních nedostatků. I když není cílem naší recenze srovnávat práci v kontextu ostatních, nelze se tomuto srovnání vyhnout beze zbytku. Jako autorova „prvotina“ má tento text ve srovnání s druhou zmiňovanou monografií charakter částečně kaleidoskopický či „črtovitý“, chybí širší jednotící rámec, a v důsledku oslabené návaznosti kapitol tak vyznívá spíše jako soubor dílčích prací. Přes nespornou důkladnost, promyšlenost a snahu o komplexnost nastíněná koncepce (především závěrečná komparativní didaktická klasifikace) působí celkově velmi složitě a komplikovaně a domníváme se, že ona složitost více zastiňuje, než odhaluje podstatu problému, a jeví se nám tak částečně jako samoúčelná. Souhlasíme s tím, že zvolený postup a získané závěry jsou zcela přijatelné pro matematické metody zpracování jazyka, strojový překlad či korpusovou lingvistiku, pro aplikaci při výuce, a to dokonce vysokoškolské je přinejmenším sporná. Dále si myslíme, že přes výbornou aplikaci strukturně systémového přístupu k zvolenému objektu by mohl autor přihlédnout i k dalším lingvistickým paradigmatům, zohlednit kontext, funkční aspekty jevu, jeho textové využití, resp. své závěry ověřit i na dalších funkčních stylech. Poslední drobná výtka směřuje do stylové roviny práce. Jako odborné pojednání musí být text věcný, informačně hutný, což splňuje, ale rovněž s potlačenou složkou hodnotící. Autor na mnoha místech, především v pasážích úvodních a závěrečných, používá ve značné míře vysoce hodnotících epitet a dalších formulačních prostředků, z nichž čtenář nabývá dojmu naprosté výlučnosti sledovaného jevu (pravda, jde o jeden z výrazných

rysů odborného, resp. publicistického stylu, ne však jediný) a snad i výjimečnosti zvolených postupů. Ač přívlastek může na mnoha místech oživit suchopárný text odborného pojednání, neměl by svou přítomností rušit celkové vyznění práce v jakémkoli ohledu. V tomto smyslu nabádáme autora k větší střízlivosti při volbě výrazu.

Ladislav Vobořil, Česká republika, Olomouc

Dva nové slovníky z dílny krasnodarských lingvistů

Лебедева, Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. – 300 с. ISBN 5-8209-0279-3

V roce 2003 vydala Kubánská státní univerzita v Krasnodaru speciální slovník, který se jako jeden z prvních zabývá popisem ustálených přirovnání v ruštině. Slovník obsahuje přibližně 1200 hesel, a proto ho lze označit jako malý slovník. Přesto autorka L. A. Lebeděvová věří, že i v tomto rozsahu bude slovník dostatečně jasným dokladem jednak situací a témat, v nichž se v ruštině nejčastěji používají ustálená přirovnání, a jednak konkrétních slov, která mají výraznou schopnost v ustálených přirovnáních často figurovat.

V procesu lidského poznávání zaujímá přirovnání významné místo, neboť je smyslově názornou formou odrazu reálného světa ve vědomí člověka. Přirovnání se řadí k takovým jazykovým nástrojům, které nejenže umožňují srovnat vlastnosti známého a neznámého a připodobnit abstraktní pojmy konkrétním, čímž člověku pomáhají v poznání světa, ale také mu poskytují specifický prostředek k charakteristice skutečnosti, jejímu hodnocení a vyjádření vztahu k ní.

V předmluvě slovníku nalezneme informace o tom, že v jazyce se přirovnání realizuje prostřednictvím různých forem. Přesto je v podvědomí mluvčích přirovnání zakotveno v podobě několika modelů. V ruštině jde o konstrukce s instrumentálem přirovnání (*борода лопатой, стоять слобом*), s komparativem adjektiv (*лицо мрачнее тучи*), se složenými adjektivy obsahujícími části *-подобный, -образный* (*кожеподобный продукт, дугообразный изгиб реки*), s lexikálními elementy *похож, походить, подобный* (*она похожа на мокрую курицу*), ale hlavně s přirovnávacími spojkami (*слепой как крот, промокнуть как собака*). Je pochopitelné, že jednu myšlenku lze vyjádřit i mnoha formami přirovnání např. (*петь как соловей, петь соловьем*). Autorka dále v předmluvě (s. 4) poukazuje na to, že hesla ve většině slovníků ustálených přirovnání jsou uspořádána podle abecedy do hnízd, v nichž se objevují všechna přirovnání, která obsahují heslové slovo-objekt přirovnání. Předkládaný slovník je však členěn jinak. Ustálená přirovnání se sice také slučují do hnízd, ale ta jsou tematická. Ve slovníku nalezneme tematická pole týkající se charakteristiky člověka (vzhledu člověka, fyzických kvalit a schopností člověka, fyziologických stavů, fyzických projevů, charakterových vlastností, chování a dalších), charakteristiky událostí a jevů v přírodě, věcí, které člověka obklopují, ale

také abstraktních kategorií, jako je prostor, čas apod. vnímaných člověkem. Celkem je v přehledném obsahu uvedeno 22 takových tematických polí. Nejrozsáhlejším z nich, kterému je věnováno 42 z celkových 300 stran, je hned první pole Vzhled člověka, které se dále člení do 17 hnízd, označujících jednotlivosti lidského vzhledu (vlasy, oči, hlavu, tvář, tělo), ale také celkový dojem ze vzhledu člověka a oděvu. Autorka upozorňuje také na úskalí takového členění, které tkví v jistém „nedostatku“ této klasifikace, a to možnosti přisuzovat některá přirovnání několika tematickým skupinám. Přesto se toto členění slovníkových hesel jeví jako přehlednější, vhodnější pro rychlou orientaci a nalezení potřebného přirovnání, což umožňuje mluvčímu řešit aktuální komunikační situaci operativněji.

U každého hesla nalezneme nejen jeho výklad, ale také stylistickou klasifikaci vycházející ze sféry užívání ustáleného přirovnání a komponentů, které ho doprovázejí. Jak uvádí autorka (s. 7), varianty jednoho přirovnání: *носиться с кем-л. как с писаной торбой* a *как дурак с писаной торбой* se liší jedna od druhé právě svým stylistickým hodnocením. První varianta vyjadřuje nesouhlas, nelibost (неодобрение), druhá je pak díky lidovému slovu *дурак* hodnocena jako varianta hovorová, lidová (просторечие) vyjadřující nevoli mluvčího. Výklad a stylistickou klasifikaci každého ustáleného přirovnání doplňuje, jak je vidět i z uvedeného příkladu, ještě poznámka vyjadřující citově hodnotící příznak, který je součástí takového přirovnání. I přes snahu odpovědně stylisticky klasifikovat každé ustálené přirovnání autorka přiznává, že jde o úkol nadlidský. Použití ustálených přirovnání téměř výhradně v hovorové řeči, kde se vedle sebe nacházejí jednak přirovnání neutrální a jednak právě hovorová, znesnadňuje jejich stylistické hodnocení. Účelná je pak tedy stylistická klasifikace pouze jasně odlišitelných přirovnání ze sféry knižní, národně poetické a lidové.

Kontexty slovníkových hesel vybírala autorka nejen z vlastních excerptů, ale využívala také slovníky ruského jazyka, frazeologické slovníky a slovník ustálených přirovnání, jejichž seznam je uveden na s. 14.

V slovníku nechybí ani instrukce, jak s knihou nakládat, s podrobným popisem výstavby a formální úpravy slovníkových hesel, což je doplněno také seznamem zkratk, které autorka při konstrukci slovníkových hesel používá. V závěru nalezneme abecední rejstřík titulních slov z uvedených hesel a také už výše zmíněný obsah umožňující rychlou orientaci ve slovníku při jeho tematickém členění.

V resumé autorka adresuje slovník širokému okruhu čtenářů, s čímž nelze než souhlasit. Jak vyplývá z výše řečeného, slovník je díky tematické kategorizaci hesel přehledný, jasně členěný, hesla jsou interpretována v dostatečně šíři odpovídající komunikačním potřebám běžného uživatele i badatelským záměrům odborníka. A třebaže autorka v závěru předmluvy zdůrazňuje, že jde o první pokus o práci tohoto typu, a proto přivítá jakékoliv připomínky, zdá se, že svým inovativním přístupem je slovník přínosem právě v takové podobě, jak byl vytvořen.

Тарасенко Т.П. Словарь жаргона краснодарских школьников. Краснодар 2007. – 220 с.

V kontextu současné zvýšené pozornosti k hovorovým a nespisovným jazykovým prostředkům i k nositelům takového vyjadřování je pochopitelné také vydání slovníku žákovského žargonu. V roce 2007 ho vydala v autorské redakci Taťána P. Tarasenko, která se na Kubánské státní univerzitě v Krasnodaru zabývá socio-lingvistickou analýzou řeči a kulturou řeči. Autorka sbírala materiál pro svůj slovník v krasnodarských školách sedm let (2000-2007), a mohla tak do slovníku zařadit více než 3000 žargonismů a 4000 autentických citací.

Žargonismy jsou dokladem nejrůznějších zájmových sfér školních dětí v Krasnodaru. Autorka zjistila vliv mnoha různých sociolektů na jazyk žactva. Tato specifická sociální skupina oceňuje na žargonismech především jejich výrazné stylistické zabarvení, které není vlastní ani hovorovému lexiku, ani obecné mluvě (просторечие). Díky častému užití a následnému rozšíření žargonismů přecházejí některé časem do vrstvy hovorového lexika. Autorka upozorňuje, že hranice mezi žargonním a hovorovým je někdy nejasná (např. *тусовка*). Přesto do slovníku hovorové lexikem dětí (na rozdíl od odvozenin typu *туса, туся, тусуха* aj.) neřadila.

Abyste eliminovala autorka slovo tvornou činnost jedinců, rozhodla se řadit do slovníku pouze slova, která se vyskytla minimálně třikrát. Slovníkové heslo pak vystavěla podle běžných zvyklostí: za slovem v záhlaví uvádí gramatické charakteristiky a stylistické poznámky, po nichž následuje těžiště slovníkového hesla, a to výklad žargonismu a ilustrace jeho využití psané kurzívou. Na konci hesla pak najdeme frazeologismy spjaté s daným slovem. V některých případech bylo nezbytné uvést také etymologické informace, aby bylo zřejmé, která zkratka, cizí slovo nebo i domácí slovo posloužilo jako základ pro vznik žargonismu (např. АКÁ, -и, ж., арм. Автомат Калашникова. Пишет, что осваивает «ак». От официальной аббревиатуры «АК». (s. 8)

Ocenit je třeba také jednoduchou, intuitivní práci se slovníkem. Autorka sice na s. 11 uvádí seznam zkratek a slovníkových znaků, ale ty jsou natolik ustálené a jasné, že jde v podstatě pouze o formální záležitost. (Srov. např. МЯ'СО, -а, ср. 1. Драка, избиение. Сегодня будет мясо. 2. Культурист с сильно развитой мускулатурой. Пришёл мясо. 3. Пьяный, не способный стоять на ногах человек. Мясо валялся на остановке. 4. в знач. собир. Рядовые члены агрессивных группировок. Мясо спровоцировали драку. 5. Спортивный клуб «Спартак». Мясо занимают в турнире вторую строчку. 6. в знач. собир. Болельщики, фанаты спортивного клуба «Спартак». Мясо подняли свои баннеры*.) Hvězdička umístěná u některého ze slov (viz výše) odkazuje pozornost k danému slovu, které je také součástí slovníku.

Samá T. P. Tarasenko uvádí (s. 9), že v postsovětské éře mládežnickému nebo studentskému žargonu věnovali pozornost mnozí lingvisté, jejichž slovníky zobrazují jazykový materiál z teritorií různého rozsahu. Jejím cílem nebylo poskytnout komplexní přehled žákovských žargonismů, ani tuto vrstvu slovní zásoby jakýmkoliv způsobem popularizovat. Chtěla prostřednictvím jazyka představit krasnodarského žáka jako nositele jazyka 21. století. Přesto lze konstatovat, že práce tohoto typu, ať už si kladou jakékoliv cíle, jsou vzhledem k rychlosti vývoje této jazykové oblasti více než potřebné a užitečné.

Monika Vokurková, Česká republika, Olomouc

Праздник русистов: XXI Оломоуцкие дни русистов 7–9 сентября 2011 г.

В начале сентября в Оломоуце опять произошла традиционная праздничная встреча русистов из многих стран всего мира. Казалось, что после XX Оломоуцких дней, которые состоялись два года тому назад, уже нечего будет праздновать. Однако, все-таки нашелся повод для праздника. Во-первых, прошло ровно 35 лет с момента, когда в 1976 г. Оломоуцкие дни организовались в первый раз. Правда, сначала скорее как семинар для преподавателей русского языка и литературы средних школ и гимназий. Международной конференцией, организованной под эгидой МАПРЯЛа, ОДР стали только в 90-е годы XX века. Во-вторых, *Rossica Olomucensia*, верный спутник ОДР, впервые вышедший в свет в 1968 г. и в последние годы проделавший период кардинальных изменений, в этом году отмечает свой 50-й выпуск.

В 2011 г. о своем желании участвовать в конференции заявило 160 специалистов из 15 стран мира, что является рекордом во всей истории Оломоуцких дней. Фактически же приняло участие около 125 участников. Самым большим численным составом отличались как всегда делегации Российской Федерации, Чешской Республики и Польши; участие принимали и представители Австрии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Казахстана, Киргизии, Словакии, Украины и Хорватии. Организаторов весьма обрадовало, что участие приняли и представители Японии и Тайваня, никогда до этого в Оломоуце не бывавшие.

Торжественное открытие конференции проходило в актовом зале Философского факультета Университета им. Палацкого при участии ректора Университета им. Палацкого проф. Мирослава Машляня и зам. декана Философского факультета по науке доц. Йиржи Шпички. В почетном президиуме заседали и генеральный консул РФ в г. Брно А.Е. Шарашкин, зав. кафедрой славистики Философского факультета доц. З. Пехал и президент Оломоуцких дней русистов д-р Л. Воборил.

После торжественного открытия на пленарном заседании представили итоги своей работы оломоуцкие русисты: Зденец Пехал, литературоведение: *Двойственная структура русского романа*; Зденька Выходилова, лингвистика: *Неэксплицитность выражений в языке и речи*; Алла Архангельская, фразео-

логия: Сексизм в России – больше, чем сексизм (фразеологические неологизмы компонентом СЕКСИЗМ в современном русском публицистическом дискурсе).

В дальнейшем работа конференции продолжалась в четырех секциях с объявленными раньше темами и частными подтемами и трех круглых столах: лингвистической (Тема: **Русский язык в процессе коммуникации**. Подтемы: *Русский язык в сопоставлении с другими языками. Интернет – друг или враг живого языка и человеческого общения.*), переводческой (Тема: **Научные традиции и новые направления в теории перевода**), фразеологической (**Фразеология и интернет**. Подтемы: *Интернет как источник для фразеологических исследований. Интернет и фразеография. Корпусная лингвистика и фразеология. Фразеологическая неологика.*) и литературоведческой (**Диалогическая структура русской литературы**. Подтема: *Ф. М. Достоевский*). Темы круглых столов: *Газетно-публицистический стиль и текст; Прагматика в (рекламном) тексте; Вузовское обучение теории и практике перевода – проблемы, обмен опытом.*

В лингвистической секции 1 Вопросы лексикологии и лингвокультурологии работали лингвисты из России, Чехии, Словакии, Украины, Тайваня. Всего было заслушано 17 докладов. Тематически доклады касались целого спектра проблем: **Проблемы семасиологии и ономасиологии** (в частности, в центре внимания докладчиков были проблемы семантики, семантической структуры лексического значения, производности различных типов значений; вопросы теории номинации, типов наименований, типов мотивации; проблемы становления стандартных и субстандартных номинантов различных типов; проблемы структуры, семантики и прагматики номинантов различного типа в историческом контексте; проблемы терминообразования; проблемы заимствований, их адаптации, словообразовательных потенциалов и функционирования в различных стилевых разновидностях языка, а также в стандарте и субстандарте). **Проблемы системности лексического состава языка** (синонимические отношения, лексико-семантические, тематические группы лексики и т.п.). **Проблемы лингвокультурологии** (языковая картина мира, лингвокультурологические особенности языковых единиц, логические понятия языка и т.п.).

В лингвистической секции 2 работали лингвисты из Чехии, России, Словакии, всего было прочитано 12 докладов. Тематика обсуждаемых проблем касалась приблизительно следующих блоков: морфолого-синтаксическая проблематика (элативное значение форм превосходной степени, местоимение *мы*, конструкции с причастиями, бессоюзное сложное предложение), анализ текста (смысловая структура текста, проблема его организации и восприятия, научный текст в формировании культурологической компетенции у иностранных учащихся) и обучение РКИ (обучение коммуникативным тактикам ведения спора, изучение глаголов положения в пространстве, музейная педагогика как формат интерактивного обучения РКИ).

В большинстве докладов представлен глубокий, взвешенный, последовательный и исследовательски надежный анализ материала, касающегося про-

блем лексикологии и лингвокультурологии. Методологическая база докладов отличалась разнообразием как самих методов, так и подходов к анализируемому материалу. Во многих докладах представлены методы сопоставительного и сопоставительно-типологического исследования.

Общей темой **фразеологической секции** была тема *Фразеология и интернет*. В секции выступило 36 человек. По всем докладам состоялась плодотворная дискуссия. Основными темами, обсуждаемыми на секции, были следующие: роль Интернета в фиксации фразеологических неологизмов, способы выявления вариантов фразеологических единиц с помощью Интернета, способы поиска эквивалентных соответствий с помощью Интернета, работа с Национальными корпусами в процессе фразеологических исследований, составление Корпуса русской фразеологии XVIII века, когнитивно-прагматические факторы неофразеологизации, новое в русской и славянской картине мира, фразеологические единицы в произведениях русских писателей, ядро и периферия современной фразеологии и т.п.

Члены секции пришли к выводу, что современные исследования в области фразеологии немыслимы без привлечения материалов Интернета и Национальных корпусов, которые позволяют выявить новые фраземы и их варианты, а так уловить тенденции развития фразеологических фондов русского и других европейских языков. В то же время работа с Интернет-источниками требует тщательной проверки собранного материала по данным корпусов и существующим словарям.

Транслатологическая секция работала в относительно камерном составе – прозвучало 14 докладов. В работе секции принимали участие представители Австрии, Польши, России, Словакии и Чехии. Предметом исследования в большей части докладов были переводы художественной литературы. С разных точек зрения анализировались переводы конкретных литературных произведений с русского или на русский язык (пьеса «Чинзано» Людмилы Петрушевской, роман «Сердца четырех» Владимира Сорокина, «Алиса/Аня (в переводе Владимира Набокова, как мы узнали от докладчика) в Стране чудес» Льюиса Кэрролла, «Лучшее средство от северного ветра» и «Все семь волн» Даниэла Глаттауера). Исследовались заимствования в произведениях современных украинских прозаиков, был дан обзор о современных переводах чешской прозы на русский язык.

В существенном теоретическом докладе была выдвинута необходимость новых взглядов на перевод как межкультурную научную дисциплину. Отдельные доклады касались частной проблематики перевода газетных текстов, перевода топонимической лексики в переводном словаре, переводческих ошибок в области порядка слов, проблематики транскрипции украинских имен на чешский язык в официальных документах.

Обсуждаемые проблемы и оживленная дискуссия свидетельствовали об актуальности и многосторонности проблем теории и практики перевода, о взаимосвязанности практики перевода с переводческой теорией.

Несмотря на глобализационные тенденции в современном мире, перевод не теряет своего значения, наоборот, наука о переводе как форме межкультурной коммуникации в новых условиях приобретает новые аспекты и ее необходимо развивать в новых направлениях.

В **секции литературоведения** прозвучало 20 докладов. Первая часть программы была посвящена творчеству Ф. М. Достоевского, и выступающие занимались вопросами исключительного характера романов автора, полижанровости, полифоничности, диалогичности. Диалогическая структура поэтики Достоевского прорисовывалась практически во всех докладах – никакой элемент в романах Достоевского не существует отдельно, все сливается в разного рода дихотомию и полифонию. Таким образом было учтено диалогическое расширение смысла в романе «Братья Карамазовы», были обсуждены вопросы христоцентризма и внутренне с ним связанного антропоцентризма. Были обсуждены вопросы рассказчика в связи с ценностно ориентированным полилогом «Записков из подполья», мотивы романов Достоевского в драматургии Булгакова, связи Достоевского с Л. Андреевым, Буниным, Петрушевской, странническая традиция в классической литературе, в том числе в поэтике Достоевского. Очень тщательно был рассмотрен психологизм в романах Достоевского в связи с Гаршиным и Сологубом и были сделаны результаты о повествовательной структуре романов Достоевского. Прозвучал детально основанный на фактах доклад о чешском восприятии Достоевского и особенностях разных переводов его романов на чешский язык.

Следующая часть программы занималась разными областями русской литературы в связи с диалогической структурой русского романа – Хармсом и философией Бергсона, Пришвиным, Ремизовым, Венедиктом Ерофеевым, Михаилом Шишкиным, Еленой Чижовой, Лидией Улицкой, универсальным культурным архетипом, мифопоэтикой и этнопоэтикой, была обсуждена тема одиночества и ее восприятие разными эстетическими концепциями. Участники коснулись и поколений или диалога культур и субкультур в современной русской литературе. Почти во всех докладах проявилась главная тема конференции – разного рода диалогичность или бергсоновская текучесть и взаимопросвечивание постоянно движущихся элементов их разнообразное проявление в тексте.

Круглый стол 1 и 2 работал в рамках грантового проекта „Inovace filologických studijních oborů v souladu s potřebami na trhu práce“. Целью было обсуждение проблем газетно-публицистического стиля и текста, а также прагматики в рекламном тексте.

Круглый стол 1 представляли лингвисты из Польши, России, Чехии; всего было заслушано 8 докладов. В Круглом столе 2 приняли участие ученые из России, Хорватии и Польши. Всего было прочитано 8 докладов. Тематику докладов можно свести к следующим блокам: **проблемы коммуникативной лингвистики**, коммуникативные стратегии и тактики, вопросы речевого воздействия; **проблемы лингвистики текста**, вопросы методов исследования различного типа текстов, вопросы создания различных текстов, потенци-

ала языковых средств в этой связи и их целесообразности в различных типах дискурса, проблемы восприятия и понимания текста; **вопросы прагматики текста**, прагматические факторы содержания и формы текста; **лингвограмматические особенности рекламного текста**, реализация коммуникативных стратегий в тексте рекламы, его текстообразующие элементы.

Представленные на суд коллег доклады отличались разнообразием как с содержательной, так и с методологической точек зрения. В большинстве докладов представлен научно обоснованный и аргументированный анализ текстов с точки зрения их интенций, содержания и формы. Авторы представляли возможности математических и структурных методов анализа. В бурных дискуссиях приняли участие все неравнодушные. Дискутировали как докладчики с выступающими, так и выступающие между собой. Участники обсуждения докладов обращали внимание на сильные, проблемные и сомнительные места в докладах коллег, высказывали многочисленные дельные мысли в помощь докладчикам, разумные советы и пожелания.

Круглый стол 3 был посвящен некоторым аспектам проблематики преподавания теории и практики перевода, был представлен новый учебник практической русской грамматики, обсуждались вопросы функции перевода в обучении иностранному языку, в частности, русскому языку в сфере бизнеса. Анализировались основные виды компетенций переводчика.

Участники круглого стола обменивались опытом относительно преподавания переводческих дисциплин на бакалаврской и магистерской ступени вузовского обучения.

О высоком теоретическом уровне докладов и практической значимости свидетельствовала оживленная дискуссия, продолжавшаяся часто и после окончания работы секций в кулуарах, и, прежде всего, слова самих участников.

Кроме рабочей программы, участникам конференции была предоставлена богатая и интересная культурная программа, включающая кроме традиционного торжественного банкета, на этот раз под фольклорную музыку, также концерт органной музыки в соборе св. Маврикия, организованный в рамках ежегодного осеннего фестиваля органной музыки в Оломоуце.

Доклады конференции будут изданы в сборнике *Rossica Olomucensia L*. Срок проведения следующих XXII Оломоуцких дней русистов назначен на 4–6 сентября 2013 г.

д-р Ладислав Воборил, к.ф.н., президент конференции

Координаты конференции:

Olomoucké dny rusistů
Katedra slavistiky FF UP v Olomouci
Křížkovského 10
771 80 Olomouc
Czech Republic
www.odr.upol.cz,
l.voboril@centrum.cz, olomoucke.dny@centrum.cz

Rossica Olomucensia - Časopis pro ruskou a slovanskou filologii je pokračováním ročenky *Rossica Olomucensia* vydávané olomouckými rusisty od r. 1968. Časopis je recenzovaným periodikem. Vychází dvakrát ročně. Od r. 2009 má i svoji elektronickou verzi (http://www.rusistika.upol.cz/RU_rossica_ce.html).

Uveřejňuje původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou. V tomto smyslu jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, což dokládají autoři svým prohlášením.

Obsah časopisu má následující strukturu: vědecké a odborné stati, recenze, zprávy a kronika.

Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením.

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce května a října příslušného roku.

Texty příspěvků zasílejte na adresu:

Rossica Olomucensia, katedra slavistiky, Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci, Křížkovského 10, CZ-771 85.

E-mail: l.voboril@centrum.cz

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo rtf (např. novak.rtf, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku:

Jméno autora bez titulů v pořadí – jméno, (jméno po otci), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu cca 400 až 600 znaků s mezerami. Uvádí se za slovem Abstract:

Klíčová slova v angličtině – cca 10 – 15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words:

Text příspěvku – základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formátování se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, od-

stavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat (stránky vyznačit případně pouze na tištěný text ručně). Mezititulky neoddělovat mezerami.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt.

Maximální rozsah **18 000 znaků** včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktu, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpované literatury).

Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek) se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Citace se uvádějí uvozovkami („Cituji“, «Цитирую», “Citation”), specifickými pro každý jazyk. Odkazy na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu.

Použitá literatura. Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Kniha, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky nebudou k publikování přijaty.

Text „Pokynů pro autory“ v ruském jazyce je uveřejněn na internetové stránce katedry slavistiky: www.rusistika.upol.cz v oddíle Rossica Olomucensia.

Těšíme na Vaši spolupráci!